

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ

А. А. Иванов

**Сибирская политическая ссылка
XVII – начала XX в.
в исследованиях современников**

Учебное пособие

УДК 947(571.1/.6)+930.1(571.1/.6)(075.8)
ББК ТЗ(2Р6)-49,01я73
И20

Печатается по решению
ученого совета исторического факультета ИГУ

**Издание выходит в рамках Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р222-МИ-002**

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *Ю. А. Петрушин*
канд. ист. наук, доц. *Т. А. Перцева*

Иванов А. А.

И20

Сибирская политическая ссылка XVII – начала XX в. в исследованиях современников : учеб. пособие / А. А. Иванов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 153 с.
ISBN 978-5-9624-0990-0

Политическая ссылка – неотъемлемая часть истории Сибири, важнейшая составляющая ее социального и экономического развития XVII–XX вв. Это масштабное явление получило отражение в научной, публицистической и художественной литературе, но до сих пор изучено специалистами лишь фрагментарно. Между тем – это важнейший исторический источник не только по истории ссылки, но и по истории имперской и советской России. Отсюда и цель настоящего учебного пособия – дать подробный анализ исследований политической ссылки в Сибирь, выделив в них основные направления и проблематику, подвести итоги и наметить рубежи дальнейшего изучения.

Историографический обзор предваряет подробное освещение самой политической ссылки в Иркутскую губернию – ее численности, социального и партийного состава, профессиональной занятости и общественной деятельности.

Предназначено для студентов исторического факультета, а также всем, интересующимся историей России.

УДК 947(571.1/.6)+930.1(571.1/.6)
ББК ТЗ(2Р6)-49,01я73

ISBN 978-5-9624-0990-0

© Иванов А. А., 2013
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Политическая ссылка Прибайкалья (исторический аспект)	6
1.1. Ссылка XVII–XVIII вв.	6
1.2. Ссылка первой половины XIX в.	12
1.3. Политическая ссылка второй половины XIX в.	26
1.4. Политическая ссылка Иркутской губернии в 1905–1917 гг.	34
2. Политическая ссылка в Сибирь в исследованиях современников	43
2.1. Изучение политической ссылки в XVII – первой половине XIX в.	43
2.2. Изучение сибирской политической ссылки в пореформенный период	52
2.3. Политическая ссылка в Сибирь в исследованиях начала XX в.	98
Заключение.....	138
Рекомендуемая литература	148

Введение

Ни одно десятилетие и даже ни один век история политической ссылки продолжает находить своего исследователя. Правоведы, историки, специалисты различных областей науки открывают в этом явлении новые грани, обогащая отечественную историографию, как отдельными малоизученными сюжетами, так и современными методологическими приемами и подходами.

Такой стойкий и многолетний интерес вполне закономерен. Сам объект познания – сибирская ссылка – выводит нас, по крайней мере, на несколько обширных тем, среди которых выделим: проблему взаимоотношений государства и общества в имперский период; историю развития карательной, пенитенциарной и охранительной политики Российского государства; и особенности заселения, социального, культурного, политического, хозяйственного освоения и развития огромного региона, составлявшего значительную часть страны. В этом тесном переплетении имперского и регионального, политического и экономического, общего и частного, большого и малого и следует искать причину столь стойкого и долговременного интереса специалистов гуманитарных наук к данной проблематике.

Без большого преувеличения можно сказать: сибирская политическая ссылка оказала влияние на судьбы миллионов людей и потому не могла не оставить заметного следа в отечественной историографии. Ссылка породила значительное количество разноплановой литературы – научных монографий, художественных книг, полемических статей. В конце XIX – начале XX в. не было, пожалуй, ни одного повременного издания, страницы которого хоть однажды не предоставлялись бы для освещения «ссылных проблем». До сих пор этот огромный пласт литературы остается изученным лишь фрагментарно. Отсюда и цель настоящего учебного пособия – выявить и обобщить особенности изучения и отражения политической ссылки в Сибирь ее современниками, подвергнув всестороннему и подробному анализу историческую литературу.

Для достижения этой цели автор ставит перед собой следующие основные задачи:

– на примере Байкальского региона сделать краткий исторический анализ развития политической ссылки в Сибирь в

XVII – начале XX в., определив ее периодизацию, численность, географические и социальные особенности;

- определить основные этапы изучения политической ссылки ее современниками;

- проанализировать характер и особенности отражения политической ссылки в Сибирь в отечественной и зарубежной исторической и научно-публицистической литературе на протяжении XVII–XX вв.;

- рассмотрев наиболее заметные исследования современников, определить задачи дальнейшего изучения этой темы.

В настоящем пособии не исследуются проблемы истории и историографии ссылки в Сибирь декабристов и польских повстанцев, так как это отдельные и сугубо самостоятельные научные темы.

1. Политическая ссылка Прибайкалья (исторический аспект)

1.1. Ссылка XVII–XVIII вв.

История заселения и освоения Сибири, Прибайкалья неразрывно связана с уголовной и политической ссылкой. Со времени прихода в эти места русских ссылка являлась важнейшим элементом колониальной политики государства. Земли у Байкала заселялись не только казаками и вольными людьми – среди первых жителей края были и те, для кого приход сюда стал тяжким, пожизненным наказанием.

Отечественная историография в истории ссылки в Сибирь, как правило, выделяет два периода – московский и петербургский. Ссылка московского периода была начата практически сразу же после похода Ермака. При этом служивых людей, казаков, детей боярских, отправляя в ссылку, по-существу лишь перемещали на новые необжитые места, стремясь поручить им выполнение в «сибирской украине» трудных, важных и далеко небезопасных дел. Личные качества человека, его способности и знания, потребность в нем государства, а не его вина, определяли и место наказания. В Сибири такие ссыльные становились одним из важнейших источников формирования местной служилой аристократии. Так, уже в 1630 г. Сибирским приказом предписывалось верстать в дети боярские ссыльных «иноземцев», принявших православие, а указом от 30 мая 1683 г. повелевалось ссыльных российских дворян и их потомков, служивших без взысканий в Сибири, уравнивать с дворянами и детьми боярскими других мест России¹.

Первым известным политическим ссыльным в нашем регионе был, по всей видимости, протопоп Аввакум. В 1653 г. он за «многое безчинство» был сослан «з женою и з детьми в сибирский город на Лену». В декабре этого года Аввакум был в То-

---

¹ Зуев А. С., Красильников С. А. Ссылка в Сибирь в XVII – первой половине XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. С-Я. Новосибирск : Издат. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 171

больске, в конце 1655 г. – в Енисейске, в октябре 1656 г. – в Братском остроге. В следующем году Аввакум под присмотром казаков отряда А. Ф. Пашкова переправился через Байкал, и все лето двигался против течения Селенги и Хилка, достигнув осенью 1657 г. Иргень-озера, а затем реки Нерчи.

Не менее знаменит и другой ссыльным Байкальского региона этого периода – гетман Левобережной Украины Д. И. Многогрешный. У В. К. Андриевича находим соответствующий документ: «В царской грамоте на имя Туринскаго воеводы Ивана Суздальцева от 23 окт. 1673 г., относительно установления более строгого присмотра за людьми ссыльными в Сибирь, изложено: «В прошлых 180 и 181 годах, по нашему Государеву указу, посланы из Москвы в Сибирь в ссылку изменники и клятвопреступники войска Запорожскаго с ее стороны Днепра.... бывший Гетман Демка Игнатовъ ... до Тобольска, с сибирскими служилыми людьми, и с провожатыми, а в Тобольске велено их держать за крепкими караулами, скованных, а из Тобольска велено послать их, Демку Енисейскаго уезда, в Селенгинский острог, Ваську в Красноярск и т. д.; да в 180 году 1 июля в 19 день, по нашему, Великаго Государя указу, посланы в Сибирь в ссылку ... Игнашка Пареной, с женою Парасковицею, ... а из Тобольска велено их послать ... Игнашку Паренаго в Селенгинск, в пешую казачью службу»².

Многогрешный в 1674 г. вместо Селенгинска был отправлен в Иркутск, а в Забайкалье добрался только в 1683-м. В Селенгинске опального гетмана заключили в тюрьму и содержали «с великим бережением». В 1687 г. по приказу Ф. Головина он был освобожден и поверстан в дети боярские. Служил приказчиком Селенгинского острога – чин по тем временам немалый. В конце своей жизни постригся в монахи.

А вот еще пример. В 1681 г. в Баргузинский острог были посланы из Якутска сыны боярские Юрий Крыженовский и Петр Ярыжкин, провинившиеся в Охотском и Зашиверском острожках, с женами и детьми в пеший казацкий строй. Значит, край у Байкала столь сильно нуждался во всякого рода государевых людях, что их прошлое не играло решающей роли. Преступника отправляли туда, где с большей пользой можно было использо-

---

² Краткий очерк истории Забайкалья от древних времен до 1762 г. / сост. В. К. Андриевич. СПб., 1887. С. 42.

вать его знания и опыт. «Сослать в службу, на какую пригодится» – вот типичная формулировка при определении места отбывания наказания³.

Остроги Приангарья и Забайкалья были не только опорными пунктами для закрепления казаков на новых землях. Помимо сторожевых башен, приказных изб, гостиных дворов и амбаров под рухлядь, в них сразу же строились и тюремные помещения – застенки – по образцу «московских» с общими и одиночными камерами. Здесь отбывали наказание как местные жители, не желавшие платить ясак, так и «секретные» арестанты из столицы.

Только в Селенгинском остроге в разное время содержались Д. И. Многогрешный с семьей, сын казненного кабинет-министра Артемия Волинского Петр, вице-адмирал флота, генерал-лейтенант С. Г. Лопухин с супругой. «Содержать под крепким караулом не исходно, и кроме церкви Божьей никуда не пускать, чтобы с ними никто не говорил, бумаг и чернил не давать», – так предписывала инструкция для содержания Лопухиных⁴.

История Селенгинской крепости связана с именем А. П. Ганнибала. В августе 1725 г. сюда прибыл глава русского посольства, отправляемого в Цинскую империю граф С. Л. Владиславич-Рагузинский. Месторасположение острога ему не понравилось, о чем он и отписал в Петербург, в коллегия иностранных дел: «Селенгинск, воистину, ни город, ни село... И строен на месте, ни к чему годном и ко всяком набегам опасном». Рагузинский выбрал свое место для строительства острога. Его решение получило одобрение в специальном указе императрицы 22 января 1727 г. Строительство острога поручалось полковнику И. Д. Бухгольцу. По просьбе Рагузинского решено было послать в Селенгинск инженера и артиллерийского офицера. Им и стал поручик бомбардирской роты Преображенского полка Абрам Петров, прошедший специальное обучение инженерному искусству во Франции. 8 мая 1727 г. А. П. Ганнибал за принадлежность к оппозиции против А. Д. Меншикова был выслан в Казань, затем в Тобольск, а оттуда – в Селенгинск. По-видимому, Ганнибал не одобрил место, выбранное Рагузинским для строительства острога, и

---

³ Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 41.

⁴ Тиваненко А. У истоков Селенгинской ссылки // Правда Бурятии. 1990. 16 окт.

предложил свое. Так или иначе, но крепость любимец Петра Великого не строил, был отконвоирован обратно в Тобольск⁵.

Своеобразными тюрьмами на Руси были монастыри. Помимо выполнения религиозной и хозяйственной роли, они предназначались для заточения наиболее важных государственных и политических преступников. При этом ссылка в монастырь нередко сопровождалась насильственным пострижением. В Иркутском Знаменском монастыре, например, находилась Анна Волынская, прибывшая сюда в декабре 1740 г. и постриженная в монахини под именем Аксиньи. В апреле 1742 г., после получения высочайшего указа о помиловании, ей вернули мирское имя и вместе с братом Петром, отбывавшим наказание в Селенгинске, отправили в Санкт-Петербург⁶.

Согласно подсчетам А. С. Зуева и Н. А. Миненко, в 1725–1740-е гг. в Сибирь за «важные государственные вины» было сослано не менее 74 высокопоставленных государственных деятелей и придворных вельмож⁷. С Иркутском связана судьба немалой части опальных: это обер-церемониймейстер двора Петра Великого граф Де-Санти, обер-прокурор Сената Г. Скорняков-Писарев, генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга А. Девиер, замешанный в заговоре против А. Д. Меншикова, князь А. А. Черкасский, обвиненный в сговоре против императрицы Анны Иоанновны, сподвижник В. Беринга Д. Л. Овцын, Ф. И. Саймонов и некоторые другие.

Из вышеперечисленных наиболее заметную роль в истории Сибири сыграл Ф. И. Саймонов. В 1740 г. вице-адмирал и вице-президент Адмиралтейской коллегии Саймонов был привлечен к следствию по делу Ар. Волынского, лишён всех чинов и званий, бит кнутом и сослан в каторжные работы на строительство Охотского порта. Взошедшая на престол Елизавета освободила его из ссылки, а в 1753 г. ему предложили возглавить Нерчинскую секретную экспедицию, заняться исследованием и заселением обширного края за Байкалом. Исправляя эту должность, Саймонов стремился к «упорядочению сыльного дела», облег-

---

⁵ Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 70.

⁶ Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. /сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2004. С. 25–26.

⁷ Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов (очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск, 1992. С. 26–27

чению участи тысяч каторжных и приписных крестьян. С его именем связано открытие навигацких школ в Нерчинске и Иркутске, учреждение Морской школы в Охотске, строительство маяка на Байкале и гавани при Посольском монастыре. В 1757 г. он был назначен сибирским губернатором, и его шестилетнее правление отличалось активной борьбой со взяточничеством. Закончил свою политическую карьеру Ф. И. Соймонов в чине действительного тайного советника⁸.

Сибирская ссылка пополнялась не только за счет русских служилых людей. Едва ли не ранее всего сюда ссылали военнопленных, что считалось проявлением милости к недавнему противнику. В судебных приговорах этого периода можно было встретить такую формулировку: «Государь помиловал, велел живот дать, приговорил послать в ссылку». Так, в 1711 г. за Уральский камень было сослано большое количество солдат шведской армии Карла XII, взятых в плен после битвы под Полтавой и Переволочной. В плену оказалось от 20 до 25 тыс. человек. Сначала они размещались в Свияжске, Казани, Азове и Воронеже, затем были отправлены в Сибирь. Самое большое число пленных – до одной тысячи человек – осело в Тобольске, однако кроме этого шведов размещали в Нарыме, Березове, Таре, Томске, Енисейске, Туруханске, Иркутске, Киренске, Нерчинске, Якутске, Селенгинске.

Среди шведов были представители различных мирных профессий – учителя и гувернеры, художники и музыканты, сапожники и портные, аптекари и врачи. Они несли в сибирское общество европейскую бытовую культуру, новые профессиональные навыки и ремесла. В начале второй четверти века большинство военнопленных получили амнистию, затем их вернули на родину⁹.

С приходом XVIII в. связано начало ссылки петербургского периода. Ссылка этого времени стала принципиально отличаться от московской. Во-первых, появился новый вид наказания – каторжные работы, давшие рабочие руки для горнодобывающей промышленности, во-вторых, ссылка приняла огромные масштабы, что связано с принятием в декабре 1760 г. указа «О

---

⁸ Гольденберг Л. А. Каторжанин – сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф. И. Соймонова. Магадан: Кн. изд-во, 1979. 288 с.

⁹ Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII в. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2005. С. 145.

приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут...». Согласно подсчетам А. Д. Колесникова, с 1761 по 1782 г. в сибирский регион, по «рекрутским указам», было отправлено не менее 35 тыс. душ мужского пола. Если учесть, что в этот период женщины составляли 75–80 % от числа сославшихся мужчин, можно полагать, что за 20 лет сюда прибыло около 60 тыс. ссыльных и членов их семей¹⁰.

Число ссыльных в Прибайкалье постоянно увеличивалось и на 1 января 1823 г. достигло 17 819 человек. Большую часть их общего числа – 9 574 – составляли сосланные в каторжные работы (53,7 %), 8 090 человек – отбывали ссылку на поселения (45,4 %). Сосланных в ремесленные работы было незначительное число – 155 душ обоего пола, а причисленных в цех слуг – вообще не зафиксировано. В этот период среди ссыльных была довольно высокой доля женщин – 3 157 человек (17,7 %)¹¹.

Согласно советской историографии, помещики, пользуясь Указом от 13 декабря 1760 г., отправляли в Сибирь исключительно непокорных крестьян, «стихийных бунтарей и революционеров». Конечно, были и такие, но всё же есть все основания предположить, что немалую часть этих ссыльных составляли маргинальные элементы деревни, люди нерадивые, «порочные», от которых крестьянская община с облегчением избавлялась. Такие ссыльные не «садились на пашню», «не пускали корни» на новом месте, а пополняли ряды бродяг, занимаясь воровством и грабежом.

Проблемы, связанные с изменением контингента ссыльных, многократно усиливали отсутствие должной постановки самого «ссыльного дела». Ссылка по существу не знала организации: «счёта» колодникам не было, ссыльные, отправленные в места водворения, довольствовались в пути милостыней, на ночлег просились к крестьянам, местное начальство нередко задерживало их в своих корыстных целях. Отсутствие порядка в «ссыльном деле» вело к массовым побегам, и как следствие – к

---

¹⁰ Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. С. 354, 370.

¹¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 2096. Д. 1. Л. 383–386.

усилению опять же числа бродяг. Бродяжничество, преступность беглых – вот что становилось главной чертой ссылки XVIII в.

1.2. Ссылка первой половины XIX в.

В начале XIX в. удельный вес ссыльных и ссыльнопоселенцев в составе русского населения Сибири возрос с 4,1 % в 1795 г. до 10,5 % в 1833 г. По девятой ревизии 1850 г. в Сибири насчитывалось 104,3 тысячи ссыльнопоселенцев. Русское население Сибири, таким образом, увеличивалось быстрее, чем население империи в целом¹².

Увеличение масштабов ссылки быстро выявило ее узкие места, главным из которых являлось отсутствие системы этого наказания как на государственном, так и местном уровне. Упорядочение ссыльного дела было предпринято в 20-х гг. XIX в. и связано с именем М. М. Сперанского. Получив назначение на пост генерал-губернатора Сибири, Сперанский совместно с Г. С. Батеньковым разработал «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах...», в которых постарался учесть и разрешить большинство накопившихся в «ссыльном деле» проблем.

Согласно Уставу о ссыльных, все сосланные в Сибирь делились на несколько категорий. В зависимости от категории или разряда определялись и виды, продолжительность ссылки, льготы, права и обязанности осужденных. Одним из главных, стержневых, условий нового Устава стало требование обязательного труда. Реальная действительность очень скоро показала неосуществимость и даже утопичность некоторых положений устава, однако, несмотря на это, надо признать, что впервые за более чем двухсотлетнее существование сибирской ссылки были сделаны реальные шаги к упорядочению этого института, к уменьшению произвола местных чиновников.

Казалось бы, стройная правовая база уставов должна была улучшить положение ссылки, однако в реальной действительности этого не произошло. Дело в том, что уставы составлялись в расчете на 2–3 тыс. сибирских ссыльных в год, однако потребности страны в изоляции преступников были гораздо выше. Например, если в 1812–1821 гг. за Камень было отправлено 39 761 человек, то в следующем десятилетии – 91 709, а в 1832–1841 гг. –

---

¹² Кабузан В. М., Троицкий С. И. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 267–268.

еще 78 823. Всего же с 1807 по 1881 г. Сибирь приняла 635 319 ссыльных¹³.

Такое количество наказанных поселением или каторжными работами намного превышало число потенциальных рабочих мест. Этим людям нечем было занять, им не хватало не только «тяжких», как того требовал Устав, но даже сезонных работ: в конечном счете, они опять же, исправно пополняли ряды сибирских бродяг.

Составлять уставы и не проверить свои теоретические воззрения на практике М. М. Сперанский, естественно, не мог. Зимой 1820 г. он посетил Забайкалье. Для него эта поездка была важной. Накануне из Иркутска он несколько раз писал дочери о своем намерении побывать в Кяхте. Выехав из Иркутска 13 февраля, 14-го был в Селенгинске. В Кяхте провел три дня, затем прибыл в Верхнеудинск, а 26–27-го осматривал Нерчинский завод и Воздвиженский рудник. Побывал и в шахте. «Ужас сего места; процессия в стране мертвых со свечами ...», – отметит он в своем дневнике. А дочери напишет: «Вчерашний день я возвратился из преисподней... Я видел своими глазами последнюю линию человеческого бедствия и терпения. Ничто не может быть поучительнее сего впечатления». Организацию производства на Нерчинских рудниках он нашел, как указывает В. И. Вагин, в крайне жалком состоянии. «Хижины и развалины» – назвал увиденное Сперанский, работа же Иркутской экспедиции о ссыльных была отмечена им резко отрицательно¹⁴.

Деятнадцатый век в истории Прибайкалья прочно ассоциируется с политической ссылкой. Логика исследования требует разделить ее историю на несколько этапов. Первым, безусловно, будет декабристский. Его завершением можно считать 1856 г., ознаменовавшийся амнистией «дворянских революционеров» и выездом большинства из доживших до этого события в Европейскую Россию. С 1860-х гг. наступает новый, пореформенный, этап ссылки, где представители дворянского сословия постепенно уступают ведущее место выходцам из разночинской среды. Значительный процент в колониях уже составляют учителя, врачи, студенты и недоучившиеся гимназисты. Наконец, после Первой русской революции наступает время массовой полити-

---

¹³ Марголис А. Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995. С. 30.

¹⁴ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. С. 51, 58.

ческой ссылки, характеризующееся ее количественным ростом и подавляющим преобладанием рабочих и крестьян. Ссылка действительно являлась своеобразным барометром революционного движения в стране, верно передавала его этапы и социальное положение участников.

А. Н. Радищев. Политическая ссылка начала XIX в. в Иркутской губернии берет свое начало с А. Н. Радищева, прибывшего в столицу Восточной Сибири еще в октябре 1791 г. Опальный автор «Путешествия» чувствовал себя в городе вполне свободно: посещал театр, имел дружеские аудиенции у генерал-губернатора и епископа, поддерживал широкие знакомства в местном обществе. Вот как писал графу А. Р. Воронцову, начальнику и покровителю Радищева, губернатор И. И. Пиль: «8-го числа сего месяца приехал сюда и господин Радищев со свояченицею своей и с детьми... А, дав ему от дороги отдохновение, буду советовать с ним, каким образом будет удобно в месте его пребывания, завести дом для его жительства, и как теперь ему отсюда по совершенно дурной дороге до настоящей зимы ехать...»¹⁵.

В январе 1792 г. Радищев был доставлен в Илимск. Местные жители вряд ли знали о причинах его ссылки. А если и знали, то наверняка не понимали, как за «какую-то» книгу можно сослать в Сибирь. Такое непонимание со стороны сибиряков угнетало Радищева: «Проживая в огромных сибирских лесах, среди диких зверей и племен, часто отличающихся от них лишь членораздельной речью, силу которой они даже не в состоянии оценить, – писал бывший управляющий Петербургской таможней графу А. Р. Воронцову 14 февраля 1792 г. – я думаю, что и сам превращусь, в конце концов, в счастливого человека по Руссо и начну ходить на четвереньках»¹⁶.

Благодаря дружбе с А. Р. Воронцовым А. Н. Радищев не испытывал в Илимске материальных трудностей. Уже летом 1792 г. он начинает строительство большого дома в самом центре города, обзаводится хозяйством, выписывает из России необходимые книги и инструменты. Впоследствии он оборудует горн, будет делать на нем пробы со «слюдою и глиною», заведет парники со слюдяными рамами, станет удачно врачевать жителей.

---

¹⁵ Цит. по: Татаринцев А. Г. Радищев в Сибири. М., 1977. С. 188–189.

¹⁶ Радищев А. Н. Сочинения / вступ. ст., сост., коммент. В. Западова. М., 1988. С. 576.

Проходит время, но отношение А. Н. Радищева к местному обществу едва ли меняется. Он не может найти общего языка с чиновниками, большинство из которых продолжало считать его высланным к ним «за взятки», испытывает «притеснения» от исправника и уездного стряпчего, пытается искать защиты у генерал-губернатора. «Грубыми людишками», «отбросами общества» называет чиновников писатель в письме к Воронцову¹⁷. Столь же критично высказывается писатель и о сибирском крестьянине. «Местный житель, – подмечает он, – любит лукавить и обманывает сколько может даже в тех случаях, когда правильно понятая выгода заставила бы его предпочесть честное отношение»¹⁸.

Испытывая непонимание со стороны окружающего его общества, А. Н. Радищев много и упорно работает. В Илимске он пишет экономические и историко-философские трактаты – «Письмо о китайском торге», «О человеке, о его смертности и бессмертии», а также впоследствии утерянные «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и поэму «Ермак». Однако обращение к науке не спасает от духовного одиночества ссылки. В июне 1795 г. Радищев пишет Воронцову: «Чем старше я становлюсь, тем более чувствую, что человек есть существо общественное и созданное, чтобы жить в обществе себе подобных»¹⁹.

Трудно сказать, каким образом сложилась бы дальнейшая судьба А. Н. Радищева в Илимске, однако смерть Екатерины II досрочно освободила его из ссылки, и 20 февраля 1797 г., распродав или раздав свои вещи, «в три часа дня при стечении почти всех жителей», как об этом пишет П. С. Богословский, автор знаменитого «Путешествия...» покинул Илимск²⁰.

* * *

А. Н. Радищев не был единственным политическим ссылкой, отбывавшим наказание на территории Иркутской губернии. Кроме «первого революционера» в начале XIX в. здесь имелось незначительное количество так называемых «секретных» арестантов. Так, список, составленный 8 октября 1825 г. и подписанный Иркутским гражданским губернатором И. Цейдлером, содержит фамилии семи узников. Против трех имен – Ивана Фе-

---

¹⁷ Татаринцев А. Г. Указ. соч. С. 202–204.

¹⁸ Радищев А. Н. Указ. соч. С. 580.

¹⁹ Татаринцев А. Г. Указ. соч. С. 207.

²⁰ Богословский П. С. Радищев в Сибири // Сиб. огни. 1926. № 3. С. 112–124.

дотова, Ивана Табалина, Ивана Завьялова – значит: «при присылке знать не дано» и дата поступления – 21 ноября 1797 г. Долше всех наказание отбывал Осип Ананьин, при этом ему на момент составления списка было уже 89 лет, а прибыл он в губернию 4 апреля 1788 г. Никифор Короковцев, по всей видимости, был самым молодым ссыльным, так как содержался здесь лишь с 12 октября 1821 г. Большинство секретных арестантов были приписаны к крестьянскому обществу селения Ильдиканского Нерчинского горного ведомства и только двое – 90-летний ссыльнорабочий Василий Калинин и «иностранец Федор Бринк, 48 лет», находились соответственно в Иркутске и Якутске. При этом значилось, что все ссыльные «в уме и ведут себя порядочно» или «поведения весьма хорошего».

В конце списка имелась характерная приписка: «в этом же году 26 июня Н. Короковцев «помре». В 1827–1829 гг. умерли О. Ананьин и В. Калинин, в 1833 г. – Ф. Бринк. Откуда прибыли ссыльные в Иркутскую губернию и за какие «вины» – неизвестно²¹.

В 1821 г. в Иркутск прибыл абхазский князь Гассан-бей, сосланный в Сибирь за участие в Имеретинском восстании в 1819–1820 гг. Здесь он занимался благотворительной деятельностью среди земляков, имел дружеские отношения с декабристом А. Н. Муравьевым, а в 1827 г. выехал на родину²².

В 1830–40-х гг. на территории Иркутской губернии отбывали наказание ссылкой не только дворянские революционеры. Менее заметными выглядели на столь блестящем фоне участники народных бунтов и волнений, высланные сюда из различных регионов Российской империи: с Березовского, Кирицкого, Ижевских заводов, военных поселений в Новгородской губернии, из Севастополя и Кронштадта. Мастеровые, рабочие, государственные крестьяне, солдаты и матросы после наказания шпицрутенами сотнями ссылались в Сибирь.

Только в феврале-марте 1833 г. в Восточную Сибирь было направлено 127 участников новгородского восстания, 65 из них поступили в Иркутский солеваренный завод. Перед этим всех солдат подвергли обязательной экзекуции – часть из них были наказаны кнутом – от 10 до 50 ударов, другие прогнаны сквозь

---

²¹ Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1 / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1993. С. 26.

²² Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2004. С. 33, 42.

строй и получили не менее тысячи шпицрутенов. Первое наказание сопровождалось членовредительством: на лице человека вырезались три крупные буквы – «в», «о», «р»²³.

Надо подчеркнуть, что в сопроводительных документах эти солдаты именовались «государственными преступниками», сведения об их поведении и настроениях составлялись по жандармскому ведомству и подавались в Петербург вместе с рапортами о настроении декабристов или польских политических преступников.

Трудности источникового характера не позволяют восстанавливать условия пребывания нижегородских солдат в Усолье. Можно только с уверенностью предположить, что они разительно отличались от содержания декабристов – и на каторге, как и в российском обществе в целом, между солдатом и помещным дворянином существовала непреодолимая сословная пропасть, определявшая быт и условия жизни. Верность наших рассуждений подтверждают и подсчеты Е. Б. Шободоева: согласно выявленным им документам, в первый год с завода бежало 12 человек из 65 или более 18 % солдат-каторжан. В следующем году беглецов было шестеро, в дальнейшем, до 1840 г., бежали еще двое²⁴.

Еще на пути в Иркутск из партии арестантов бежал солдат-нижегородец Овсянников, получивший за участие в восстании шесть тысяч ударов шпицрутенами. Он сделал «сменку» с уголовником, шедшим на поселение. Через год подмена была все же обнаружена, ему добавили еще 100 розог, заковали в кандалы и поставили на наиболее тяжелые работы.

Средний возраст каторжан-нижегородцев, поступивших на Усольскую каторгу, составлял 30 лет – расцвет всех физических сил. Однако тяжелые условия труда и быта быстро истощали людей, и к 1840-му году здесь умерло уже четверо. Позднее на поселение вышло лишь 13 бывших солдат. Они остались работать подмастерьями при заводе.

В феврале – мае 1833 г. в Иркутскую губернию поступило еще не менее 26 государственных преступников из солдат-поселенцев. Можно предположить, что ссыльные прибыли в Си-

---

²³ Шободоев Е., Жукова Ю., Кирильчук Е. Усольская судьба военных поселян // Земля Иркутская. 2000. № 13. С. 18.

²⁴ Шободоев Е., Жукова Ю., Кирильчук Е. Указ. соч. С. 19.

бирь из Курской губернии. В «Списке о политических преступниках, находящихся в Иркутской и Енисейской губерниях за 1843 г. Том 1», против каждой из этих фамилий есть запись: «Выключенный из военного звания». В графе «Откуда, за что, с каким наказанием и по какому приговору сослан», у абсолютного большинства нет указания на место службы и записано: «За участие в бунте, истязании начальников своих и грабеж, по конфирмации г. Управляющего Главным Штабом Его Императорского Величества по военному поселению наказан кнутом 15 (20, 25, 30) ударами с постановлением знаков, сослан в каторжную работу». И только в сведениях на одного солдата – Николая Сорокина – указано, что он из «пахотных солдат Курской губернии»²⁵. В целом список содержит имена 125 ссыльных, большая часть которых польские²⁶.

У двух ссыльных – Аники Демидова и Ивана Денисова – были несколько отличные приговоры. Этим солдатам вменялось в вину «возмущение поселян и предводительствование ими при нападении на резервный батальон», а также «нанесение удара майору Розенмейеру». Соответственно и наказание было самое жестокое – 35 и 40 ударов кнутом²⁷.

Амнистия 1856 года, по всей видимости, не коснулась ни солдат-поселян, ни севастопольских матросов. Отбыв положенные сроки каторжных работ, многие из них выходили на поселение, часть умерли к 1850-м годам, часть остались жить среди сибирского старожильческого населения. Сколько их было в пределах губернии в рассматриваемый нами период, неизвестно. Ф. А. Кудрявцев, автор единственной небольшой статьи об этих ссыльных, определяет их количество в 428 человек на 1838 г., относя к ним и «польских повстанцев 1830–1831 гг.»²⁸.

В начале 1840-х гг. среди государственных преступников, проживавших в пределах Иркутской губернии, по-прежнему преобладали декабристы. Так, в 1842 г. здесь на поселении насчитывалось чуть более 30 человек, которые были приписаны: Василий Колесников в Манзурской волости, Пётр Громниц-

---

²⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 381. Л. 61 об.

²⁶ Политическая ссылка в Сибири ... С. 69–92.

²⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 381. Л. 61 об.

²⁸ Кудрявцев Ф. А. Участники народных движений первой половины XIX в. на каторге // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974. Вып. 2. С. 6.

кий в селе Бельском; Фердинанд Вольф, Никита и Александр Муравьевы, Сергей Волконский – все в Урике, Хрисанф Дружинин в Братском остроге; Дмитрий Таптыков в Малышевском селении, Иосиф и Александр Поджио в Усть-Куде; Сергей Трубецкой, Федор Вадковский – в Оёкском; Владимир Раевский – в Олонках; Александр Сутгоф в с. Кудинском; Алексей Юшневский, Артамон Муравьев, Андрей и Петр Борисовы – в деревне Малой Разводной; Николай Панов – в деревне Михалёвой, Владимир Бечаснов в с. Смоленском; Андрей Быстрицкий, Александр Кучевский – в Хомутовском, Петр Муханов в Братском; Константин Торсон, Николай и Михаил Бестужевы – в городе Селенгинске, Михаил Кюхельбекер в Баргузине, Дмитрий Завалишин в Чите; Иван Горбачевский, Ипполит Завалишин – в Петровском Заводе, Вильгельм Кюхельбекер – в Акшинской и Юлиан Люблинский в Тункинской крепости «Все эти преступники, – сообщалось в сводке, – ведут себя хорошо»²⁹.

Надзор за политическими ссыльными, водворенными на территории губернии, был постоянным. Каждый пристав обязан был докладывать ежемесячно о поведении «своих» поселенцев. В фондах Государственного архива Иркутской области (ГАИО) можно встретить такие свидетельства систематического контроля: «... водворенный в Тункинской крепости государственный преступник Юлиан Люблинский в течение января вел себя скромно и ни в каких предосудительных поступках замечен не был. 21 февраля 1836 г.». «В Верхнеудинском округе государственные преступники Михаил Кюхельбекер, Михаил Глебов и Иван Шимков в течение минувшего января вели себя скромно и ни в каких предосудительных поступках замечены не были»³⁰.

Амнистия 1856 г. значительно изменила численность и структуру политической ссылки Иркутской губернии. В 1857 г. здесь фиксировалось всего 4 государственных преступника: потомственный дворянин А. В. Поджио, находившийся на поселении с 20 июня 1839 г.; дворянин В. А. Бечаснов; казак П. Л. Братчиков, которому по манифесту было даровано возвращение на родину, но он еще находился в Иркутске и дворянин Д. Таптыков, проживавший в Балаганском округе³¹.

---

²⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 368. Л. 7–14.

³⁰ Там же. Оп. Оц. Д. 181. Лл. 23, 30, 51.

³¹ Там же. Оп. Оц. Д. 466. Л. 34.

М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Заметный след в истории общественной жизни Иркутской губернии оставили петрашевцы. Как известно, дворянин М. В. Буташевич-Петрашевский, имея многочисленных знакомых во всех слоях столичного общества, с середины 1840-х гг. устраивал в своем доме своеобразные литературно-публицистические вечера – «пятницы», на которых передовые и образованные люди обсуждали идеи французских социалистов-утопистов, критиковали отсталость российских порядков, мечтали об освобождении крестьян. Здесь анализировались теории Фурье, Сен-Симона, Прудона, говорилось о преимуществах республиканского строя, правовых и конституционных свободах, обсуждались даже планы революционного восстания. Самым известным документом, обсуждавшимся на этих пятницах, был, пожалуй, текст письма Белинского к Гоголю (1847 г.), широко распространенный среди молодежи университетских городов. Организационно участвующие в обсуждениях никак не оформлялись, их нельзя даже считать «кружком». Тем не менее, суд в декабре 1849 г. поступил с этими людьми крайне сурово: они были объявлены государственными преступниками, при этом 21 человеку был вынесен смертный приговор, замененный по конфирмации различными наказаниями, в том числе ссылкой в Сибирь.

В Иркутскую губернию петрашевцы стали прибывать уже в начале 1850 г. Первым сюда 3 февраля доставили М. В. Буташевича-Петрашевского, затем чуть позже Ф. Н. Львова. Уже 9 февраля в сопровождении чинов жандармского ведомства они вместе выехали в Большой Нерчинский завод, оттуда до Шилкинско-го слишком 160 верст проделали пешком. Вскоре этот же путь прошли Н. А. Спешнев, Н. А. Момбелли и Н. П. Григорьев, обосновавшись в Александровском заводе, а Львов и Петрашевский – в Нерчинском³².

Ссылка в «каторжные работы в рудники» середины XIX в. – суровое наказание, применявшееся к наиболее опасным для общества преступникам. Режим такой каторги предусматривал обязательное содержание в оковах, длительный испытательный срок, а также телесные наказания (до шести тысяч шпицрутенов) и приковывание к тачке для особо непокорных. Главным же элементом такой каторги был тяжелый труд, когда каторж-

---

³² Дулов А. В. Петрашевцы в Сибири. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. С. 57–58.

ник обязан был непременно выполнить данный ему урок. Вместе с тем повсеместно в Сибири, в том числе и на Нерчинских заводах, государственные преступники и политические ссыльные (за исключением части поляков) к рудничным работам практически не привлекались. Это в полной мере относится и к петрашевцам.

Так, сам М. В. Петрашевский был освобожден от обязательных работ и занимался лишь тем, что давал уроки в состоятельных семьях. Ф. Н. Львов также «не назначался» к каторжному труду. Вместо этого администрация пыталась использовать его знания в области химии, чтобы улучшить процесс обогащения добываемого рудного серебра³³.

Помимо занятий химией, Ф. Н. Львову удалось довольно легко организовать настоящую общеобразовательную школу. На Шилкинском заводе, например, ее посещали от 8 до 10 мальчиков из детей различных сословий – чиновников, простых рабочих и даже ссыльнокаторжных. Львов пытался обращаться с ними ровно и «совершенно одинаково», и поэтому, как он полагал, «сословные различия были незаметны». Помимо морального удовлетворения, такая школа давала стабильный доход от 17 до 25 рублей в месяц, «что при казенном провианте, т. е. при 2 пудах муки в месяц, было достаточно, чтобы жить безбедно», – так вспоминал об этом периоде Львов позднее³⁴.

Образ жизни Н. А. Спешнева на каторге был также далек от тяжкого наказания и подневольного труда. Как и его товарищи, он учительствовал, а в свободное от этого занятия время обдумывал сюжеты будущих научных книг: «Моё здоровье по-прежнему прекрасно, – писал он в январе 1853 г. А. С. Спешневой, – что же до занятий, то, как покойный король французов Луи Филипп, я стал воспитателем и пока зарабатываю этим на хлеб насущный. Вот что значит – научиться чему-нибудь в юности. Здесь я немного выучился стряпать и кондитерскому искусству по книге г-жи Авдеевой, так что если когда-нибудь будет не хватать уроков, я сделаюсь поваром...»³⁵.

Существование Н. А. Момбелли в Александровском заводе и Н. П. Григорьева в Шилкинском было не столь спокойным, как у

---

³³ Петрашевцы в Сибири : документ. ист. сб. / сост. В. Р. Лейкина-Свирская, Ф. Г. Никитина, И. В. Селиванова ; науч. ред. С. Ф. Коваль. Иркутск, 2005. С. 179.

³⁴ Там же. С. 285.

³⁵ Там же. С. 161.

первых трех петрашевцев. Григорьев постоянно болел: его рас­судок не выдержал жестокого и бесчеловечного испытания, устроенного для петрашевцев на Семеновском плацу в Петер­бурге 22 декабря 1849 г., когда власти на глазах у осужденных и городской публики развернули приготовления к смертной казни. Что касается Н. А. Момбелли, то, как считает А. В. Дулов, его участь, «возможно, была тяжелее» других: «ему приходилось много трудиться и испытывать много лишений»³⁶. Тем не менее и он занимался уроками.

Как видим, труд петрашевцев в Забайкалье никак нельзя назвать каторжным. Столь лояльное отношение властей к петрашевцам было продиктовано отнюдь не гуманными соображениями, и объяснялось вполне объективными трудностями, с которыми власти Восточной Сибири постоянно сталкивались при организации каторжного труда революционеров: для совершенно не знавших физических занятий дворян, найти наказание тяжелой работой в условиях Забайкалья было практически невозможно.

Насколько остро стоял этот вопрос, хорошо видно из все­подданнейшего отчета Иркутского генерал-губернатора за 1881-й г. Несмотря на то, что между составлением отчета и пребы­ванием петрашевцев на Нерчинской каторге насчитывается не менее четверти века, документ – прекрасное свидетельство того, что в организации ссылки и каторги в Сибири с годами (и эпохами) мало что менялось. «Преступники каторжного разря­да, – докладывал генерал, – содержатся все вместе на Карийских золотых промыслах под конвоем пешей сотни Забайкальского казачьего войска, в составе 200 нижних чинов. Отправление их для работ на прииски вместе с уголовными каторжными невоз­можно; употребление на эти же работы уединенно от прочих весьма затруднительно по неимению подобных мест, неспособ­ности их к тяжкому физическому труду и неимению достаточ­ного конвоя. Если к этому добавить, что каторжных работ не­производительного характера, существующих за границей соб­ственно для подвержения арестантов тяжкому физическому труду у нас не практикуется, то станет ясным, что собственно каторжных работ для этого разряда преступников не имеется и местные власти, надзирающие за ними, несут тяжкую ответ­ственность за упуск арестантов, силою обстоятельств вынужде-

---

³⁶ Дулов А. В. Указ. соч. С. 85.

ны ограничиться содержанием государственных преступников в тюрьмах, под строгим караулом, употребляя их для работ изредка внутри тюремного двора или недалеко от него»³⁷.

И в самом деле. Несмотря на то, что авторитарное государство всегда стремилось подвергнуть своих политических противников суровым наказаниям, коими были, например, «поражение во всех особенных, личных и имущественных правах», лишение чинов и мундиров, запрещение въезда в столицы и университетские города, покарать их тяжелым и непосильным физическим трудом, оно все-таки было не в состоянии. Сословные перегородки, создававшие не только привилегии, но и формиовавшие образ жизни, поведенческие стереотипы, трудовые навыки и умения для сотен и тысяч дворян, военных и гражданских чиновников, и в сибирской ссылке оказывались непреодолимы.

Но будет ошибкой и полагать, что сибирская ссылка для дворянских революционеров и разночинской молодежи 1860–1880-х гг. была временем такого своеобразного отдыха от столичной повседневности и суеты, когда можно без помех заниматься самопознанием, собственным образованием и каким-либо творческим делом. Каторжная тюрьма или ссылка – это все-таки тяжелое испытание, испытание изоляцией, разлукой с родными, ограничением в связях с близкими тебе по духу людьми. Наконец, это многолетнее наказание вынужденным общением с товарищами по ссылке, когда невозможно уединиться, отказаться от общих разговоров и обсуждения уже хорошо известных «новостей». В этой ситуации в первую очередь страдает психика человека, его душевное равновесие. Нередко это и было самым тяжелым наказанием. А отсутствие физического труда, наоборот, только усугубляло заключение, делало его по-настоящему непереносимым. Неслучайно среди революционеров-каторжан (в особенности, среди женщин) было так много людей нервных и больных.

Нерчинская каторга для петрашевцев завершилась неожиданно: 26 августа 1856 г. по случаю коронации Александра II всем государственным преступникам была объявлена амнистия и они, не отбыв и половины срока принудительных работ (кро-

---

³⁷ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Вып. 2. С. 116.

ме Спешнева), вышли на поселение. Вскоре трое из пятерых – Петрашевский, Львов и Спешнев – перебрались в Иркутск, Момбелли отправился рядовым на Кавказ и попал в Апшеронский пехотный полк, а Григорьева забрали для лечения родственники в Нижний Новгород.

Дальнейшую судьбу «иркутских» петрашевцев определял хронический дефицит в Сибири управленческих кадров. Ф. Н. Львов, еще в период своего пребывания на Нерчинских заводах, получил предложение остаться служить при главной лаборатории химиком. Затем при поддержке генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского в феврале 1858 г. он был назначен канцеляристом четвертого разряда в Главное управление Восточной Сибири, потом помощником столоначальника соляного стола, затем был представлен к чину коллежского регистратора³⁸.

Востребованными оказались знания, организаторские способности и Н. А. Спешнева. Благодаря хлопотам и протекции Н. Н. Муравьева, уже в декабре 1856 г. он был зачислен в Забайкальское областное правление канцеляристом четвертого разряда, а в марте 1857 г. назначен начальником газетного стола Иркутского губернского правления, редактором будущей газеты «Иркутские губернские ведомости» и смотрителем губернской типографии. В октябре этого же года его перевели в третий разряд канцелярских служащих, а в начале 1859 г. он уже получил звание коллежского регистратора, а также стал правителем путевой канцелярии Н. Н. Муравьева-Амурского и сопровождал его в поездке по Китаю и Японии³⁹.

Менее удачно сложилась карьера Буташевича-Петрашевского. Будучи формально приписан к Оёкской волости, Петрашевский с разрешения Муравьева-Амурского поселился в Иркутске. Какое-то время по прибытии он вместе со Спешневым даже жил в доме генерал-губернатора. Но вот интересных предложений по службе он не получал, с трудом нашел работу стряпчего, вел частные мелкие дела.

Видная роль принадлежит петрашевцам в развитии местной журналистики. Уже 16 мая 1857 г. под руководством Спешнева был издан первый номер «Иркутских губернских ведомостей». С самого начала своего существования газета стремилась

---

³⁸ Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск : Оттиск, 2003. С. 62.

³⁹ Дулов А. В. Указ соч. С. 83.

установить постоянный диалог со своим читателем, призывала к обсуждению проблем управления краем, борьбе с бюрократизмом и взяточничеством чиновников, нелицеприятно обсуждала недостатки в деле освоения Амура. Во многом благодаря газете и петрашевцам, активно участвовавшим своими статьями в формировании критической направленности этого издания, иркутяне узнали о существовании относительно свободной общественной дискуссии, полемике и гласности⁴⁰.

В 1860 г. в Иркутске началось издание первой частной газеты Сибири «Амур». Решающую роль в ее становлении сыграли также петрашевцы. Их политические воззрения послужили основой формирования критической направленности газеты. Издание «Иркутских ведомостей» и «Амура» быстро выявило талантливых, прогрессивно мыслящих людей и среди местных чиновников и интеллигенции. Живое участие в создании газет принимали М. В. Загоскин, И. О. Катаев, Н. И. Кашин, Н. П. Косыгин, И. Е. Мехеда, П. И. Полынцев, Е. И. Рагозин, М. П. Шестунов и некоторые другие. Самими же политическими ссыльными здесь было опубликовано 42 статьи: 20 – Львовым, 11 – Петрашевским, 7 – Спешневым, 4 – Черносивитовым⁴¹.

Помимо государственной службы «на пользу народу», петрашевцы в Иркутске не могли не заниматься и общественной деятельностью. Они установили прочные контакты с оставшимися здесь декабристами, а также польскими ссыльными, были приняты в иркутском обществе, где всегда активно выражали свои воззрения на существовавший в России государственный строй и «образ» правления. Своими действиями они, безусловно, оказали положительное воспитательное воздействие на становление и развитие гражданственности в кругу местной интеллигенции и чиновничества, формирование независимого мышления, принципиальной позиции в вопросах социально-политического развития региона.

---

⁴⁰ Матханова Н. П. Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири в «Иркутских губернских ведомостях» в 1857–1860 гг. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 205–223.

⁴¹ Дулов А. В. Указ соч. С. 162.

1.3. Политическая ссылка второй половины XIX в.

В конце 1850 – начале 1860-х г. политические ссылки в Иркутской губернии по-прежнему насчитывались единицами. Так, например, согласно отчету Иркутского генерал-губернатора за 1859 г., здесь состояло под надзором полиции 23 человека, в 1860 г. – 22, «из них в течение года выбыло 6, осталось к 1861 г. 16». Кто были эти люди – неизвестно. В отчете за 1862 г. показано уже 56 поднадзорных, «из них 2 – государственных преступника и 12 – политических»⁴².

А. П. Шапов. Среди политических ссыльных губернии 1860-х гг. едва ли не самой известной фигурой был А. П. Шапов, сосланный сюда за обличительную речь, произнесенную в Казани на панихиде по убитым крестьянам села Бездна в апреле 1861 г. «Да здравствует демократическая конституция», – так закончил свое выступление историк. Этого было достаточно для его удаления от преподавательской деятельности и ссылки по решению комиссии III Отделения на родину, в село Ангу Верхотурского уезда⁴³.

Весной 1864 г. А. П. Шапов вместе со своей будущей женой Ольгой Ивановной Жемчужниковой прибыл в Иркутск. Здесь поднадзорный не имел постоянного заработка, много времени и сил отнимали поиски средств к существованию. Тем не менее опальный историк не оставлял занятий над созданием своей научной концепции истории России. Он много писал, готовил статьи к публикации в российских и сибирских журналах, разбирал созданное ранее, дорабатывал и развивал темы, поднятые до ссылки.

Жизнь, полная творческих планов, была прервана внезапно: в июле 1865 г. без видимых причин он был арестован и отправлен в Омск по делу «Сибирских сепаратистов». В качестве обвинения А. П. Шапову было предъявлено то, что он якобы был осведомлен о «преступных» замыслах Н. М. Ядринцева, Г. И. Потанина и других об отделении Сибири от России, однако не донес об этом. Шапов искренне отрицал доводы следствия, реальных улик против него не нашлось, дело, длившееся более года, было закрыто, он выпущен в августе 1865 г. на свободу и возвращен в Иркутск.

⁴² ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 638. Л. 22 ; Д. 644. Л. 15 ; Д. 639. Л. 24.

⁴³ Кабанов П. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова. М. : Госполитиздат, 1954. С. 18.

Вторая половина 1860 – начало 1870-х гг. – наиболее плодотворный период в научной деятельности Щапова. Весомых результатов добился опальный историк в этнографическом изучении края. Он участвовал в двух экспедициях ВСОРГО (1866, 1874) проводил обширные этнографические и статистические исследования крестьянских и инородческих поселений, изучал культуру бурят, остяков, тунгусов, подкрепляя конкретным материалом физико-антропологическую теорию истории России. С его приходом в Сибирский отдел, значительно изменилась проблематика научных исследований, усилия ученых были сконцентрированы на изучении «народной жизни», от сбора отдельных материалов, отражавших особенности традиционной культуры, быт и верования населения региона наметился видимый переход к их историческому обобщению, укрупнилась и расширилась тематика планируемых экспедиций.

Жизнь Щапова в столице Восточной Сибири была полна материальных лишений (семья зачастую голодала) и тщетных усилий исхлопотать разрешение вернуться в университетские города страны. Безденежье и безысходность доводили Щапова до отчаяния, однако на предложение Г. А. Лопатина бежать за границу, историк ответил отказом. 25 февраля 1876 г. он скончался от туберкулеза.

История Иркутской политической ссылки пореформенного периода полна громкими именами российских революционеров. В Байкальском регионе отбывали ссылки и каторгу М. А. Бакунин, П. А. Грабовский, А. В. Долгушин, Н. А. Ишутин, Ф. Я. Кон, Д. А. Клеменц, Г. А. Лопатин, М. И. Михайлов, О. А. Мотков И. Н. Мышкин, В. А. Обручев, Ф. Ю. Рехневский, Н. А. Серно-Соловьевич, П. Ф. Якубович-Мельшин и мн. др.

Был среди них и Н. Г. Чернышевский, осужденный за составление известной прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». В 1862 г. он был арестован в Петербурге, заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, затем в 1864 г. предан суду Сената и сослан в каторжные работы в рудники на 14 лет и поселение в Сибири «навсегда». По конфирмации срок приговора писателю-демократу сократили до семи лет, однако в европейскую часть России он вернулся только в 1883-м, после Вилуйской ссылки⁴⁴.

---

⁴⁴ Деятели революционного движения в России... М. : ВОПКиС, 1928. Т. 1, ч. 2. Ст. 448.

В Иркутск Н. Г. Чернышевский был доставлен 2 июля 1864 г. и заключен в одиночную камеру тюремного замка. Постановлением Иркутского губернского правления он был назначен в Усольский солеваренный завод. В середине 1860-х гг. на заводе содержалось более 400 польских политических ссыльных различных сословий и профессий. По данным Б. С. Шостаковича, среди них было немало известных врачей (хирурги Юзеф Лаговский и Вацлав Лясоцкий), инженеров (Леон Братыньский, Ян Хрыневецкий), натуралистов (Миколай Хартунг, Павел Экерт), художников (Александр Сохачевский, Кароль Станкевич), писателей, музыкантов, а также представителей столь дефицитных для Сибири «земных» профессий огородников, кондитеров, портных, сапожников, парикмахеров⁴⁵.

Польские ссыльные были хорошо организованы: здесь действовала касса взаимопомощи, был принят устав, избрано правление. Известно своей деятельностью, например, «Общество врачей Усолья», члены которого, в основном, профессиональные медики, оказывали квалифицированную помощь не только соотечественникам, но и местным жителям⁴⁶. В начале 1870-х гг. количество государственных преступников в Усолье значительно сократилось: в 1871 г. здесь отбывали наказание 137, в 1873–1892 и в 1874 гг. – 87 человек⁴⁷. Режим содержания политических был, в общем-то, либеральным: «политики» работали не весь день, не носили кандалов, размещались в отдельной казарме или могли проживать в селе, снимая квартиры, пользовались правом свободного перемещения по территории завода и даже выходили на Московский тракт, встречать проходившие дальше этапы ссыльных товарищей.

В этот период из известных революционеров здесь содержался П. Г. Зайчневский, автор прокламации «Молодая Россия», призывавшей молодежь к открытому выступлению для борьбы с самодержавием и предрекавшей в скором будущем «кровавую» революцию. Судом Сената (процесс 27-ми) Зайчневский был приговорен к лишению всех прав состояния, каторжным работам на заводах и поселению в Сибири. По окончании каторжных работ, он был поселен в Витимской волости Киренского округа.

---

⁴⁵ Шостакович Б. Польская «Усолиада» // Земля Иркутская. 2000. № 13. С. 30.

⁴⁶ Шаманский С. Солеваренная каторга // Земля Иркутская. 2000. № 13. С. 13–14.

⁴⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 70. Л. 10; Д. 66. Л. 12; Д. 61. Л. 55.

В начале 1869 г. возвращен в Европейскую Россию, однако вскоре снова арестован в Орле и после двухлетнего тюремного заключения выслан опять в Восточную Сибирь. Жил в Иркутске, вел иностранный отдел в газете «Восточное обозрение», был корреспондентом «Русских ведомостей»⁴⁸.

Число политических ссыльных, отбывавших наказание на территории Иркутской губернии в начале 1880-х гг. увеличилось, но составляло еще не более 90 человек. В основном это были представители различных течений народничества: Н. И. Глушков, В. С. Ефремов, С. Ф. Ковалик, Е. Н. Ковальская, И. О. Концевич, С. А. Лянды, М. А. Натансон, Б. П. Шостакович и др. В делопроизводственных материалах восточносибирских административных органов за 1883–1884 гг. упоминаются также «государственные преступники»: И. Баринов, С. Богданов, Л. Буланов, П. Геллис, В. Герасимов, Н. Григорьев, И. Джабадари, С. Жебунёв, Г. Зданович, М. Крылова, Н. Николаев, Е. Фигнер, М. Шпиркан, М. Чикоидзе⁴⁹.

В 1883–1886 гг., по подсчетам И. П. Белоконского, в пределах Иркутской губернии проживало уже 99 политических ссыльных. Большая часть из них отбывали поселение на севере – в Верхоленске – 25 %, Киренске – 23 %. Значительная часть ссыльных – почти каждый пятый – располагалась в Тунке. Особенностью ссылки этого периода являлось значительное число женщин – 24 человека, или чуть больше 24 % от общего числа⁵⁰.

В ведомости о числе государственных преступников и административно-ссыльных, составленной в 1887 г. по требованию Главного управления Восточной Сибири, содержатся сведения о 72 политических ссыльных Иркутской губернии. География их размещения сохранила в целом черты, сложившиеся ранее. Наибольшее количество ссыльных было сосредоточено в отдаленных округах губернии: в Киренском – 21 человек, в Верхоленском – 15, в Балаганском – 13, в Тункинской волости – 12. Основное число ссыльных – 56,8 % – размещалось в городах: Иркутске – 11, Балаганске – 5, Верхоленске – 13, Киренске – 12. По-

---

⁴⁸ Деятели революционного движения в России ... Ст. 132–133.

⁴⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 367. Л. 27–47.

⁵⁰ Белоконский И. П. К истории политической ссылки 80-х гг. // Каторга и ссылка. 1927. № 2. С. 142–157.

селение отбывали 34 ссыльных или 47,2 %, административную ссылку – 20, сосланных на житье было 14⁵¹.

К началу нового, двадцатого, века число политических ссыльных в Иркутской губернии несколько увеличилось. По данным канцелярии Иркутского генерал-губернатора, к 1 января 1899 г. здесь было уже 112 политических преступников: 15 человек отбывали наказание по решению судебных органов, 97 – были высланы административно. Все революционеры были осуждены военно-окружными судами, что отражает серьезный характер их преступлений. Приговоры выносились в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Харькове, Варшаве, т. е. в городах, более всего подверженных «пагубному влиянию» народолюбческого движения. При этом к каторжным работам были приговорены семь человек, к ссылке на поселение «в отдаленные места империи» – девять. Среди осужденных 8 человек принадлежали к мещанскому сословию, 3 – к крестьянскому и столько же было из дворян⁵².

Из 112 ссыльных Иркутской губернии этого периода 97 человек, или почти 86,6 %, были высланы сюда в административном порядке. Это – зримый результат политики самодержавного государства, предпочитавшего удалять из центра страны своих радикально настроенных противников без привлечения судебных органов. Административная ссылка, на первый взгляд, выглядела гораздо «гуманней» ссылки по приговору суда: высланные не «поражались в правах», получали денежное пособие, отбывали определенный срок, а не ссылались «навечно». Тем не менее сибирская действительность с ее суровыми климатическими условиями, неразвитой промышленностью, а также отсутствием средств к существованию, значительно нивелировала их положение с ссыльными по суду.

Широко пользуясь ссылкой как инструментом для удаления и изоляции радикальных оппозиционеров, государство, тем не менее, не исключало «политиков» и от действия всемирно-известнейших манифестов, значительно сокращавших сроки ссылки и каторжных работ. Политические ссыльные этого периода попадали под действие двух манифестов: от 14 ноября 1894 г. по случаю бракосочетания Николая II и от 14 мая 1896 г. – по слу-

---

⁵¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 2. Л. 12.

⁵² ГАНИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–52.

чаю коронации государя. Настоящие манифесты на одну треть сокращали сроки наказания, давали возможность досрочно приписаться к крестьянскому обществу, предоставляли местной администрации право в случае «удостоверения губернатора о хорошем поведении», переводить ссыльного, например, из «гиблых мест» Якутской области в пределы Иркутской губернии⁵³.

Уровень жизни политических ссыльных во многом зависел от нескольких факторов. Среди поднадзорных начала XX в. люди состоятельные встречались крайне редко, поэтому весь доход революционеров определялся их заработком, денежным пособием государства и помощью извне, например, от организаций Красного Креста или родственников.

В начале XX в. слияние широкого и во многом стихийного рабочего движения с социал-демократизмом, бывшим до этого достоянием небольшой части интеллигенции, привело к резкому всплеску оппозиционных настроений и быстрому перерастанию их в радикальное антиправительственное движение. Следствием роста революционной активности стало и увеличение числа политических ссыльных. Если на 1 мая 1899 г. в Иркутской губернии было 108 политических ссыльных, то уже в 1903 г. их насчитывалось здесь более 270, а на 1 января 1904 г. – не менее 320. Затем количество ссыльных сократилось, что было связано с началом Русско-японской войны и к январю 1905 г. в Иркутской губернии находилось около 120–150 «политиков»⁵⁴.

Подлинным центром политической ссылки губернии в этот период был Иркутск. Колония ссыльных начала формироваться здесь еще в 1870-х гг. В городе проживало много революционеров, окончивших официальные сроки гласного надзора и по каким-то причинам еще не уехавших в Европейскую Россию. Обширные знания в самых различных отраслях науки и техники, обладание дефицитными для Сибири специальностями врачей, учителей и инженеров, активная общественная позиция, а также незаурядные организаторские способности и предприимчи-

---

⁵³ Высочайший манифест о дарованных в день священного коронования их императорских величеств милостей от 14 мая 1896 г. // Адрес-календарь личного состава служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1897–1898 гг. Иркутск : Изд. тип. Сизых, 1897. С. 1–25. Прил.

⁵⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 102. Л. 68; Ф. 601. Оп. 1. Д. 34. Л. 29–195; Мещерский А. П., Щербаков Н. Н. В. И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.). Иркутск, 1975. С. 13.

вость – все это позволяло «политикам» занимать ведущее положение во многих организациях и управленческих структурах города. Бывшие ссыльные революционеры избирались гласными городской думы, служили в управе, работали в управлении Забайкальской железной дороги, в многочисленных коммерческих структурах и кооперативных объединениях. Организация географического и геологического изучения сибирского края, музейное дело, исследование прошлого коренных жителей были просто немыслимы без политических ссыльных.

Деятельность практически всех общественных организаций Иркутска определяли бывшие чайковцы, землевольцы, чернопоредельцы, народовольцы, эсеры. Все они, порой бескомпромиссно споря друг с другом по программным вопросам своего движения, жили в городе, как вспоминал И. И. Попов, «дружно» и много сделали для «развития Сибири». Назовем лишь некоторых ссыльных 1890-х гг., чья деятельность была связана с Иркутском: Г. З. Андронников, С. И. Борейша, Н. И. Витковский, П. И. Войнаральский, А. В. Гедеоновский, Н. Л. Геккер, В. С. Голубев, Н. Л. Горинович, П. Г. Зайчневский, С. И. Иваницкий, В. И. Иохельсон, П. И. Кларк, Д. А. Клеменц, С. Ф. Ковалик, И. О. Концевич, И. И. Майнов, С. И. Мартыновский, М. А. и В. И. Натансоны, А. Г. Лури, Д. Г. Любовец, С. А. и Ф. Н. Лянды, М. П. Овчинников, Э. К. Пекарский, А. В. Пихтин, И. И. Попов, В. С. Свитыч-Иллич, П. А. Сикорский, И. М. Соколов, И. Ю. Старынкевич, С. Г. Стахевич, Р. А. Стеблин-Каменский, Я. Ф. Стефанович, Г. М. Фриденсон, М. И. Фундаминский, Б. П. Шостакович, П. Ф. Якубов, С. В. Ястрембский⁵⁵.

Из политических ссыльных Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. можно упомянуть несколько известных имён. С 1892 по 1895 г. в Иркутске состояла под гласным надзором знаменитая «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская. Пережив неудачный побег из Баргузинской ссылки, Карийскую каторгу и восемь лет поднадзорного пребывания в Селенгинске, в Иркутске революционерка занималась больше культурничеством среди молодежи. Она пользовалась заметной популярностью у местных служащих и части рабочих, сотрудничала в «Восточном обозрении», помогала В. Л. Серошевскому в работе над его «Якутами». К Брешковской, как вспоминает И. И. Попов, с

---

⁵⁵ Попов И. И. Минувшее и пережитое: Воспоминания за 50 лет. Ч. 2. Сибирь и эмиграция. Л.: Колос, 1924. С. 208–228.

большим уважением относился и генерал-губернатор А. Д. Горемыкин, не раз спрашивавший у Попова: «Ну, что ваша Брешковская, все «Якутов» пишет? Ох, уж эти мне якуты. Как бы вместо якутов не вышла бы целая философия и тактика революционной борьбы в России, написанная в отделе, покровителем которого я состою»⁵⁶.

В 1902 г. в Иркутске дважды побывал Л. Д. Бронштейн (Троцкий). Весной этого года он под видом «проводов сестры» приехал в город из Верхоленска и в квартире М. А. Цукасовой прочитал свой теоретический реферат о современном рабочем и революционном движении. Доклад Бронштейна имел большой резонанс, был встречен «прохладно» народнической ссылкой и «восторженно» социал-демократами. В августе 1902 г. ему был устроен побег: выбравшись скрытно из Верхоленска, он собственноручно вписал в чистый паспортный бланк свое новое имя, сел в Иркутске в поезд, куда местные социал-демократы предусмотрительно «доставили чемодан с крахмальным бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации», и, читая томик бессмертных творений Гомера, отправился навстречу своей судьбе»⁵⁷.

Политические ссылки играли ведущую роль в организации всех партийных формирований Прибайкалья – социал-демократических, эсеровских, а также анархистских. Особенно наглядно это видно на примере нелегальных организаций Иркутска. Можно с уверенностью сказать, что местное оппозиционное движение начала XX в. всегда с успехом пользовалось потенциалом ссылки. Вот, например, как об этом пишет Н. Н. Баранский, один из руководителей Сибирского социал-демократического союза: «Каждого дельного работника мы сами тянули из ссылки, насколько, конечно нам позволяли наши средства, причем не забывали, признаться, и интересов собственной организации: обыкновенно за устройство побега предлагалось отработать хоть два-три месяца у нас в Сибири. Эта «отработочная» система не только пополняла наши силы, но... и была весьма важной формой связи с общерусским движением...»⁵⁸.

---

⁵⁶ Попов И. И. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Бабушка русской революции. М., 1917. С. 24.

⁵⁷ Иванов А. А. Лев Бронштейн в сибирской ссылке // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск : Оттиск, 2000. Вып. 1 (13). С. 225.

⁵⁸ Баранский Н. (Николай Большой). В рядах Сибирского социал-демократического Союза. (Воспоминания о подпольной работе 1897–1908 гг.). Новосибирск, 1923. С. 24.

Политическая ссылка в силу своей партийной неоднородности оказывала сложное воздействие на местное общественное движение. Определенным влиянием здесь пользовались и анархисты. Появление анархизма в Иркутске относится к 1900 г. и связано с именем польского революционера И. К. Махайского. В 1895 г., будучи в Вилюйской ссылке, Махайский создал собственную разновидность анархизма, получившего затем название «махаевщины» или «теории рабочего заговора». Поселившись в Иркутске, он вместе со ссылкой В. Д. Гурари-Бучульской попытался организовать несколько рабочих кружков. В начале апреля 1902 г. в Иркутске были распространены две листовки, призывавшие рабочих не доверять интеллигенции, объединяться на профессиональной основе, вести стачечную борьбу. Итогом распространения листовок была зафиксированная полицией сходка около 30 рабочих-булочников, которым организаторами было заявлено, что «освобождение рабочих – дело рук самих рабочих». Однако вскоре Махайский был выслан из города, и самостоятельное анархистское движение замерло здесь вплоть до 1910 г.⁵⁹

1.4. Политическая ссылка Иркутской губернии в 1905–1917 гг.

Первая русская революция существенно изменила общественно-политическую ситуацию в стране. Революционные события 1905 г. самым непосредственным образом отразились и на ссылках. Высочайший Указ от 21 октября 1905 г. «Об облегчении участи лиц, впавших до воследования высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. в преступные деяния государственные», существенно сократил количество «политиков» в Сибири, в том числе, и в Иркутской губернии. Согласно Указу, были значительно уменьшены сроки политическим каторжанам и поселенцам, а административно-ссылочные вообще, независимо от своих сроков, освобождались «от дальнейшего отбывания взысканий»⁶⁰.

---

⁵⁹ Мещерский А. П., Щербаков Н. Н. В. И. Ленин и политическая ссылка ... С. 82.

⁶⁰ Право. 1905. № 41.

После Указа ссыльные колонии практически опустели, чему способствовала и Русско-японская война. Таким образом, в 1906 г. политических ссыльных в Иркутской губернии оставалось немного – несколько десятков. Однако разгром революционных организаций и жестокое подавление массового рабочего и крестьянского движения в стране в 1905–1906 гг. способствовали быстрому наполнению осужденными тюрем и ссыльных мест: так, на 1 января 1906 г. в России числилось уже 5 748 каторжан, в 1907 г. их было 7 779, в 1908 г. – 12 591 и в 1909 г. – 20 936⁶¹.

Часть этих заключенных уже в 1906–1907 гг. стали переводиться на каторгу в Нерчинский горный округ, часть – выходить на поселение, в том числе, в пределы Иркутской губернии. Еще в конце 1906 г. сюда поступили участники вооруженных восстаний на Дальнем Востоке, Севастополе, Кронштадте, члены первых Советов рабочих и солдатских депутатов, бундовцы, эсеры и анархисты. Только в 1906–1907 гг. в Иркутскую губернию было выслано около 80 человек, осужденных за государственные преступления⁶².

С 1908 г. политические ссыльные стали поступать в губернию партиями и их численность здесь резко возросла. Так, в 1909 г. количество ссыльнопоселенцев по суду в Иркутской губернии достигло 451 человека, в 1910 г. их было уже 874, в 1911 г. – 1 969, а в 1912 г. – 2 436⁶³.

Подавление Первой русской революции многократно увеличило и число административных ссыльных: за 1907–1912 гг. по постановлениям Особого совещания в Сибирь было отправлено около 6 300 человек. В основном высланные революционеры размещались в Томской и Тобольской губерниях, меньше – в Енисейской. В Иркутскую губернию административно-ссыльные начинают поступать лишь в 1912 г. До Первой мировой войны их число здесь остается незначительным и определяется несколькими десятками.

---

⁶¹ Право. 1910. № 22.

⁶² ГАИО. Ф. 25, Оп. 10. Д. 351, Лл. 1–161 ; Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Лл. 18–48 ; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 679. Лл. 1–56.

⁶³ Щербаков Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 210.

В 1907–1917 гг. Сибирь по-прежнему оставалась главным районом каторги. Основная масса каторжан размещалась в Забайкалье: уже в 1907 г. в Нерчинском горном округе отбывало наказание не менее 300 революционеров, в 1908 г. их количество увеличилось до 800, а в 1912-м – составляло чуть более тысячи. Каторжные ссыльные Иркутской губернии размещались в этот период исключительно в Александровской центральной тюрьме. В 1907 г. их насчитывалось 233 человека, в 1908 г. – 268, в 1909 г. – 351. 1910-й г. отмечен пребыванием в центре максимального количества политических ссыльных – 1 078, затем их численность идет на спад: 1911 г. – 524, 1912-й – 390, 1913-й – 278 человек. Таким образом, в Иркутской губернии в 1907 г. ссыльных всех категорий и каторжан было около ста, в 1910 г. – не менее 1 225 и в 1912 г. – около 3 тыс. человек⁶⁴.

В годы Первой мировой войны численность политических ссыльных продолжала увеличиваться. Если в 1915 г. ссыльных всех категорий было не менее 4 034, то к концу 1916 – началу 1917 г. их насчитывалось, по крайней мере, 7 113 человек. Иркутская губерния, таким образом, и в период войны, как и раньше, продолжала оставаться центром сосредоточения сибирской политической ссылки⁶⁵.

Контингент политических ссыльных существенно обновился. Здесь по-прежнему оставались революционеры, получившие после событий 1905–1907 гг. «вечные» сроки. Основная масса высланных административно на 2–5 лет закончили свое пребывание и выехали на родину, однако их сменили участники выступлений 1910–1914 гг., пришедшие в движение сознательно, а не захваченные общим стихийным потоком первой революции. Отсутствие масштабных выступлений в армии и на флоте сократило число каторжан.

Главной фигурой политической ссылки после революции 1905 г. стал рабочий, число ссыльных из служащих было значительно меньше. Национальный состав ссылки отражал ведущую роль русского человека в общедемократическом оппозиционном процессе – 49,4 % осужденных. Далее шли евреи – 21 %, латыши – 7,4 % и поляки 6,2 %⁶⁶.

---

⁶⁴ Щербаков Н. Н. Численность и состав политических ... С. 217.

⁶⁵ Там же. С. 210–219.

⁶⁶ Штульман Р. О. О составе Иркутского землячества Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Иркутская ссылка. М., 1934. С. 251–256.

Трудные условия жизни в Сибири, необходимость постоянного преодоления материальных и бытовых проблем способствовали объединению, сплочению ссыльных. В местах скопления осужденных революционеров всегда возникали внепартийные объединения, коммуны со своим уставом, выборным исполнительным органом, денежным фондом, кассой взаимопомощи, столовой, библиотекой или «общественной квартирой». Такие организации принимали прибывших в ссылку товарищей, помогали найти жилье, оказывали первую материальную помощь, связывали с представительствами Красного Креста в России и за рубежом, организовывали учебу и досуг.

Наиболее крупными колониальными объединениями ссыльных были: Бирюльки, Бодайбо, Братское, Витим, Жигалово, Зима, Иркутск, Качуг, Киренск, Манзурка, Нижнеилимское, Тулун, Тутуры, Усть-Кут, Усть-Уда, Черемхово, а также Тунка. Колонии ссыльных в Киренске, Черемхово, на приисках Бодайбо доходили до 400–500 человек, в Качуге, Манзурке, Усть-Уде, Казачинском, Тунке одновременно проживало по 250–300 «политиков».

Например, самая крупная – витимская артель – насчитывала в годы войны до 100 «политиков». Многолюдными были артели в Жигалово (до 70 человек), Киренске, Усть-Куте, Качуге. Тяжелый труд, необходимость борьбы за существование сближали ссыльных различных партийных программ, национальностей, социального происхождения.

Повсюду, где селились ссыльные, они давали частные уроки, готовили к экзаменам, обучали грамоте детей и взрослых. Как вспоминал П. Пономарев, только в Иркутской губернии в годы войны действовало не менее «40 или даже 50» вольных школ. Как правило, крестьяне не требовали с нанимавшегося в учителя ссыльного рекомендации или ходатайства. Достаточно было прийти в деревню, объявить в первой же избе о своем намерении учительствовать, как через несколько дней крестьяне давали положительный ответ. По сведениям Е. Бабакиной, в Орленге, да и не только, «учителя оплачивались по пастушечьей системе – 1 рубль с ученика в месяц и подворная кормежка по очереди у родителей ученика». При этом программы или «плана» занятий никто не спрашивал. Родители учеников просили: «Учи всему, что сама знаешь»⁶⁷.

---

⁶⁷ Бабакина Е. Орленга // Иркутская ссылка. М., 1934. С. 65.

Тяжелое материальное положение, а также стремление вернуться к революционной работе были причиной многочисленных побегов. По данным Штульмана, в Иркутской губернии участвовало в побегах 17,6 % ссыльных, в Якутской же области этот процент доходил до 28!⁶⁸. Крупные колонии имели специальные фонды и паспортные бюро для организации побегов. Желаящих вырваться из тяжелых нравственных и материальных условий было так много, что руководящие органы эсдеков и эсеров в России и за рубежом вынуждены были выстраивать настоящие очереди из ссыльных. При этом побегии устраивались в первую очередь активным работникам.

Коренные изменения социального состава политической ссылки привели и к резкому изменению ее образовательного уровня. На смену интеллигенту, имевшему высшее образование, закончившему гимназию или училище, в ссылку пришел малограмотный пролетарий – согласно подсчетам Р. Штульмана, 49,1 % членов иркутского землячества имели, как указано в анкете, «низшее» образование и лишь 9,4 % – высшее⁶⁹. Данные в целом по Сибири – еще более показательны – 56,1 % ссыльных – с «начальным» и только 5,7 % – с высшим⁷⁰.

Пролетарская ссылка не заняла и не могла занять ведущих позиций в культурной жизни края. Вместе с тем ее активные представители с успехом возглавили леворадикальное движение местных рабочих. Ссыльные участвовали в деятельности всех нелегальных формирований – социал-демократических и эсеровских партийных организаций и групп, в профсоюзных и кооперативных объединениях, стачечных комитетах. Их организаторская и пропагандистская деятельность среди местного пролетариата – главная особенность сибирского рабочего движения времен Первой мировой войны.

С настроением ссыльной колонии вынуждены были считаться и местные власти. Вот лишь один характерный пример. В середине апреля 1916 г. в Иркутске был созван съезд городов Восточной Сибири. В его работе должны были принять самое непосредственное участие и политссыльные. Когда же стало из-

---

⁶⁸ Штульман Р. О. Указ соч. С. 261.

⁶⁹ Там же. С. 250.

⁷⁰ Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. : учеб. пособие. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1997. Вып. 4 : Социал-демократы. С. 94.

вестно, что генерал-губернатор А. И. Пильц запретил «политикам» участвовать в съезде, первое же начавшееся заседание было незамедлительно прервано, к начальнику края отправлена возмущенная и воинственно настроенная депутация, которая, вернувшись через два часа, объявила о победе – к работе съезда были допущены все записавшиеся ссыльные, окончившие свои формальные сроки и приписавшиеся к крестьянскому и мещанскому сословиям⁷¹.

Война буквально «всколыхнула» всю колонию, вызвала всплеск политической активности даже у давно отошедших от активной «работы» ссыльных. Этот вопрос имел здесь особую остроту. Из предмета сугубо теоретического, дискуссионного, он моментально превращался в стратегический на ближайшую и отдаленную перспективу – желавшие победы «своему» правительству незамедлительно должны были отказаться от революционной борьбы, а выступавшие за поражение России – без промедления развернуть подпольную работу.

С началом военных действий ссылка быстро разделилась на оборонцев, пораженцев, интернационалистов, немало было и центристов, еще больше неопределившихся. Состояние ссылки хорошо передано помощником начальника Иркутского губернского жандармского управления в докладе за октябрь 1915 г.: «Ссылнопоселенцы в своих мнениях как о войне, так и в вопросах общественного движения разделились, причем одни желают призыва их на войну, другие ждут амнистии, а третьи – относятся отрицательно как к войне, так и ко всякого рода действиям правительства»⁷².

Вопросы об отношении к империалистической войне ожесточенно дебатировались в течение 1914–1916 гг., однако в конечном итоге ленинское требование поражения своего правительства поддержала меньшая часть иркутских ссыльных. Большинство «политиков» заняли интернационалистскую позицию, заключавшуюся в неприятии войны как империалистической, а значит, захватнической, в борьбе за скорейший мир без аннексий и контрибуций.

---

⁷¹ Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник. 1914–1918 гг. Иркутск : Изд. Сапронов, 2008. С. 213–214.

⁷² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 891. Л. 50.

Февральская революция существенно изменила взаимоотношения внутри колоний ссыльных: времена совместного пребывания в общих организациях безвозвратно заканчивались. Центральные органы партий, стратегия их развития требовали решительного организационного и идейного обособления. По существу, после Февраля ссылка стала делиться на два лагеря: большевиков, провозгласивших курс на немедленное взятие государственной власти в центре и на местах, и на сторонников «социалистического блока», состоявшего из части эсеров, меньшевиков, бывших народников, выступавших за созыв Учредительного собрания.

Значительное количество осужденных когда-то царским судом большевиков, практически все меньшевики и эсеры в 1920–1930-х гг. вновь оказались в ссылке, часть из них была физически уничтожена. Среди них сотни бывших ссыльных, активно работавших в Сибири до 1917 г.: В. Д. Виленский-Сибиряков, Ю. П. Гавен, А. С. Енукидзе, И. А. Зеленский, Л. Б. Каменев, Л. М. Карахан, З. И. Квицинг, А. С. Киселев, С. В. Косиор, Н. Л. Мещеряков, Г. А. Мучник, И. А. Теодорович, М. И. Фрумкин, Н. Ф. Чужак-Насимович, А. В. Шотман, Р. И. Эйхе, Ф. Г. Ягодин-Виноградов, Я. Д. Янсон и мн. др.

Подведем итоги данной главы.

В истории Сибири XVII–XX вв. трудно, а быть может и невозможно, найти сюжет, так или иначе, не связанный с политической ссылкой, пенитенциарной, репрессивной или охранительной политикой Российского государства. Уже с конца XVI в. страна за Уральским камнем становится местом изгнания опальных вельмож, участников многочисленных дворцовых интриг и переворотов. Ссылка непокорных казаков, назначаемая «в службу, куда государь укажет», укрепляла и расширяла границы империи, делала постоянным и необратимым здесь русское присутствие. Несравнимо большие масштабы имела высылка в Сибирь «за придерзости» помещичьих, монастырских и государственных крестьян. Ссылные прочно обживали новые земли, их трудом решалась наиважнейшая задача – охрана и освоение новых территорий и снабжение служивых людей хлебом, ценившимся в этих местах не меньше пороха и оружия.

Век семнадцатый связан в истории Сибири не столько с политической, сколько с уголовной ссылкой. Уложение 1649 г. положило начало законодательному оформлению этого наказа-

ния. Отправляя за Уральский камень тысячи «лихих людей», воров и разбойников, государство не стремилось исправить их души хорошо организованным трудом. Выдержав многомесячный и трудный пеший путь, пройдя через неимоверные лишения и окончательно разучившись трудиться, такой ссыльный водворялся на месте причисления по существу самостоятельно, имея зачастую лишь формальную поддержку государства. В таких условиях приживались и брали землю немногие, большая же часть этих людей уходила на прииски и копи, послужив основой для формирования рабочих горнодобывающих предприятий Сибири.

Другая часть занималась бродяжничеством, воровством или откровенным разбоем. Образ «несчастливого», всеми гонимого, обездоленного и покорного судьбе ссыльного, созданный нашей демократической литературой, очень редко совпадал с действительным обликом сибирского бродяги. Кусок хлеба, оставляемый крестьянами на задворках своей усадьбы, вовсе не был проявлением сострадания к этим людям, а являлся своеобразным способом откупиться от них, лишь бы не трогали и шли дальше...

История Сибири XIX в. прочно ассоциируется с революционной ссылкой. А. Н. Радищев, декабристы, участники солдатских протестов в Новгородской губернии, матросы Черноморского флота, поляки, выступавшие с оружием в руках за свою независимость, петрашевцы, землевольцы, народники – тысячи борцов с самодержавным государством населяли села и города Сибири, неся сюда иную общественно-политическую и бытовую культуру, активно участвуя в изучении богатств края, открытии новых земель, предпринимательстве, просвещении, литературе и журналистике.

Появление и деятельность радикальных политических партий, вовлечение в революционную борьбу практически всех слоев российского общества, резко изменили состав ссылки XX в.: на смену радикалу-народнику и недоучившемуся студенту-разночинцу в Сибирь стали высылать по суду, а больше всего административно, рабочих промышленных предприятий центра страны, крестьян, бунтовавших против малоземелья, учащуюся молодежь, отстаивавшую свои права на относительно независимое образование. После 1905 г. в ссылку «пошла масса», многократно увеличившая колонии по Оби, Енисею, Ангаре, Лене, Витиму. В некоторых селах число «политиков» сравнялось или

превысило количество местных жителей, отсутствие здесь работы, и как следствие, средств к существованию, делало невольное пребывание в Сибири суровым испытанием.

Ссылка пролетарская не внесла столь существенного вклада в культурное развитие сибирского общества, однако осужденные эсдеки и эсеры значительно усилили местное оппозиционное движение: «политики» умело руководили нелегальными партийными формированиями, организовывали пропагандистские кружки, значительно политизировали рабочее и профессиональное движение. При активном руководстве и участии ссыльных проходили крупнейшие забастовки, издавались газеты, совершались террористические акты и экспроприации. После революций 1917 г. именно ссыльные возглавили формирование органов новой власти, большевизацию Советов, приняли затем деятельное участие в событиях Гражданской войны.

В 1920–1930-х гг. значительное число бывших царских узников «тюрьмы без решеток», занимавших при новой власти, как правило, ответственные партийные и государственные посты, были вновь репрессированы и этапированы в Сибирь. Режим сталинских лагерей оказался несравнимо суровее условий содержания дореволюционных «централов», его можно со всей ответственностью назвать по-настоящему каторжным, направленным на физическое истребление миллионов невинных людей. Страна за Уралом опять стала огромной тюрьмой. Теперь Советское государство, как прежде царское, вновь использовало даровой труд лишенных прав людей, продолжало с помощью заключенных экстенсивное освоение громадных сибирских территорий.

Как видим, политическая ссылка – неотъемлемая часть истории Сибири, важнейшая составляющая ее социального и экономического развития на протяжении XVI–XX вв. Ссылка – одна из главных особенностей становления и развития общественно-политической жизни региона. Все это является основанием для ее дальнейшего исследования, конкретизации и обобщения специалистами самого широкого гуманитарного профиля.

2. Политическая ссылка в Сибирь в исследованиях современников

2.1. Изучение политической ссылки в XVII – первой половине XIX в.

В XVII–XVIII вв. история политической ссылки как научная проблема самостоятельно не рассматривалась, однако её отдельные стороны уже тогда интересовали современников, и в первую очередь, самих политических ссыльных, на себе испытывавших всю суровость этого наказания.

Ю. Крижанич. Наиболее заметное место в литературе о сибирской ссылке XVII в., и это на первый взгляд неожиданно, занимает «Политика» Юрия Крижанича – философ и историк пишет в ней не только о взаимоотношениях государства и общества, но и о «благородных» изгнанниках, ставших негодными трону. В обращении знаменитого хорвата к данной теме нет ничего удивительного: в 1661 г. Ю. Крижанич, составляя в Москве славянскую грамматику, внезапно для всех, и в первую очередь для себя самого, был выслан в Тобольск, проведя в этом городе долгих 15 лет. Здесь Крижанич много работал, писал ученые трактаты, встречался и подолгу беседовал с местными и следующими далее политическими ссыльными. Именно это общение, а также немалый собственный опыт, позволили ему сделать о ссылке несколько весьма точных и ценных замечаний.

Уже во втором разделе своего сочинения под названием «О ремесле», рассуждая о том, что праздность – худший из грехов и источник многих бед, Ю. Крижанич предлагает выявлять «бездельников» и использовать для штрафной колонизации Сибири: «Хорошо было бы смотреть по городам, и если сыщутся какие-нибудь скитальцы, бродяги и голыши, сидящие по кабакам и квасным лавкам, и здоровые нищие, то отдавать их в деревни в холопство боярам и ссылать в Сибирь ...»⁷³.

Как видим, великий европейский мыслитель XVII в. предлагает относиться к ссыльным сугубо прагматично и по меркам

---

⁷³ Крижанич Ю. Политика / под ред. М. Н. Тихомирова. М.: Наука, 1965. С. 403.

того времени, весьма гуманно – нет смысла держать «порочных людей» в тюремном заточении или лишать «живота», следует использовать их для заселения новых территорий. При этом надо заметить, что такое отношение к маргинальным слоям общества было тогда далеко не обычным и естественным, гораздо чаще практиковались страшные телесные наказания, сопровождавшиеся средневековой жестокостью и членовредительством, навсегда калечившие человека. Государственная политика и практика ссылки в Сибирь «в службу» или «на пашню» только складывалась, еще нуждалась в своем обосновании, и Крижанич выступает здесь одним из ее идеологов.

Далее Ю. Крижанич пишет о политической ссылке и указывает своим обличенным властью современникам, на ее преимущества перед физической расправой, ведь «тихое» удаление своего противника малозаметно и «...король может наказать так любого виновного, не вызывая сильного ропота и волнения людей»⁷⁴.

И действительно, будущие «страсти у трона» после смерти Петра Великого, нередко заканчивавшиеся не только казнью, но и тайным удалением в Сибирь или в родовую деревню, показали практичность этого наказания – «вечная» ссылка куда-то за Камень заставляла общество быстро забыть «смутьяна», а нового государя (или временщика) выставляла в выгодном свете, делая его справедливым и «по-настоящему» всемилостивейшим. Не казнить, но снизить и «жизнь дать», а после отправить «в укрáйны, куда важнее».

При этом Ю. Крижанич указывает на необходимость гуманного отношения к тем ссыльным, которые не способны будут к физическому труду или тяжелой казацкой службе. Такие «ученые мужи», имевшие до ссылки, как правило, умственные занятия, без поддержки, без «королевского жалованья», скорее всего, погибнут. «Ведь плохо, – пишет философ, как будто говоря о себе, – [когда] известного и ранее полезного человека за какое-либо преступление наказывают, и вконец покидают [его], и не дают ему средств для житья, как поступил Юстиниан, который ослепил Велизария (некогда очень полезного для него бана) и лишил всего имущества, так что этому бедному бану пришлось жить, прося милостыню у людей»⁷⁵.

---

⁷⁴ Крижанич Ю. Указ соч. С. 540.

⁷⁵ Там же. С. 541.

И далее автор обращает опять же внимание своего читателя (весьма могущественного, ибо писано-то все для современно-го московского властителя) на общественный резонанс, который должна вызвать в обществе такая забота о поверженном противнике: «Плохо советуют [те], кои предлагают не давать прокорма ссыльным людям, раз они бесполезны. Ибо они, может быть, [и] бесполезны, но обычай этот для королевства небесполезен»⁷⁶. Как видим, Крижанич выступает здесь не только отвлеченным исследователем-философом, но и тонким, весьма искусственным политиком-практиком.

В разделе «Законы против народного недовольства и для иных нужд и привилегии всем сословиям» Ю. Крижанич продолжает тему гуманизации карательной практики. Он предлагает вообще отменить телесные наказания, но лишь для вельмож: «Да будут все благородные люди навеки освобождены от кнутов, от батогов и от позорных наказаний, т. е. от клеймения и отсечения носа, ушей, рук. А наказанием для них пусть будет тюрьма, отрешение от приказа (если человек имеет приказ) и ссылка...». А затем следует еще одно, не менее интересное положение: «Государь может прямо и без суда отправлять в ссылку опальных бояр, но нельзя ни бить их, ни казнить, ни отбирать имущество без суда»⁷⁷.

Вот это «...без суда» выдает в Крижаниче европейца, человека, воспитанного в другом мире, где взаимоотношения общества и государства строились уже во многом на иной, чем в России, либеральной основе, где неприкосновенность собственности на землю – свята и незыблема. Но не стоит и преувеличивать уровень правовой культуры знаменитого хорвата – политических преступников, уличенных в государственной измене, по его мысли, следует карать без жалости: «если преступление будет прямым оскорблением Божеской или нашей королевской власти, т. е. если [это] будет ересь или измена, покушение на наше королевское здоровье или жизнь или если кто-либо попытается завести чужездство или сватовство с чужеземцами или как-либо иначе изменит нам и отечеству и всему народу, то это-

---

⁷⁶ Крижанич Ю. Указ соч. С. 541.

⁷⁷ Там же С. 604.

го преступника надо по заслугам казнить позорной смертью, а поместье и все имущество его отобрать в нашу казну»⁷⁸.

Как видим, Ю. Крижанич еще в 70-х гг. XVII в., говоря о взаимоотношениях государя и общества, сумел определить несколько принципиальных положений системы наказания политических преступников. По его мнению, удаление своего противника или ссылка, гораздо эффективнее его физического уничтожения, могущего взволновать общество. Малоаметная высылка в отдаленную местность, обеспечение ссылкой неким материальным довольствием и вместе с тем полная изоляция, заставляет общество быстро забыть «героя», а государь воспринимается победителем великодушным и гуманным. Такое удаление может сопровождаться и телесным наказанием, а также конфискацией его недвижимого имущества, но только в судебном порядке.

Протопоп Аввакум. Одним из первых невольных историографов сибирской ссылки был протопоп Аввакум. В своем известном «Житие...», созданном в 1672–1673 гг. в пустозерской тюрьме, он много места отводит «тяготам» многотрудного пути в «неволю», когда Аввакум вместе с казаками тянул лодки и нарты, несколько раз тонул, голодал. «По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был, – и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третье тонул. Барку от берегу оторвало водою, – людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало... Несло с версту... Все розмыло до крохи!», – писал Аввакум затем в «Житие»⁷⁹.

Аввакум ярко и живо сумел рассказать не только о тяжелейшем пути в ссылку, потере близких (в Забайкалье умерли два его малолетних сына), издевательствах, которые он претерпел, но и дал подробное описание озера Байкал, одним из первых подчеркнув значение его ресурсов для предстоящего освоения края. «Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, – дватцеть тысяч верст и больши волочился, а не видал та-

---

⁷⁸ Крижанич Ю. Указ соч. С. 604.

⁷⁹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 34.

ких нигде. Наверху их полатки и повáлуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, – все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, – больши романовского луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопли богорасленные, а во дворах травы красныя – и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, – по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерледи и омули, и сиги, и прочих родов много...»⁸⁰.

П. А. Словцов. В нашем историографическом обзоре этого периода заслуживает внимания и главный труд П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири», опубликованный, как известно, частями в 1838 и 1844 гг. Следует отметить, что так же как Крижанича и Аввакума, Словцова в полной мере можно причислить к политическим ссыльным – за свои свободолюбивые проповеди перед тобольскими жителями, он был арестован и в 1793 г. сослан на остров Ваалам на Ладожское озеро, где в одной из монастырских келий оставался до 1808 г. Вернувшись в Тобольск, а затем переехав в Иркутск, Словцов до конца своих дней скрупулезно собирал и обрабатывал самые различные письменные источники по истории Сибири и просто не мог обойти тему штрафной колонизации края. Правда, «Сибирский Карамзин»⁸¹ пишет в основном о ссылке общей, не выделяя политической, однако и в таком виде его описания ценны для нашего исследования.

Прежде всего, П. А. Словцов одним из первых пытается установить количественные характеристики сибирской ссылки. В таблице «Табель русской в Сибири населенности...» историк указывает, что «к 1662 г. ссыльных 7 400. Из них: по р. Енисей 3 000, на Ангаре, Лене, за Байкалом – 4 400». Сосланных к 1709 г. у него гораздо больше: «...в Тобольской, Томской, частью за Байкалом, в Нерчинских заводах, по Лене и Колыме» 19 856 мужчин и 8 728 женщин, а всего 28 584 человека⁸². К сожалению, автор не дает источника своих подсчетов, а их сравнение с данными современных исследователей показывает значительное завышение начальных показателей: так, согласно цифрам А. С. Зуева и С. А. Красильникова, в 1593–1645 гг. в Сибирь было сослано всего 1,5 тыс. человек, а к началу XVIII в. здесь насчитыва-

---

⁸⁰ Житие протопопа Аввакума ... С. 46.

⁸¹ Дубровский К. Сибирский Карамзин // Сиб. архив. 1914. № 5. С. 203.

⁸² Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2012. С. 174–175.

валось около 20 тыс. ссыльных⁸³. Впрочем, всегда надо иметь в виду, что вывести относительно точные сведения о ссыльных в Сибири в досоветский период, а в XVII–XVIII вв. особенно, вообще не представляется возможным, – вплоть до середины 1820-х гг. организации ссыльного дела не было и счета колодникам в этот период не велось.

С именем Словцова связано выявление «первого» сибирского политического ссыльного. Им, по мнению историка, следует считать «углицкий колокол», отправленный в Тобольск в 1593 г. «за возмущение Углича при кончине царевича Дмитрия». И действительно, по приказу Бориса Годунова, колокол, призывавший жителей к открытому неповиновению, был сброшен с колокольни, затем его высекли плетью, отбив при этом проушину и вырвали язык. После экзекуции власти заставили угличан волоком тащить колокол в ссылку до Тобольска, определив после всех участников этого «возмущения» (около 500 человек) на жительство в Пелым. Колокол же был возвращен в Углич лишь в 1892 г., и по действительно пророческому замечанию Словцова, предвозвестил «будущую судьбу» Сибири⁸⁴.

По всей видимости, П. А. Словцов опубликовал по цензурным соображениям далеко не весь имевшийся у него материал о государственных преступниках. Однако он первым из исследователей попытался отобразить общую картину политической ссылки, называя при этом имена некоторых знатных «людей», отправленных в Сибирь «за измены» – «Дёмку Многогрешнаго» да князя Черкасского, упоминая о множестве казаков и стрельцов, сосланных «за вины» и «за старину», посаженных на «государеву пашню» или отданных в «службу конную да пешую». С нескрываемой симпатией говорит автор, например, о Никифоре Черниговском, польском военнопленном, принятым на русскую службу в 1634 г. За попытку «бежать в Литву» он был выслан в Енисейск, затем отправлен на Лену и долго жил в Илимске, Киренске, Усть-Куте, служил здесь пятидесятником, а затем приказчиком. Облеченный доверием местных властей, ездил в Москву, отвозил государев ясак. В 1666 г. Черниговский вместе с илимскими казаками, среди которых были и ссыльные, само-

---

⁸³ Историческая энциклопедия Сибири. С–Я. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. С. 171.

⁸⁴ Словцов П. А. История Сибири ... С. 268.

вольно ушел на Амур, отстроил Албазинский острог и без поддержки правительства удерживал его в течение десяти лет, обновив тем самым в регионе русское присутствие⁸⁵.

Н. М. Карамзин. Дальнейшее социально-экономическое развитие страны расширяло как масштабы ссылки в Сибирь, так и интерес к ней современников. Однако в первой половине XIX в. специальных исследований по истории этого явления по-прежнему не было, ссылка изучалась попутно, как правило, в контексте истории России в целом. Ведущее место среди подобных исторических произведений, безусловно, принадлежит «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, первые тома которой были изданы в 1810-х гг.

Прежде всего Н. М. Карамзин значительно раздвигает временные рамки этого явления. Читатель с удивлением узнает, что политическая ссылка на Руси применялась задолго до открытия и присоединения Сибири. Первый случай политического изгнания у Карамзина относится к 1023 г., когда Великий князь Ярослав Владимирович (Мудрый), усмиря мятеж в Суздале, наказал виновников «одних смертию, других ссылкой». Затем автор говорит о событиях 1129 г., где князь Мстислав, сын Владимира Мономаха, «отправил всех князей Полоцких в ссылку за то, что они не хотели действовать вместе с ним против врагов нашего отечества, половцев. Всеславичи Давид, Ростислав, Святослав и племянники их Василько, Иоанн, сыновья Рогволодовы, с женами и детьми были на трех лодиях отвезены в Константинополь», а Мстислав «отдал княжение Полоцкое и Минское сыну своему Изяславу»⁸⁶.

Что следует из приведенных цитат? Во-первых, политическая ссылка – одно из самых древних наказаний в России – она практиковалась уже в начале XI в. Во-вторых, политической ссылкой карали людей знатных, приближенных к правящей династии, а нередко и своих ближайших родственников, не делая исключения и для детей. В-третьих, после депортации неудобных, следовала полная конфискация их имущества и главное, отбирался княжеский стол, т. е. наследуемая по праву родства земля – причина многих раздоров и междоусобиц.

---

⁸⁵ Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 130.

⁸⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 17, 107.

Еще одна (двойкая) особенность русской политической ссылки у Н. М. Карамзина: эта мера наказания всегда фигурирует в качестве милости, альтернативы смертной казни, распространяясь при этом на людей родовитых, знатных, простые же участники политических интриг подлежат смертной казни. В качестве примера приведем еще одну цитату, теперь о действиях Василия Шуйского: «Воеводы, князя Иван Катырев, Юрий Трубецкой, Троекуров, думая, что пришла гибель Шуйских, как некогда Годуновых, и что лучше ускорением ее снискать милость бродяги, как сделал Басманов, нежели гибнуть вместе с царем злосчастливым, начали тайно склонять дворян и детей боярских к измене. Умысел открылся: Василий приказал их схватить, везти в Москву, пытать – и, несомненно уличенных, осудил единственно на ссылку, из уважения к древним родам княжеским: Катырева удалили в Сибирь, Трубецкого в Тотьму, Троекурова в Нижний; но менее знатных и менее виновных преступников, участников злодейского кова, казнили...»⁸⁷.

Н. М. Карамзин подчеркивает и другую черту политической ссылки – она распространялась не только на «русских людей», но и на «иноземцев». Говоря об эпохе Ивана Грозного, он пишет: «...Иоанн удивительным образом честил тогда некоторых ливонских пленников. В июне 1565 г., обвиняя дерптских граждан в тайных сношениях с бывшим магистром, он вывел оттуда всех немцев и сослал в Владимир, Углич, Кострому, Нижний Новгород с женами и детьми; но дал им пристойное содержание и христианского наставника дерптского пастора Веттермана, который мог свободно ездить из города в город, чтобы утешать их в печальной ссылке...»⁸⁸.

Нередко у Н. М. Карамзина ссылка выступает не только наказанием, но и средством для создания имиджа доброго, радетьельного государя. Так было, к примеру, в случае с Борисом Годуновым: «Достигнув цели, возникнув из ничтожности рабской до высоты Самодержца усилиями неутомимыми, хитростию неусыпную, коварством... Борис... хотел именоваться отцем народа, уменьшив его тягости; отцем сирых и бедных, ... не обагрив земли русской ни каплею крови и наказывая преступников только ссылкой»⁸⁹.

---

⁸⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 12. С. 17.

⁸⁸ Там же. Т. 11. Гл. 2. Продолжение царствования Иоанна Грозного.

⁸⁹ Там же. Т. 12. Гл. 2. Продолжение царствования Борисова.

Следует отметить также еще одну особенность: Н. М. Карамзин (и только он) именует политическую ссылку по-разному, присваивая ей некие определения-ярлыки: в одних случаях, автор называет ее «печальной», в других – «честной». Что скрывается за этими названиями, можно только предположить. По всей видимости, таким образом автор выражает свое отношение к этому наказанию по принципу «честная» – справедливая («по делу»), «печальная» – незаслуженная, назначенная напрасно, ошибочно, «по навету». Так, поездку Великого князя Василия Васильевича в Вологду в 1446 г. Н. М. Карамзин именует «печальной ссылкой», выражая ему свое явное сочувствие, а вот удаление Б. Я. Бельского, «спасенного Годуновым от злобы народной во время Московского мятежа, но оставленного надолго в честной ссылке», считает, по-видимому, заслуженным. Здесь же автор дает и виды ссылки – ссылка «в дальние города», «в монастырь», «в темницу», «в Константинополь», т. е. за пределы государства, и наконец, что важно для нашего исследования, «в Сибирь»⁹⁰.

Некоторые сведения о политической ссылке встречаем у Н. М. Карамзина и в знаменитой «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». В этом исследовании историк останавливается на этой теме, по крайней мере, дважды: первый – говоря о ссылке времен правления Бориса Годунова, как о мере наказания, своего рода, милости, заменяющей смертную казнь; второй – о бироновщине и о ссылке многих неугодных ему противников в Сибирь⁹¹.

Как видим, Н. М. Карамзин задолго до начала систематического научного изучения политической ссылки в качестве социального явления и одного из видов карательной политики государства, сумел выделить и на конкретных примерах обосновать главные черты этого наказания. Ссылка, по Карамзину, это всегда проявление своеобразной милости к своему политическому противнику, сохранение ему жизни, но удаление от активной политической борьбы. Ссылка – одна из самых древних карательных мер, применяемая на Руси, по крайней мере, с XI в. как

---

⁹⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. Гл. 3. Великий князь Василий Васильевич Темный. г. 1425–1462 ; Т. 11. Гл. 2. Продолжение царствования Борисова.

⁹¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука, 1991. С. 25, 39.

альтернатива смертной казни исключительно для знатных противников и даже ближайших родственников правителя, сопровождаемая конфискацией имущества и лишением всех званий и чинов, но далеко не «вечная», пределы которой зачастую зависели от смены князя или государя.

2.2. Изучение сибирской политической ссылки в пореформенный период

«Великие реформы» существенно изменили социально-экономическое положение в стране, значительно ускорили ее движение по буржуазному, капиталистическому пути. Прямым следствием реформ был, пусть и медленный, но рост рынка свободной рабочей силы, что напрямую сказывалось и на использовании подневольного труда ссыльных и каторжан – в изменившихся условиях его применение становилось все менее рентабельным. К тому же интеллигенция центра страны, и Сибири в особенности, все громче требовала избавить край от «ссылной заразы», прекратить превращать регион в «сточную канаву метрополии». Эта ситуация нашла отражение и в отечественной историографии, где относительно перспектив дальнейшего развития уголовной и политической ссылки постепенно сложилось два направления: сторонников модернизации государственной ссылки и принципиальных противников её дальнейшего существования.

С середины 1860-х гг. постепенно оформился и своеобразный двусторонний подход в изучении ссылки: с одной стороны – как важнейшего инструмента внутренней политики государства, которым оно пользовалось для удаления и изоляции наиболее опасных противников существующего строя, с другой – изучалась сама «тюрьма без решеток» – количественные и качественные характеристики, география, экономическое положение, «внутренний мир» ссыльных колоний. Первое направление разрабатывалось в основном учеными-правоведами, а также практиками «тюремного дела» в центре и на местах, по долгу службы постоянно работавшими с политическими ссыльными и каторжанами. Второе, связанное с немалой частью российского общества, на себе испытавшей все тяготы карательной политикой государства, определившей судьбы десятков (если не сотен) тысяч современников, стало, в большей степени, уделом не ис-

торических, а публицистических исследований, которые проводили не только профессиональные историки, но часто этнографы, журналисты, путешественники, политические и общественные деятели. Рассмотрим здесь оба направления.

С. В. Максимов. Специалистам политической истории России хорошо известна книга С. В. Максимова «Сибирь и каторга». Она была необычайно популярна у современников знаменитого писателя-этнографа, вызывая к этой теме стойкий интерес практически во всех слоях российского общества. Работа Максимова знакома и сегодняшнему читателю, подтверждением чему может служить очередное переиздание его книги в 2010 г.⁹²

В 1855 г. С. В. Максимов принял участие в этнографической экспедиции на Север России. Он отправился к Белому морю, добрался до Ледовитого океана и Печоры, написал ряд статей, составивших затем книгу под названием «Год на Севере». В 1859 г., по заданию того же Морского ведомства, Максимов побывал на Дальнем Востоке для исследования только что приобретенной Амурской области. На обратном пути ему было поручено составить обозрение сибирских тюрем и быта ссыльных, в результате чего и появилась книга под названием «Тюрьма и ссыльные» (1862 г.). Сначала она была издана в качестве служебной записки тиражом всего 500 экземпляров, а затем в дополненном виде уже как «Сибирь и каторга» переиздавалась неоднократно⁹³.

Работу С. В. Максимова трудно отнести к какому-либо одному типу исторического исследования. Скорее всего, это своеобразное соединение личных впечатлений, путевых заметок, свидетельств современников с научным обобщением богатейшего фактического материала, собиравшегося автором в течение ряда лет. Для нашего исследования наибольший интерес представляет третья часть работы, имеющая название «Политические и государственные преступники», в которой автор описывает историю ссылки в Сибирь поляков и декабристов⁹⁴.

Прежде всего труд С. В. Максимова представляет интерес в качестве ценного и разнопланового источника по истории сибирской ссылки. Книга содержит многочисленные фактические

---

⁹² Максимов С. В. Собр. соч. : в 7 т. М. : Кн. клуб «Книговек», 2010. 337 с.

⁹³ Энциклопедический словарь. Т. 41. СПб. : Изд-во Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1904. Ст. 444.

⁹⁴ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. 3. Политические и государственные преступники. Изд. 4-е. СПб., 1896. 337 с.

сведения, рассказы и свидетельства современников. Исторические анекдоты соседствуют здесь с государственной статистикой, анкетные данные с отрывками из исследований Андриевича, неопубликованные архивные материалы – с личными впечатлениями автора – все, без чего не обойтись ни одному автору этой темы. Наконец, живой и увлекательный язык книги делает ее понятной, интересной и доступной любому современному читателю.

Легкость изложения не мешает С. В. Максимову затронуть и попытаться по-своему решить несколько серьезных научных проблем истории политической ссылки. Например, говоря о неравномерности поступления в Сибирь польских патриотов, автор совершенно верно выделяет одну из главных особенностей политической ссылки XIX в. – служить «верным барометром» размаха революционного движения. «Наибольшее скопление польских патриотов в ссылке, – пишет он, – выражаемое значительным возрастанием цифры ссылных, стало указывать на предшествовавшие государственные кризисы Польши, когда она против русского владычества в крае поднимала восстания и платилась затем изгнанниками. Цифры по годам стали указывать на исторические эпохи завоеванного и побежденного народа»⁹⁵.

Автор идет дальше и по количественным показателям польской политической ссылки выделяет три периода национально-освободительного движения: «появление в Сибири барских конфедератов и сподвижников Т. Костюшко» – первый период; события 1831 г. – это второй; и «современный, с весны 1863 г.» – третий⁹⁶.

С. В. Максимов много пишет и на весьма актуальную для его современников тему – о взаимовлиянии ссылных поляков и местного сибирского общества, касаясь тем самым сложной проблемы государственной национальной политики в Российской империи. «Обрусение ссылных поляков в Сибири», – констатирует автор, – следует считать «явлением осязательным и бесспорным». При этом дети, рожденные от отца поляка и сибирячки-матери, очень быстро утрачивали польский язык и «только в чертах лица успевали сохранить следы польского происхождения». Причину такого явления Максимов усматривает в целенаправленной «политике правительства, стремяще-

---

⁹⁵ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. 3. Политические и государственные преступления. Изд. 4-е. СПб., 1896. С. 37.

⁹⁶ Там же.

гося всячески поощрять смешанные браки, требуя, чтобы дети исповедовали григорианскую веру»⁹⁷.

С. В. Максимов подробно освещает и участие ссыльных поляков в экономической жизни сибирского региона. Автор с «фактами в руках» убедительно показывает их значительный вклад в развитие местной промышленности, устройство колбасных цехов, мыловаренных и свечных заводов, парикмахерских и кондитерских магазинов. Вся «легкая промышленность» края также тесно связана с поляками – именно они открывали пошивочные мастерские, делали отличную обувь, держали склады европейского платья. «Пришельцы из польских городов, – пишет Максимов, – при замечательном развитии ремесленных занятий, в удовлетворение насущных и настоятельных потребностей ... сибирского люда, нашли и первое дело, и надежное обеспечение для будущей жизни»⁹⁸.

И действительно, об активной экономической жизни польских ссыльных в Сибири существуют многочисленные свидетельства современников. Их предприимчивость, знание ремесел и умение работать ценились как местной, так и центральной властью. Совершенно неслучайно, на правительственном уровне были разработаны специальные «Правила по устройству быта политических ссыльных, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и Западных губерний». Поляки «распределялись, по утверждению начальника губернии, применяясь к роду занятий каждого». Желавшие в местах поселения заняться земледельческим трудом, наделялись землей. Отдельным пунктом правила предполагали «водворять поляков-ремесленников, мастеров и прочих в казенные и все имеющиеся в губерниях частные заводы». Те же, кто устроил свое хозяйство, «при хорошем поведении» могли остаться на местах водворения и после окончания срока наказания⁹⁹.

Если русский политический ссыльный рвался из Сибири в Европейскую Россию, рассматривая ссылку как временное удаление из привычной среды, то поляки на месте поселения без промедления пускали прочные корни – обзаводились добротной усадьбой, домашним скотом, активно искали занятий своим

---

⁹⁷ Сибирь и каторга. Ч. 3. Политические и государственные преступники. С. 38.

⁹⁸ Там же. С. 50.

⁹⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. Д. 814. Л. 2 об.

способностям. Здесь они создавали семьи, растили детей, занимались предпринимательством, делали служебную карьеру. Нередко они столь крепко прикипали к сибирской земле, что просто не могли относительно быстро бросить хозяйство и вернуться на родину. Весьма показательно в этом плане прошение политического ссыльного Ф. Далевского инженеру Н. П. Дитмару на Нерчинской каторге, написанное после «высочайшего соизволения от 25 мая 1868 г. об облегчении участи польским ссыльным: “Так как я, имея свою мыловарню и для obsługi ея лошадей и быков, принужден был сделать запас на зиму, а именно сена и дров, которые я закупил у окрестных жителей, то покорнейше прошу Ваше превосходительство, оставить меня на поселение в Забайкальской области. Ежели бы это было возможным, то оставить меня, по крайней мере, на один год”»¹⁰⁰.

Есть в книге Максимова и подлинно научный анализ польской ссылки. Так, автор, пользуясь доступной ему статистикой, сумел определить регионы, поставившие наибольшее количество поляков в сибирскую ссылку, обозначив тем самым центры освободительного движения в самой Польше. По Максиму, наибольшее количество ссыльных после восстания 1831 г. дала Виленская губерния, далее – Гродненская, за ней – Белостокская¹⁰¹.

Любопытны у С. В. Максимова и итоги социального анализа польских политических ссыльных в Сибири. Оказывается, больше всего среди них было выходцев из родовитой шляхты, а «после дворян сильнейшая наклонность к преступлениям этого рода» отмечена автором у солдат и священников-католиков¹⁰².

С. В. Максимов первым подметил и описал систему объединения поляков в ссылке: в местах массового проживания они, дабы облегчить борьбу с материальными трудностями, еще с 1830-х гг. группировались в территориальные землячества, а затем – в колонии. При этом социальные различия между богатыми и бедными, родовитыми и простолюдинами, искренне считал автор, стирались, отходили на второй план, и средства из

---

¹⁰⁰ Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1 / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1993. С. 213.

¹⁰¹ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. 3. Политические и государственные преступники. С. 50.

¹⁰² Там же. С. 51.

«касс вспомоществования» были уготовлены для «каждого члена ссыльной колонии»¹⁰³.

Высоко оценивает С. В. Максимов и духовное воздействие польских политических ссыльных на сибирское общество. Помимо «ростков» европейской промышленности и производственной культуры, развития ремесел и торговли, поляки в Сибири «вслед за другими (декабристами. – А. И.), будили мысль, поднимали самосознание и направляли самодеятельность» сибиряков, привнеся в их ряды свободолюбивый и оппозиционный дух». «История России не представляет другого примера административной высылки в таких размерах», как депортации поляков 1830-х и 1860-х гг., резюмирует автор¹⁰⁴.

Как видим, С. В. Максимова удалось воссоздать действительно реалистичную, содержательную картину пребывания польских ссыльных в Сибири, показать их роль в общественной и экономической жизни региона, на хорошо подобранном фактическом материале раскрыть индивидуальные особенности их культуры и быта.

Сибирские областники и Н. М. Ядринцев. Хорошо известно, какое исключительное место занимала «ссыльная тема» в антиколониальной, областнической концепции сибирских патриотов. Придавая видное значение борьбе за отмену штрафной колонизации, руководители движения не могли не приступить к первоначальному осмыслению, публицистическому обобщению, а затем и научному изучению политической ссылки в Сибирь. Заметное место среди исследователей этой темы по праву занимает Н. М. Ядринцев, сам политический арестант и ссыльный (1865–1868 – Омская тюрьма; 1868–1874 – Шенкурск Архангельской губернии). Рассмотрим здесь три наиболее характерные работы Ядринцева: «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872), «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» (1882) и «Статистические материалы к истории ссылки в Сибирь» (1889).

Отличаясь систематическим привлечением большого круга статистического и архивного материала, работы Н. М. Ядринцева представляют значительное явление во всей досоветской историографии. Характерно, что труды этого ученого получили и

---

¹⁰³ Сибирь и каторга. Ч. 3. Политические и государственные преступники. С. 62.

¹⁰⁴ Там же. С. 78, 101.

весьма высокую оценку у современников. К. В. Дубровский, например, книгу «Сибирь как колония» называл «поистине» классическим трудом сибирской истории, а работу «Русская община в тюрьме и ссылке» ставил в один ряд с «Мертвым домом» Достоевского и «Сибирской каторгой» Максимова. «Слово его, – писал Дубровский, – по этому предмету было веско, к нему прислушивались не только толпа, но и лица, призванные владеть “судьбой десятков заключенных”»¹⁰⁵.

«Энциклопедией сибиреведения» называл «Сибирь как колония» и М. Шатилов. Он считал, что труд Ядринцева еще долгие годы будет сохранять «значение наиболее полного и талантливо написанного сочинения» по самым крупным сибирским вопросам. Известно также, сколь высоко ценил «Русскую общину...» и В. И. Семевский. Профессиональный историк рекомендовал эту работу всем, кто предполагал заняться изучением «каторжной Сибири»¹⁰⁶.

Прежде всего заслугой Н. М. Ядринцева является выявление, всесторонний анализ и объективная оценка документальной базы истории сибирской ссылки. В течение 15 лет он собирал и систематизировал самые различные материалы по данной теме, первым из исследователей обратив внимание на массовые источники: ведомости приказа о ссыльных в Тобольске, материалы из архива Главного управления Западной Сибири, статистические обзоры, сделанные по заданию генерал-губернатора Н. Г. Казнакова, внутриведомственную переписку. Кроме этого, к документальной базе им отнесены источники личного происхождения – воспоминания заключенных, а также собственные наблюдения, имевшие при написании работы основополагающий характер. «Нас повели по этапу, – вспоминал Н. М. Ядринцев. – Мы шли с июня до сентября... пешком. Мы испытывали арестантскую баржу и были покрыты паразитами сплошь в пересыльных этапах. Чего не насмотрелись и с какой компанией не перебивали. Эти острожники, эти страшные лица, эти измученные люди, давно и верно покончившие жизнь на каторге, встава-

---

¹⁰⁵ Дубровский К. В. От идеалов к действительности. (Областническая идея в прошлом и настоящем). Иркутск, 1917. С. 18.

¹⁰⁶ Шатилов М. На славном посту // Сибирский студент. 1915. № 1–2. С. 57; Попов И. И. В. И. Семевский и Сибирь (Памяти друга Сибири) // Голос минувшего. 1916. № 10. С. 7.

ли передо мной, когда я впоследствии писал свою книгу о русской тюрьме. Я галлюцинировал и переживал с ними их трагедию»¹⁰⁷.

Для научного исследования этой темы безусловную ценность имеет общий вывод Н. М. Ядринцева: несмотря на то, что ссылка в Сибирь как наказание возникла и существует с XVI столетия, эта проблема отложилась лишь отдельными разрозненными материалами. Единого массива источников по ссылке не существует, что существенно затрудняет работу исследователя. По его мнению, положение с источниками несколько улучшилось только с 1823 г. после возникновения Тобольского приказа о ссыльных, однако, заключает автор, «статистика ссылки и ныне не организована ни при одном центральном учреждении, и сведений из Сибири... не получается»¹⁰⁸.

Надо подчеркнуть: Н. М. Ядринцеву принадлежит первенство в анализе современной историографии ссылки в Сибирь. Изучая «непрерывно в течение последних 25 лет соответствующую литературу», автор пришел к выводу о наличии в ней двух своеобразных периодов. Первый исследователь начинает с 1860–1870-х гг. и характеризует как время отсутствия самостоятельных работ о ссылке – с одной стороны, и существования «успокоения» в обществе по поводу ее пользы – с другой.

«Несмотря на обширное значение, какое имела ссылка в России, составляя одно из видных наказаний в нашем кодексе, – пишет автор, – мы однако не встречаем о нем никаких исторических исследований, точно как и определенного мнения о ней русских юристов, так как наши криминалисты до последнего времени руководствовались мнениями западных ученых, вроде Гольцендорфа, и на них основывали свои заключения. Между тем ссылка в России... представляет все необходимые данные для самостоятельной разработки вопроса»¹⁰⁹.

Отсутствие «самостоятельных» научных исследований, по мысли Ядринцева, объясняется своеобразным «успокоением» по поводу целесообразности ссылки – общественное мнение было на стороне защитников этой меры. Наказание это, – пишет он, – считалось каранием и исправлением, очищением общества от

---

¹⁰⁷ Цит. по: Шатилов М. Указ. соч. С. 56.

¹⁰⁸ Ядринцев Н. М. Статистические материалы к истории ссылки в Сибирь // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т. 6. СПб., 1889. С. 312.

¹⁰⁹ Ядринцев Н. М. Русская община ... С. 502.

дурных элементов и полезной колонизацией края. Оно удовлетворяло и «суровых криминалистов, и представителей исправительного принципа», и «гуманистов, предпочитавших его душевной тюрьме, так как здесь ссыльные не только несут наказание, но и работают на чистом воздухе»¹¹⁰.

Между тем, считает автор, соединение столь противоречивых задач ссылки, «в сущности, на деле вытеснявших друг друга», невозможно и должно было зародить в обществе некоторые сомнения по поводу ее эффективности, а значит, и целесообразности. Однако этого не произошло и «вокруг ссылки» группировались лишь ее защитники, что хорошо видно и по современной литературе.

Ситуация, по мнению автора, начала меняться только, «при начале тюремно-ссыльной реформы». По всей видимости, именно с активным обсуждением предстоящей реформы в обществе и связывает Н. М. Ядринцев начало второго периода историографии ссылки в России. Вероятнее всего, по времени это конец 80-х – начало 90-х гг. XIX в. Именно тогда, пишет автор, «мы узнали, что жизнь ссыльных в Сибири» далеко не в удовлетворительном состоянии. В этот период отдельные разрозненные сюжеты и картины «нашей каторги и ссылки» уже не могли устроить общество¹¹¹.

Что же характеризует, по мысли автора, этот последний период отечественной историографии? Прежде всего, Н. М. Ядринцев отмечает преимущественно локальный характер разработки темы. По его мнению, лишь «сибирские газеты» продолжали на своих страницах активно освещать проблемы ссылки в «Закаменную Россию», что и составляло большинство отечественных публикаций. Именно сибирские периодические издания, выступая, безусловно, против всех видов ссылки, внесли в разработку этой темы наиболее весомый (в количественном отношении) вклад. При этом автор в качестве примера упоминает «Сибирскую газету», «Сибирь», «Восточное обозрение»¹¹².

Второй характерной особенностью историографии этого периода Н. М. Ядринцев считает изменение общественного мнения в отношении «полезности» ссылки. Общество в основе своей вста-

---

¹¹⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония ... С. 244.

¹¹¹ Там же. С. 244.

¹¹² Там же. С. 302.

ло на позиции противников сибирской ссылки. Показателем этого и следует считать появление в историографии работ «многих этнографов», «писателей и беллетристов» – «Чудновского, Короленко и других». При этом «все этнографы и писатели приходили к одному выводу, заключающемуся в том, что положение ссыльных безутешно, а ссылка для Сибири есть тягость и зло»¹¹³.

Следует отметить одну характерную деталь. Говоря о «писателях» второго периода, Н. М. Ядринцев особо останавливается на польских авторах, таких как «Шиманский, Сирко», подчеркивая, что они правдиво «обрисовывали в своих очерках положение ссыльных в Якутской области. При этом, по мнению Ядринцева, Якутская ссылка получила в этой литературе «особое освещение». Так, осторожно, в завуалированной по цензурным соображениям форме, автор говорит как о самих политических ссыльных, так и о вкладе «этих писателей» в разработку общей темы¹¹⁴.

Особенностью второго периода историографии Ядринцев считал и появление здесь «ученой литературы». В течение последних лет, утверждал автор, разработкой проблемы сибирской ссылки занялись отечественные «различные юридические авторитеты и профессора». Автор из общего массива научных публикаций выделяет несколько. Это труды И. Я. Фойницкого, доказавшего, что наказание ссылкой, применяемое европейскими государствами, дало только отрицательные результаты, а также исследования профессора Сергиевского, «склонного видеть» в ссылке вынужденное и неизбежное наказание, но, при этом, не оправдывавшего его «жестоких и больных сторон»¹¹⁵.

По мнению Н. М. Ядринцева, современный период историографии каторги и ссылки имеет и еще одну характерную особенность. Она заключается в том, что зарубежные исследователи тюремной и ссыльной системы на основе многолетнего изучения практического опыта изменили свое отношение к ней и пришли к единодушному выводу о бесперспективности дальнейшего её развития. Даже «знаменитый профессор Гольцендорф, – говорит автор, – бывший когда-то «теоретическим сторонником» ссылки, высказался против ее применения. Подоб-

---

¹¹³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония ... С. 300.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. С. 303.

ные же резолюции были приняты и на последнем международном тюремном конгрессе в Лондоне¹¹⁶.

По мысли автора, современный период историографии характеризуется скорее ростом количественных, чем качественных показателей. Свой вывод он подкрепляет своеобразным обзором последних публикаций: «Статьи о ссылке и каторге появились вслед за Максимовым и Достоевским в «Современнике»: воспоминания Львова, ст. Грицько (Елисеева), ст. Д. И. Завалишина, Семилужинского (псевдоним самого Ядринцева. – А. И.), Авесова – Потанина в «Неделе», ст. против ссылки в «Голосе» Ядринцева, ст. Маслова за ссылку. За сохранение ссылки в 1890 г. высказывался «Русский курьер»¹¹⁷.

Несмотря на видимые количественные достижения, существенное изменение общественного мнения, появление художественных работ о ссылке и «беллетристики», зарождение своей, свободной от западного влияния отечественной «ученой литературы», современная историография темы, по мысли автора, имеет лишь незначительные качественные достижения. «Со времени появления первых очерков Достоевского... и Максимова, – делает вывод Н. М. Ядринцев, – мы не видим в России ничего более крупного»¹¹⁸.

Несомненна заслуга Н. М. Ядринцева и в определении роли и места ссылки в истории России. Он первым высказал мысль о ссылке как «неотъемлемой части» русского общества. «Находясь в связи с историей преступлений и составляя результат уголовных теорий, – писал Ядринцев еще в 1872 г., – она отражает внутреннюю жизнь русского общества во всех фазисах его развития, с его тревожностями, страданиями, с борьбой и оппозицией личности известному общественному строю»¹¹⁹.

Ссылка как отражение внутренней жизни русского общества, как результат всегдашней оппозиции человеческой личности российскому государству – вот по-настоящему ценное и глубоко философское определение исследуемого нами явления.

Далее Н. М. Ядринцев четко выделяет и функциональные задачи ссылки. По его мнению, во-первых, она служит для «устрашения», во-вторых, в качестве «жесткой кары», а также

---

¹¹⁶ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония ... С. 302.

¹¹⁷ Там же. С. 302.

¹¹⁸ Там же. С. 303.

¹¹⁹ Ядринцев Н. М. Русская община ... С. 502.

как «суровое возмездие», и вообще, является средством «проведения всех правительственных мер». Однако главная задача ссылки, по Ядринцеву, и этот вывод следует подчеркнуть, заключается в «уничтожении народной оппозиции»¹²⁰.

Н. М. Ядринцев весьма результативно занимался определением и количественных показателей политической ссылки. В 1898 г. он сумел опубликовать статистику государственных и политических преступников в Сибири по данным Тюменского приказа. Взяв за основу подсчетов сведения за 1879 г., он составил сводную таблицу, подразделив всех осужденных на четыре вида: каторжан, сосланных на поселение, на жительство и высланных административным порядком.

Как следует из данных его таблицы, в 1879 г. в Сибири было всего 35 государственных ссыльнопоселенцев и сосланных на жительство. Число каторжан в этот же год достигло более значительных размеров – 49 преступников. Однако количество административных «политиков» было самым внушительным и равнялось 106, из чего можно сделать вывод о широком распространении уже в тот период практики внесудебной расправы. Всего же ссыльных по политическим делам в этом году зафиксировано 190, при этом 25 человек (13,2 %) – женщин¹²¹.

Творчество Н. М. Ядринцева интересно нам тем, что в нем был разработан подробно и вопрос о дальнейшем судьбе ссылки. Ставя во главу угла не наказание, а исправление преступника, лидер областнического движения предлагал значительно, до ежегодных 2 500 человек, сократить ссылку в Сибирь. Такое сокращение дало бы сибирской администрации возможность более правильной организации всего дела. По Ядринцеву, новые ссыльные должны быть сосредоточены в «одной крупной колонии», хорошо организованной и действующей на исправительных началах». При этом, считал ученый, ничто «не препятствует ей быть даже где-нибудь в Европейской России»¹²².

Главным условием исправления преступника Н. М. Ядринцев считал труд, предлагая устроить в колонии «земледельческие фермы и ремесленные артели». Артельный труд, добрые нравственные влияния и умственное развитие должны быть

---

¹²⁰ Ядринцев Н. М. Русская община ... 522.

¹²¹ Ядринцев Н. М. Статистические материалы к истории ссылки в Сибирь // Записки Русского географического общества по отделению статистики. 1898. Т. 6. С. 315.

¹²² Ядринцев Н. М. Русская община ... С. 541.

положены в основу такой системы». Устроенный на общественных принципах тюремный и колониальный мир, – несколько наивно считал исследователь, – с системой круговой поруки и взаимовыручки, коммунистическими формами распределения, и равенством запросов и есть тот социум, где преступник способен перевоспитаться. «Мы обязаны, – утверждал автор, – воспользоваться лучшими сторонами общины... и приспособить ее к разумным целям пенитенциарной системы»¹²³.

Идеализируя роль общинных традиций в деле исправления преступника, Н. М. Ядринцев, тем не менее, вполне обоснованно выдвигает одно из главных условий эффективности этой системы. По его мысли, изоляция преступника должна быть срочной, а в случае видимых положительных результатов, обязательно сопровождаться условным досрочным освобождением. «Пребывание в исправительной ассоциации, – пишет ученый, – должно быть срочным и ограниченным условными отпусками не только на свободу, но и на родину ...»¹²⁴. Добавим, что правильность этих взглядов была подтверждена принятием 22 августа 1909 г. (т. е. через 37 лет после публикации книги Ядринцева) высочайшего указа «О досрочном условном освобождении»¹²⁵.

Исследуя с научных позиций историю политической ссылки, лидеры областнического движения относились к самим «невольным гостям Сибири» не столь однозначно. Некоторые из них, и в первую очередь сам Г. Н. Потанин, в политической ссылке видели одну из главных причин размежевания сибирского общества на отдельные партии. Патриарх «сепаратистов» считал, что вместо консолидации, объединения для борьбы с «грабящей» Сибирь метрополией, местные общественные силы, под влиянием «пришельцев», стали дробиться по партийным организациям, что ослабляло и дезорганизовывало движение. «В Сибири, – указывал Потанин, – процесс образования партий происходит только в пришлой среде, образующей верхний слой сибирского общества. Это отголоски брожения, происходившего в метрополии»¹²⁶.

---

¹²³ Ядринцев Н. М. Русская община ... С. 711.

¹²⁴ Там же. С. 608.

¹²⁵ Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 1–2. СПб., 1911. № 34. Ст. 1909.

¹²⁶ Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь. Ее состояние и ее нужды : сб. ст. / под ред. И. С. Мельника. СПб., 1908. С. 288.

Часть лидеров областнического движения пыталась преуменьшить роль и значение политической ссылки в культурном развитии сибирского региона. Руководствуясь положением, согласно которому истинным «патриотом» края может быть только сибиряк, а, значит, только он имеет право воздействовать на общественные настроения, некоторые из них намеренно пренебрежительно относились как к политическим взглядам ссыльных, так и к их вкладу в дело изучения Сибири, исследования быта и образа жизни инородческого населения, становления местной журналистики. Так, например, В. М. Крутовский, делая обзор сибирской прессы, отмечал, что местные томские областники относились «с большим скептицизмом» к «российским цивилизаторам». Политические воззрения ссыльных автор пренебрежительно именовал «налетом социалистических тенденций» и был невысокого мнения об их убеждениях: «Большинство “политических”, интересовавшихся Сибирью и серьезно изучавших ее, – утверждал автор, – не теряя своих идеалов, незаметно поддавали под влияние областничества»¹²⁷.

Научный интерес исследователей-областников к истории политической каторги и ссылки в Сибирь объяснялся не только стремлением к изучению прошлого края. Он был продиктован сугубо практическими стратегическими и тактическими задачами. По существу, сибирские патриоты и «пришлая интеллигенция» боролись за возможность единоличного влияния на общественные силы региона. Эта борьба особенно обострилась перед Первой мировой войной и нашла свое отражение в местной печати. При этом, если в конце XIX – начале XX в. областники лишь мягко, а порой непоследовательно критиковали отдельные стороны ссылки, то в 1912–1916 гг. их лидеры заняли по отношению к «новой ссылке» поистине «непримиримую» позицию. «Сибирские автономисты» быстро утратили декларируемый «внеклассовый и внепартийный» характер – пролетарская послереволюционная ссылка, с ее враждебным отношением к буржуазии, «устроить» ее уже не могла.

Сторонники областнического движения обвиняли новую ссылку в «измене делу», отходе от идеалов, «разложении», «прозябании». Их возмущало засилье ссыльных в профессиональном и кооперативном движениях, редакциях местных журналов и

---

¹²⁷ Крутовский В. М. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 291.

газет, переселенческих пунктах и организациях. В политических ссыльных они по-прежнему видели главный источник партийного и классового размежевания когда-то «единого сибирского населения».

В свою очередь, ссыльные социал-демократы также «разоблачали» вред областнических идей, пытались обосновать кризис и «вырождение» движения «сибирских автономистов». «Областничество, – писал, например, В. А. Ватин-Быстрянский, – затемняет сознание, питая в массах иллюзии относительно возможности осуществления их нужд каким-то окольным путем, минуя столбовую дорожку исторического развития». По мысли ученого-марксиста, только социал-демократы, не отвергая тезиса о широком местном самоуправлении, способны были «более широко ставить вопросы, естественное развитие которых и является удовлетворением местных сибирских нужд»¹²⁸.

Н. Ф. Чужак-Насимович, стремясь сказать «свое» слово в споре о взаимоотношениях «пришлой и коренной интеллигенции», считал, что областническое движение «давно утратило первоначальные демократические принципы, превратилось в самодовольное сибирское “шапками закидаем” и в “застольное бахвальство”. Областники и “новая ссылка” – два разных мира, поэтому “старика” и отказывают пришлой интеллигенции в “моральной приписке” к сибирскому обществу»¹²⁹.

Дискуссия в сибирской прессе отчетливо выявила слабые стороны аргументации обоих политических лагерей. Это прежде всего стремление к очернительству, отрицанию положительного вклада противника в оппозиционное движение за демократизацию страны. И, во-вторых, всяческое «выпячивание», преувеличение собственной роли, степени воздействия на «сибирское население» и так называемую «молодую Сибирь».

Из общей полемики областников-либералов и ссыльных социал-демократов выгодно, на наш взгляд, выделяется лишь работа красноярского эсера Е. Е. Колосова, попытавшегося объективно показать и объяснить причину враждебности отношений двух политических лагерей. Выводы Колосова остались без

---

¹²⁸ Ватин В. А. Юбилей Г. Н. Потанина и Молодая Сибирь // Сиб. архив. 1915. № 7–9. С. 415.

¹²⁹ Чужак. Н. О сибирской и иносибирской интеллигенции // Сиб. архив. 1913. № 5. С. 272.

должного внимания в советской историографии, поэтому остановимся на них подробнее.

Пришлая интеллигенция, считал Колосов, обладает «величайшими талантами». Декабристы, повстанцы из Польши, люди 60-х и 70-х гг., политические ссыльные «наших дней», были действительно истинным приобретением для Сибири. Они создали первые начатки сибирской культуры, заложили фундамент местной печати, приступили к организации общественных сил. Но по существу-то они являются чисто случайным элементом местной жизни, органически с нею не связанным и готовым немедленно сняться с места, как только изменятся общие условия политической жизни¹³⁰.

Именно «случайность» этого пласта сибирской культуры и была понята Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым, которые, по мысли Колосова, глубоко «страдали» от неспособности и нежелания «местных» «достойно заменить основополагающую роль пришельцев». Сибирь настолько бедна «своими силами», писал Колосов, что после того, как политическая ссылка «снимется с места», край останется «без обсерватории, и даже без спаржи и огурцов»¹³¹.

Вот почему, считает автор, у Ядринцева и Потанина двойственное или «беспринципное», как пишет Н. Чужак, отношение к пришедшей интеллигенции: деятельность «приезжих» рядом с инертной «туземщиной» является случайной, а отсюда случайны и все достижения сибирской культуры. Выход из этой ситуации может быть только один. Не критика и нападки на политическую ссылку, а кропотливая работа по воспитанию «собственных сил». «Мы сами, – утверждает Колосов, – должны научиться разводить огурцы и спаржу, и управлять обсерваториями, дабы не ожидать, когда явятся новые декабристы и научат нас начаткам культуры»¹³².

Таким образом, критика областниками политической ссылки – своеобразное проявление патриотизма, попытка пробудить местные силы. Именно это «благое» и естественное, по мысли Колосова, стремление и не поняли Ватины и Чужаки, приняв его

---

¹³⁰ Колосов Е. Сибирские областники о пришедшей и краевой интеллигенции // Сиб. записки. 1916. № 3. С. 209.

¹³¹ Там же. С. 217.

¹³² Там же. С. 219.

за обыкновенную «нелюбовь» и «нападки». В этом, по Колосову, и причина конфликта.

Позиция Колосова конечно же уязвима, автор опять же «забыл» о классовых различиях местной либеральной буржуазии и пришлой пролетарской ссылки. К тому же, оценка вклада политических и государственных преступников в культуру Сибири просто не верна: и до декабристов здесь была своя, отличная от Европейской России, культура. Однако стремление Колосова понять и ту и другую сторону, позволяет ему более объективно взглянуть на проблему, предложить обоснованный вариант ее решения. «Если встать на истинно-демократическую точку зрения, – пишет он, – то в чем должны выразиться наши пожелания относительно интеллигенции? Только в том, чтобы она получила возможность немедленно освободиться от подневольного пребывания в нашей окраине»¹³³.

Е. Н. Анучин. Видное место в историографии политической каторги и ссылки второй половины XIX в. принадлежит исследованию Е. Н. Анучина. Автор – сибирский чиновник, статистик, профессионально изучавший тюремное (а также крестьянское) население Российской империи, – делает свои выводы на основе архива Тобольского приказа о ссыльных, первым из исследователей обработав его материалы за 20-летний период – с 1827 по 1846 гг. Проанализировав сведения о 443-х государственных преступниках, сосланных в Сибирь в этот период, автор обратил внимание на неравномерный характер их следования через Тобольский приказ. Так, за первые два года в Сибирь поступило 57 преступников, еще 212 – за четыре года после 1833 г., или 47,9 % всех сосланных, а в остальные годы анализируемого двадцатилетия ссылалось по 1–5 человек¹³⁴.

Чем же вызвана такая неравномерность, и вообще, есть ли здесь какая-либо закономерность? Оказывается, есть: «крупные цифры для государственных преступлений, – пишет статистик, – соответствуют годам, следующим за известными событиями...»¹³⁵. Таким образом, исследователь еще в 1865–1866 гг. обосновал одну из важнейших закономерностей: сибирская ссылка – верный барометр революционных событий в России, и по

---

¹³³ Колосов Е. Указ соч. С. 219.

¹³⁴ Материалы для уголовной статистики России. Исследования о проценте ссыльных в Сибирь Е. Анучина. Ч. 1. Тобольск : Изд. Тобол. губерн. стат. комитета, 1866. С. 17.

¹³⁵ Материалы для уголовной статистики ... С. 3, 31.

её показателям («отливам» и «приливам») можно достоверно изучать динамику государственной преступности в стране в целом.

Обосновав зависимость масштабов политической ссылки от революционных событий в России, Е. Н. Анучин пошел в своих исследованиях дальше и определил пол и возраст ссыльных. Оказалось, что абсолютное большинство ссыльных были мужчинами, при этом в возрасте от 30 до 50 лет – 104 человека или 48,8 %, от 21 года до 30 лет – 72 человека (33,8 %), и только 17 «преступников» не перешагнули 20-летний рубеж. Как видим, основная масса ссыльных имела уже немалый жизненный опыт, что может свидетельствовать о сознательном участии в революционном движении¹³⁶.

Анализируя социальное происхождение уголовных ссыльных, и сравнивая эти показатели с данными на «политиков», Анучин установил, что представители высшего сословия преобладали только среди политических ссыльных. Отсюда статистик делает несколько неожиданный вывод: вероятность сделаться государственным преступником и попасть за это в Сибирь в качестве ссыльного у дворянина – самая высокая и составляет по сравнению с солдатским сословием 1 к 19; мещанским – 1 к 30 и крестьянским – 1 к 122¹³⁷.

По мысли Е. Н. Анучина, государственная преступность одной из главных своих характеристик имеет и «территориальные особенности и отличия». В своем сочинении автор даже выделяет наиболее «неспокойные» губернии. Это Виленская, затем Гродненская, Киевская, и только после этого Санкт-Петербург, затем Белостокская и Московская. При этом на 100 ссыльных наибольший процент государственных преступников дает Литва, затем Юго-Западные губернии, далее Белоруссия, Остзейский и Нижневолжский районы¹³⁸.

Как видим, Е. Н. Анучин одним из первых исследователей, вводя в научный оборот значительный массив архивных источников, начинает планомерное статистическое изучение сибирской политической ссылки, выделяя для ее характеристики количественные, половозрастные и географические показатели.

---

¹³⁶ Материалы для уголовной статистики ... С. 41, 45, 67.

¹³⁷ Там же С. 109.

¹³⁸ Там же. С. 149, 171.

Н. Николаевский. Заметным явлением в научно-публицистической историографии политической каторги и ссылки в Сибирь конца XIX в. стало издание в 1898 г. книги Н. Николаевского¹³⁹.

Это одно из немногих исследований, специально посвященных изучению не ссылки вообще, а именно ее политической части. Вместе с тем достаточно трудно однозначно определить жанровый характер этой работы. Скорее всего, книга Н. Николаевского представляет своеобразный симбиоз острых суждений, сделанных в полемике с невидимым оппонентом и взвешенного, взвешивающего анализа состояния политической тюрьмы и ссылки.

При этом нам трудно обвинить автора в поверхностности или некомпетентности. Наоборот, познания Н. Николаевского внушают уважение. Черпая информацию из закрытых для общественности и журналистов источников Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и Главного тюремного управления, автор приводит не только общеизвестные факты о процессе 193-х, деятельности в ссылке Дебагория-Мокриевича или поездке в Сибирь Галкина-Врасского, но и обращается к никогда не публиковавшимся материалам. Правда, Николаевский очень редко полностью называет имена революционеров, делая это, по всей видимости, из конспиративных соображений. Солидный фактический багаж удачно сочетается у автора со стремлением к широким обобщениям, а собственная гражданская позиция приводит к хорошо обоснованным и объективным выводам.

Следует отметить резко негативное отношение советской историографии к исследованию Н. Николаевского¹⁴⁰. Однако по существу его работа не изучалась, а ее положения и выводы сразу же отвергались – идеологические рамки не позволяли историкам действительно объективно оценить эту работу.

Поводом к написанию исследования о политической тюрьме и ссылке для Н. Николаевского послужили публикации Дж. Кеннана. Выводы американского журналиста автор называет «клеветой на Россию», а стремление помочь политическим ссыльным для него всего лишь «грубая реклама себе». «Возвра-

---

¹³⁹ Николаевский Н. Тюрьма и ссылка. Очерки политической и религиозной ссылки. М.: Университ. тип., 1898. 201 с.

¹⁴⁰ См., например: Андреев В. М. Просветительская деятельность ссыльных народников в Сибири (70–90-е гг. XIX в.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 27.

тившись в Америку, – пишет Николаевский, – Кеннан в арестантском халате, с полуобритой головой, побрякивая цепями, прочитал ряд публичных лекций, громя в них “бессердечную жестокость” русского правительства и прославляя на целый мир страдания “интеллигентных мучеников”. Вместе с тем Н. Николаевский признает и популярность работы Кеннана как в России, так и Северной Америке. По его мысли, работа этого журналиста лишь обнаружила давно скрывавшийся в обществе интерес к теме и послужила материалом «для разнообразных фантастических романов из жизни политических ссыльных в Сибирь»¹⁴¹.

Развивая это положение дальше, Николаевский дает и своеобразную оценку состояния отечественной историографии. Он убежден, что в основном авторы этой темы не исследуют, а, скорее, поддерживают «клеветы и тенденциозность», посеянные Кеннаном. При этом либералы, «перенесшие» тяготы ссылки, могут рассказать о ней «правдиво» и опровергнуть «домыслы» Кеннана, однако таких публикаций нет. Нет, потому что, как считает автор, их политические и партийные убеждения не дают им правдиво и честно отображать состояние ссылки.

«Разверните обложку любого либерального журнала, – пишет Николаевский, – и вы встретите на ней несколько фамилий людей, близко, по опыту, знакомых с Сибирью. Но эти люди принадлежат к либеральному лагерю; по их понятиям правдивый рассказ о тюрьме и ссылке был бы “изменой” своему знамени, ренегатством, предательством»¹⁴².

Негативное отношение Н. Николаевского к «рассказам» Дж. Кеннана не мешает ему сделать один из важнейших выводов, характеризующих состояние историографии политической ссылки в Сибирь в целом. Он считает, что эта тема в исследованиях ученых, журналистов и общественных деятелей необычайно сильно подвержена политизации. Партийные и политические амбиции не дают возможности объективно изучить как внутреннюю политику правительства и государства, так и состояние ее важнейших институтов – тюрьмы, каторги и ссылки.

Автор пытается выйти из этих узких партийных рамок и объявляет себя «чуждым какого бы то ни было пристрастия в отношении политических ссыльных». Отсюда и цель его «очер-

---

¹⁴¹ Николаевский Н. Указ. соч. С. 2.

¹⁴² Там же. С. 3.

ков» – «восстановить истинный смысл фактов, столь искажаемых партийной тенденциозностью». Посмотрим, насколько успешно решает Н. Николаевский эту задачу.

Исследование «Тюрьма и ссылка...» состоит из трех частей. Автор подробно и последовательно анализирует все этапы наказания политических преступников: предварительное тюремное заключение и следствие, этапирование к месту ссылки и, наконец, само административное или судебное поселение (во дворянство).

За многочисленными примерами из тюремной и ссылке жизни революционеров порой нелегко увидеть и еще одну, главную цель работы Николаевского. Речь в этой книге идет не столько о «восстановлении правды» в отношении «русского правительства», сколько о изучении и демонстрации обществу несовершенства как законодательной базы, так и деятельности самого института изоляции и наказания политического преступника. Именно в этом и заключается историографическая ценность данных очерков.

Исследуя тюремную жизнь арестантов, Н. Николаевский выделяет несколько проблем, связанных с ее правильной организацией. Прежде всего это ничем неоправданный либерализм содержания политических преступников. По мысли автора, политические арестанты составляли «аристократию» тюрем. Им разрешалось носить свою одежду, для них отводились лучшие камеры, революционеры могли выбирать и форму пищевого довольствия. «Все это (речь идет о содержании в 1870–1880-х гг. – А. И.) было более похожим на номер провинциальной гостиницы средней руки, чем на тюрьму¹⁴³.

В 1890-е гг. режим заключения для революционеров несколько изменился, стал строже. Тем не менее разительная «разница между политическими аристократами и плебсом общих арестантов» осталась. С окончанием дознания, например, «политикам» разрешалось иметь в камерах письменные принадлежности, что делало возможным «вполне серьезные занятия». При этом автор недоумевает, как осужденный революционер, а точнее преступник, мог позволить себе «не встать при входе губернатора, написать дерзкое прошение»¹⁴⁴.

---

¹⁴³ Николаевский Н. Указ. соч. С. 9.

¹⁴⁴ Там же. С. 35.

Мы далеки от идеализации пенитенциарной системы Российской империи, однако считаем, что Н. Николаевский, с возмущением приводящий многочисленные факты чересчур либерального содержания политических арестантов, вполне объективен: известная гуманность не получала, да и не могла вызвать ответной адекватной реакции, а, следовательно, свидетельствовало, скорее, о недостатках системы, чем о ее преимуществах. Необходимо подчеркнуть также и то, что факты, приводимые автором, имеют подтверждение и со стороны самих революционеров, публиковавших свои воспоминания как до 1917 г., так и в советский период¹⁴⁵.

Объектом для критики Н. Николаевского служит и практика общего или совместного содержания политических арестантов. «Никто не думает изолировать, – пишет автор, – ни ссыльных по суду, ни ссыльных административных». При этом камеры политических заключенных приобретают характер настоящего университета, где «устраиваются лекции, окончательно сбивающие слушателя с пути»¹⁴⁶.

Столь нелепая, непродуманная практика делает систему изоляции политического преступника просто абсурдной. «Товарищи по несчастью» быстро «заводят» знакомства, «обрастают связями», делятся информацией, создают организации, на борьбу с которыми правительство впоследствии тратит много сил. «Эти учреждения, считает автор, можно назвать как угодно – съездами революционеров, академиями бунтарей, коммунами, но только не тюрьмами»¹⁴⁷.

И опять же Н. Николаевский объективен. Для многих революционеров тюремное заключение действительно превращалось в политический университет, где партийные профессионалы преподавали им не только основы классовой борьбы, но учили тайнописи и шифровальному искусству, действиям в нелегальных условиях, поведению на допросах и т. д.¹⁴⁸.

---

¹⁴⁵ См., напр.: Гольцух. Арестантские работы в Иркутской губернии в 1911 г. // Тюремн. вестн. 1912. № 3. С. 429–565; Никифоров П. В годы реакции в Иркутской тюрьме // Каторга и ссылка. 1932. № 8–9 (93–94). С. 217–265; Радин Б. Три месяца ссылки и побег // Образование. 1907. № 9. С. 14–36 и др.

¹⁴⁶ Николаевский Н. Указ. соч. С. 10.

¹⁴⁷ Там же. С. 10.

¹⁴⁸ См. об этом, напр.: Виташевский Н. А. На Каре // Голос минувшего. 1914. № 8. С. 110–148; Кудрявцев Ф. А. Александровский централ: из истории сибирской каторги. Иркутск, 1936 и др.

Следствием серьезных недостатков в системе содержания политических заключенных является для Николаевского и постоянная, «едва прикрытая» связь преступника с внешним миром. По мысли автора, эти контакты должны быть сведены до минимума и представлять лишь разрешенные законом краткосрочные свидания с ближайшими родственниками. На практике же политическому арестанту «дозволяется» встречаться с каждым доказавшим необходимость такой встречи. В качестве примера автор пишет о так называемых «невестах», свидания с которыми служат ни чем иным как надежным каналом связи преступника и всей тюрьмы с товарищами по партии.

Этой же цели узники достигают, имея возможность заказывать из городских библиотек книги «для занятий». Между строк «невинной беллетристики помещались подробнейшие послания, содержавшие не только анализ политической ситуации в стране, но и инструкции революционеру о поведении на предстоящем суде, об осведомленности полиции с его «делом», о количестве улик и собранных показаний.

Несовершенство политической тюрьмы, каторги и ссылки Н. Николаевский демонстрирует и на примере этапирования революционеров в Сибирь. Автор поражен опять же либерализмом содержания арестантов и выступает против практики, по существу разрешавшей бесконтрольные связи ссыльных с внешним миром: приход партии политических в очередной город, село или деревню, всегда превращался в своего рода демонстрацию. При этом следующим в ссылку давались явки, адреса общественных квартир, устанавливались каналы связей с Европейской Россией. Достигая места поселения, революционер, таким образом, уже прекрасно ориентировался в обстановке, что, во-первых, делало непрерывными его связи с товарищами по партии, во-вторых, способствовало уже обдуманному скорому и хорошо организованному побегу.

По мнению Николаевского, нельзя считать рациональным этапирование политссыльных и с «финансовой точки зрения». «Прогонные» в пути для ссыльных и жандармов, передвижение по почтовым трактам, следование в вагонах третьего класса, в каютах пароходов Добровольного флота, суточные, исходя из сибирских условий – все это тяжелейшим бременем ложилось на государственную казну. Особо возмущает автора необходимость оплачивать отбывшим срок ссылки дорогу назад, в Европейскую

Россию. Н. Николаевский «решительно отказывается понять это». Практика выдачи ссыльным денег для возвращения из Сибири «до места будущего жительства», по его мысли, ничем не оправдана. В этом случае она делает ссылку «особым родом служения государству, требующим известного вознаграждения»¹⁴⁹.

Нельзя и здесь не согласиться с выводами Николаевского. Доставка ссыльного в Сибирь обходилась действительно крайне дорого, что тяжким бременем ложилось на бюджет МВД. Так, по данным В. Ф. Юферова, в 1869 г. этапирование каждого из 14 469 ссыльных в Сибирь (уголовных и политических) обошлось государству в 142 рубля или составило 2 054 598 руб. в целом¹⁵⁰. С годами расходы только увеличивались. По подсчетам Г. Фельдштейна, в конце XIX в. пересылка одного ссыльного до места поселения стоила правительству 125 руб. Но если сюда приплюсовать затраты на содержание этапов и стражи, а также учесть повинности сибирского крестьянина (подводную и по препровождению ссыльных внутри волости), то получалось уже 300 руб.¹⁵¹ Если принять во внимание, что весь бюджет ГТУ страны составлял в 1898 г. 13,5 млн руб.¹⁵², а в Сибирь отправлялось как минимум 10 тыс. человек ежегодно, то получается, что затраты только на этапирование забирали не менее 22 % бюджета всего управления.

Н. Николаевский особое место в своем исследовании отводит изучению организации «ссыльного дела» на местах. Что же видит в Сибири осужденный или административно высланный революционер, последовательно прошедший «университеты» тюремной и этапной жизни? Отличительная черта системы самой политической ссылки, по мысли автора, все тот же «либерализм», очень часто граничащий с халатностью и должностным попустительством. Именно в этом, считает Николаевский, причина большинства «бед» ссылки. Ему также кажется по крайней мере «странным» и систематическое «выбрасывание» в Сибирь «массы политически неблагонадежных людей». Автор при этом не

---

¹⁴⁹ Николаевский Н. Указ. соч. С. 56.

¹⁵⁰ Юферов В. Н. Материалы для тюремной статистики России. СПб., 1873. С. 13.

¹⁵¹ Фельдштейн Григорий. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния. М., 1893. С. 180.

¹⁵² Тюремное дело в России: Лекция, прочитанная 18 февраля 1898 г. лицеистом XXXIII курса А. П. Саломоном воспитанникам императорского Александровского лицея перед посещением ими Санкт-Петербургских мест заключения. СПб., 1898. С. 37.

предлагает отменить ссылку вообще, однако, по его мысли, в сложившемся виде эта структура требует решительных перемен¹⁵³.

Излишне либеральное и гуманное отношение к политическому ссыльному, считает Николаевский, государство демонстрирует постоянно. Прежде всего это ведет к отсутствию должного контроля за поведением и деятельностью преступника в Сибири. И как следствие этого – частые побеги с места поселения. При этом факт побега зачастую открывается лишь спустя «несколько дней», когда бежавший успевает «добраться до Москвы» и дать телеграмму своим товарищам о благополучном исходе всего дела».

Факт побега из ссылки – это свидетельство поражения правительства в борьбе со своими политическими противниками. Однако гораздо важнее, по мысли автора, последствия этого побега. «Бежавший ссыльный, – подчеркивает он, – редко покидал пределы государства, в подавляющем большинстве случаев он становился в ряды “боевых дружин” и оставлял за собой новый кровавый след»¹⁵⁴.

Несомненной заслугой Н. Николаевского является и попытка «проникнуть» в психологию бегущего из ссылки преступника. Так, всех бегущих автор делит на две группы – решившихся на побег «сознательно» и беглецов «в силу необходимости». Последних также немало. Это те, кто не имеет «собственных средств к существованию». Такому нелегальному, живущему по фальшивым документам «некуда деться», он находится «в полной, безусловной зависимости от партии» и будет делать все, «что она захочет»¹⁵⁵.

И эти выводы Н. Николаевского выглядят, на наш взгляд, вполне обоснованно. Нетрудно заметить также, что автор в данном случае пытается подразделить всех беглецов на профессионалов, выполнявших решение партии и бежавших за счет ее специальных фондов и «массовиков», решавшихся на побег самостоятельно, без необходимых документов, явок и денежных средств.

Говоря о ничем неоправданном либерализме органов надзора за ссыльными в Сибири, Н. Николаевский обращает внимание своих оппонентов и на постоянную практику слишком мягкого наказания за побег. Между тем закон предусматри-

---

¹⁵³ Николаевский Н. Указ. соч. С. 101–102.

¹⁵⁴ Там же. С. 110.

¹⁵⁵ Там же. С. 111.

вал довольно суровые кары бежавшему. В зависимости от категории ссыльного, местности, где он был схвачен, обстоятельств побега, революционера ждало значительное увеличение срока ссылки. Вместо этого власти подвергали беглеца более легким мерам воздействия, например, месячному аресту. «И таких случаев, – пишет автор, – не пересчитаешь»¹⁵⁶.

Исследуя недостатки организации системы политической ссылки в Сибири, автор постоянно подчеркивает ее непродуманный характер. Чего, например, стоит повсеместная практика предоставления ссыльным права свободного передвижения в границах уезда, а с разрешения губернатора – и губерний? Закон требовал выдавать подобные разрешения лишь в неординарных, исключительных случаях. Однако повсеместно это требование не соблюдалось, что вело к сосредоточению «ссыльного элемента» в городах, промышленных районах, т. е. там, где пропаганда социализма могла найти и находила самый живой отклик и понимание¹⁵⁷.

Высланному революционеру нужно было подыскать лишь формальный повод и как-то обосновать свою просьбу о временном переводе или смене места жительства. Разрешение от местных властей давалось практически каждому. Например, перед самым грозным 1917 г., когда, казалось бы, государственная охранительная машина империи должна была действовать совершенно бескомпромиссно и принципиально жестко, распоряжением генерал-губернатора и губернатора в Иркутске под разными предлогами, связанными, в основном, с «лечением», сопровождением «больного» и «семейными обстоятельствами», временно проживало одновременно более сотни ссыльных социал-демократов и эсеров из различных мест Восточной Сибири. В их числе достаточно широко известные Охранному отделению и не раз замеченные в агитации среди местных рабочих и служащих: И. Х. Лалаянц (Бирюльская волость) – с января по июль 1915 г., Е. А. Бабушкин (Киренский уезд) – с апреля по июнь 1915 г., П. П. Постышев (Яндинская волость) – с февраля 1915 г. по февраль 1916 г., Я. Д. Янсон (Бирюльская волость) – с октября 1915 г. по февраль 1916-го и мн. др. Удельный вес «вре-

---

¹⁵⁶ Николаевский Н. Указ. соч. С. 112.

¹⁵⁷ Там же. С. 113.

менно проживающих» в Иркутске политических ссыльных нередко составлял половину всей «официальной» колонии¹⁵⁸.

Исследуя организацию «ссыльного дела», Н. Николаевский подвергает осуждению и повсеместную практику разрешения ссыльным заниматься литературой и просвещением. Если занятия медицинской практикой, службу на строительстве и ремонте дорог, геологические исследования края ссыльным можно, как он считает, разрешить, то совершенно иное отношение властей должно быть к участию преступников в журналистике и педагогической деятельности в Сибири. Именно здесь ссылка может оказать и оказывает наиболее сильное пропагандистское и воспитательное воздействие. Однако вместо жесткого запрета политические легко устраивались школьными учителями, писателями, без их участия не обходилось ни одно периодическое издание¹⁵⁹. Автор прямо не осуждает подобную практику, считая ее во многом объективной, продиктованной хроническим недостатком в Сибири «своих» творческих сил, но и не разделяет гуманности властей.

Одно из центральных мест в книге отведено изучению современного состояния политической ссылки в Сибири. Н. Николаевский просто не мог обойти вниманием этот вопрос, однако в отличие от либералов, старавшихся «сгустить краски» и социал-демократов, пытавшихся доказать видную роль пролетарской ссылки в местной общественной и революционной жизни, автор сугубо объективен, максимально беспристрастен. Он первым пытается дать анализ ссылки на рубеже двух веков, в период, когда она еще не разделилась на «старую» и «новую» и состояла в основном из народнических элементов с небольшими, еще еле заметными «вкраплениями» эсеров и эсдеков. Это обстоятельство придает его исследованию большую ценность.

По наблюдениям Н. Николаевского, главная черта исследуемого современного периода ссылки – ее относительно стабильное экономическое благополучие. По существу, ничто и никто не мешает ссыльному в Сибири трудиться для своего блага. Он имеет возможность наниматься на золотые прииски, заниматься сезонными промыслами, наконец, работать на богатого хозяина. Знания организации труда, почерпнутые из прошлой

---

¹⁵⁸ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 913. Л. 95, 108, 608, 623.

¹⁵⁹ Николаевский Н. Указ. соч. С. 136–137.

жизни в Европейской России, оказывают политикам «хорошую службу» – они быстро приобретают опыт управления, становятся заметными фигурами в любом деле¹⁶⁰.

Такое состояние сохраняется до тех пор, пока политический ссыльный работает «на хозяина» или служит по какому-либо ведомству. Ситуация меняется, если революционер решается завести «свое дело». Здесь его поджидает неминуемый крах и полная несостоятельность. Все ремесленные и снабженческо-сбытовые артели и коммуны ссыльных непременно разорятся. Тем самым, считает автор, сама жизнь корректирует теоретические «измышления» политиков.

Те же процессы характеризуют и «внутреннюю жизнь» ссыльных колоний. Коммунистического общежития как формы существования ссылки практически уже не осталось. Общины созданы только в «наиболее отдаленных местностях», да и там «раздираются внутренними распрями». Лишь протесты против действий администрации заставляют ссыльных иногда объединяться, однако это происходит все реже. Если раньше подача прошения на Высочайшее имя случалась крайне редко и являлась «несовместимой со званием революционера», то сегодня это обычная практика¹⁶¹.

Одним из главных признаков идейного разложения ссылки для автора является безрезультатность ее влияния на сибирского крестьянина. Именно «масса», по его мысли, и дала должную оценку «теориям» революционеров. Несмотря на постоянное «выбрасывание» в сибирское общество «политически неблагонадежных людей», здравый смысл сибирского крестьянина, его сравнительная зажиточность «отнимают всякую почву для революционной пропаганды». При этом иногда ссыльным удается сбить с пути какого-нибудь учителя или помощника волостного писаря, но крестьянин никогда не идет на «революционные приманки». Именно сибирская действительность преобразует ссылку, заставляет самих государственных преступников пересмотреть свои убеждения. В этом и видит автор исправительное влияние Сибири¹⁶².

---

¹⁶⁰ Николаевский Н. Указ. соч. С. 138–140.

¹⁶¹ Там же. С. 156.

¹⁶² Там же. С. 102.

Ссылка, ставя революционеров в «непосредственное соприкосновение с жизнью», рассеивает все их иллюзии. Идеалы сузились, анархия и коммуна заменились «простой конституцией». «Вчерашние социалисты-революционеры превратились в типичных либералов». Таким образом, по мысли Николаевского, здоровое сибирское общество постепенно ассимилирует политическую ссылку, заставляя вчерашних революционеров отказаться от прежних своих радикальных верований. Именно в этом и надо усматривать ключевую особенность современной ссылки¹⁶³.

Разделяя в целом выводы автора, надо заметить, что политическая ссылка в Сибири на рубеже веков была скорее в массе своей либеральной, чем революционной. Лишь с 1905 г. она принимает резко оппозиционный, радикальный характер. Соответственно, усиливается и ее влияние на местную общественно-политическую жизнь, что неоднократно отмечалось и в советской историографии¹⁶⁴.

Вполне естественно, исследование Н. Николаевского не свободно и от недостатков. Так, автору далеко не всегда удается сохранить заявленную «объективность» и «внепартийность». Это особенно наглядно проявляется в его рассуждениях о «пособиях», позволявших ссыльным к концу срока «сколотить солидный капиталец», об отсутствии «ошибок» в действиях судебных органов; нередко автор умаляет заслуги ссылки в области журналистики, «не замечает» их вклад в общественную жизнь края¹⁶⁵. Однако в целом его исследование представляет крупный и объективный вклад в изучение этой проблемы, заслуживает пристального внимания и анализа.

Дж. Кеннан и Ю. Прайс. Самые основательные научно-публицистические исследования сибирской политической ссылки конца XIX в. принадлежат, увы, не отечественным авторам, а иностранцам – американскому журналисту Джорджу Кеннану и английскому путешественнику Юлиусу Прайсу.

Почему иностранцам? Да потому, что для отечественных авторов эта тема вплоть до 1905 г. была просто закрыта. Устав

---

¹⁶³ Николаевский Н. Указ. соч. С. 157.

¹⁶⁴ См., напр.: Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка, 1905–1917 гг.: Облик, организация, революционные связи. Томск, 1978 ; Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984 и др.

¹⁶⁵ Николаевский Н. Указ. соч. С. 43, 116, 143, 161–162.

Цензурный, принятый в 1857 г., не оставлял на этот счет никакой надежды: согласно статье третьей, принципиальному контролю цензора подлежали «произведения словесности, наук и искусств», в которых имелось «что-либо, нарушающее неприкосновенность верховной самодержавной власти и уважение к императорскому дому», а также «что-либо противное коренным государственным постановлениям». Получалось, что только простое упоминание где-то в тексте политической ссылки, уже значительно умаляло «уважение к императорскому дому»¹⁶⁶.

К тому же у западного мира всегда имелся повышенный интерес к революционным событиям в России. Существовавшая с 30-х гг. XIX в. российская политическая эмиграция, «Колокол» А. И. Герцена, а позднее издательская деятельность «Народной воли», «Свободной России», «Пролетариата», наконец, «Искры», способствовали формированию в западном обществе стойкого внимания к русским «нигилистам», ведущим «неравную борьбу» с российским государством. Вполне уместно здесь будет привести и высказывание В. И. Ленина о российской революционной эмиграции: «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, – отмечал он, – революционная Россия обладала во второй половине XIX в. таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью, ... как ни одна страна в мире»¹⁶⁷.

Наибольшего внимания для нашего исследования представляют работы Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» (в двух частях) и «Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах»¹⁶⁸. Их документальной основой стали путевые очерки, написанные автором по поручению американского журнала Century Magazine во время путешествия через Сибирь в 1885–1886 гг. Интересно, что именно американский журнал был инициатором выбора темы очерков. Путешествуя через Сибирь, можно было без труда найти массу других достойных тем, связанных с богатой природой, трудностями освоения территории, особенностями жизни аборигенного населения. Однако журнал определил изначально Кеннану достаточно узкую и специфическую тему – описать сибирскую каторгу и ссылку, сделав упор на ее политической части.

---

¹⁶⁶ Устав Цензурный // Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1857. С. 229.

¹⁶⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 8.

¹⁶⁸ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка : в 2 ч. СПб., 1906. Ч. 1. 160 с.; Ч. 2. 169 с.; Он же. Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах. СПб., 1906. 56 с.

Причину столь необычного для популярного журнала интереса находим в безымянном введении к русскому изданию 1906 г. Оказывается, «русская ссылка постоянно возбуждала глубокий интерес в Западной Европе и Америке. Случайно дошедшие из Сибири вести создавали целые легенды о положении ссыльных, о русских нигилистах и вообще, обо всей русской карательной системе»¹⁶⁹.

Проведя в путешествии через Сибирь практически год, Дж. Кеннан в 1891 г. в Лондоне опубликовал свои очерки под названием *Siberia and the Exile System*. Как видим, название книги гораздо шире поставленной журналом задачи. Здесь же в Лондоне в этом же году было опубликовано и русское издание.

Качество первых русскоязычных переводов книг Кеннана оставляло желать лучшего. На это указывал, к примеру, журнал «Былое». Автор статьи, подписавшийся «А. Б.», в частности, обращал внимание на то, что книга в переводе «господина Кашинцева» занимала всего 286 страниц, тогда как в подлиннике их около тысячи. Купюры здесь сделаны целыми главами, а редакция изложения авторского текста «довольно непринужденная». Другое издание – г. Пирожкова – вообще представляет перевод с немецкого и поражает обилием неточностей¹⁷⁰.

В России знаменитая работа Дж. Кеннана впервые была опубликована отдельной книгой лишь в 1906 г., т. е. через 15 лет после английского издания. Это стало возможным только после демократизации страны, начатой революцией 1905 г. Вместе с тем некоторые извлечения из книги распространялись в империи в рукописном виде задолго до официального издания и были известны как в Европейской России, так и в некоторых колониях политических ссыльных Сибири.

Дж. Кеннан за девять месяцев путешествия преодолел на лошадях 13 тыс. верст. Необходимо отметить, что пускаясь в путь, американский корреспондент был отрицательно настроен к политическим ссыльным или, как он их называет, «русским нигилистам». Однако уже первые встречи с осужденными и высланными административно заставили его пересмотреть свое враждебное к ним отношение.

---

¹⁶⁹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка ... Ч. 1. С. 1.

¹⁷⁰ А. Б. Джордж Кеннан // Былое. 1906. № 9. С. 284–286.

Наибольшее, по всей видимости, впечатление произвел на американского путешественника разговор в Семипалатинске с ссыльным Павловским. Выросший в демократической стране, Дж. Кеннан с удивлением узнал, что оказываются программные требования «нигилистов» заключают в себе ни что иное, как хорошо знакомую республиканскую форму государства. «Я уверен, – говорит Павловский, – что всякий сложит оружие, как только в России будет введен конституционный образ правления, свобода слова и печати, прекратятся произвольные аресты и ссылки»¹⁷¹.

Уже после нескольких бесед автор приходит к «крамольному» заключению: «Подобные люди не только не грубые фанатики, но и не «безграмотные сапожники». Если такие люди живут в ссылке «...вместо того, чтобы на службе приносить пользу своему государству, то – позор для такого государства!»¹⁷².

Ту же трансформацию наблюдаем у Кеннана и к самому институту политической каторги и ссылки. В начале путешествия автор однозначно отрицательно высказывается лишь против административной высылки, а не ссылки как таковой, считая, что именно административные удаления в условиях «русского самовластия» и чиновничьего произвола наносят наибольший вред обществу, так как в Сибирь попадают и по легкомыслию, и по пустяковым фактам, и по лживым доносам, и, наконец, просто ошибочно. «Единственным средством положить конец подобным порядкам, – считает он, – должно быть изъятие из ведомства безответственной полиции расследования дел по политическим преступлениям и передача их судам, с представлением обвиняемым права защиты на суде»¹⁷³.

Значит, Дж. Кеннан в начале своего путешествия через Сибирь не выступает принципиальным противником политической каторги и ссылки вообще, протестуя лишь против административной высылки. Да это и понятно: воспитанный в демократической стране, он и представить себе не может, что государство способно столь сурово, на несколько лет наказать человека без судебного разбирательства и судебного решения.

---

¹⁷¹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка ... Ч. 1. С. 45.

¹⁷² Там же. С. 53.

¹⁷³ Там же. С. 65.

Отношение к политической ссылке в целом у автора заметно меняется только после Томска. Здесь Дж. Кеннан приходит к еще более революционному выводу: «...во всем цивилизованном мире нет ничего подобного тому бедствию и ужасу, которое является результатом ссылки в Сибирь. В известном отношении виновата, без сомнения, небрежность, бессердечность и взяточничество чиновников, но весь ужас есть следствие всей жестокой системы, которая должна быть всецело упразднена»¹⁷⁴.

Какую же альтернативу административной и судебной ссылкам предлагает автор? По его мнению, нуждам охраны государства и общества от уголовных и политических преступников могло соответствовать только «срочное или пожизненное заключение в тюрьмах Европейской России»¹⁷⁵. Такое заключение было созвучным предложениям ряда русских криминалистов и правоведов, предлагавших как на пороге века, так и в 1910–1913 гг. отменить ссылку вообще, заменив ее тюремным заключением по месту совершения преступления или жительства.

Немалый интерес представляет работа Дж. Кеннана в плане источниковедческом. Автор приводит богатейший и разнообразнейший документальный материал: различные статистические данные об уголовной и государственной преступности в масштабах не только Сибири, но и России, обильно цитирует официальные документы Главного тюремного управления, дает отрывки из всемилостивейших указов о помиловании и «облегчении» участи «несчастных», комментирует отдельные статьи Устава о ссыльных 1822 г. Особого внимания заслуживает подробный анализ автором Положения о чрезвычайной и усиленной охране от 14 августа 1881 г., открывшего для генерал-губернаторов неограниченные возможности административной расправы с инакомыслием и т. д. При этом Кеннан, поясняя отдельные статьи Положения, весьма профессионально сравнивает условия пребывания административных и ссыльных по суду, указывая на размер денежного пособия, сроки наказания, возможность заниматься общественной деятельностью или найти работу по специальности. «Сибирь и ссылка», таким образом, выступает в качестве своеобразного добротного справочника для читателя, стремящегося узнать как можно больше об этом наказании.

---

¹⁷⁴ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка ... Ч. 1. С. 154.

¹⁷⁵ Там же. С. 154.

Следует отметить весьма профессиональную проработку Дж. Кеннаном отдельных сюжетов нашей темы. Например, автор подробно анализирует систему этапирования политических ссыльных в Сибирь, выстраивая свой материал в проблемно-хронологическом ключе, показывая историю «Великого ссыльного пути» с XVII до конца XIX в. Первоначально колодники шли в Сибирь пешком, закованные в ручные и ножные кандалы, а партии формировались от случая к случаю и сопровождалась стрельцами Разбойного или Сибирского приказа. После 1822 г. весь тракт был разбит на этапы и полуэтапы, отстоявшие друг от друга на 20–30 верст, политиков везли на телегах, однако дорога от этого была не намного легче и по-прежнему отнимала массу сил и времени. В 1870–1880-е гг. путь от Москвы до Нерчинска занимал до года и более и действительно, был тяжелейшим испытанием для обессиленного предварительным тюремным заключением ссыльного.

В качестве яркой картины такого «следования», приведем здесь отрывок из листка «Народной воли», описывающего дорогу между Томском и Иркутском, пройденную ссыльными революционерами в 1882 г.: «От Томска начинается собственно этапное передвижение на лошадях. Арестанты размещаются по трое на каждую повозку при одном конвойном, одном жандарме и ямщике. «Возки» выравниваются в линию и поезд окружается внушительным числом солдат, вооруженных штыками, саблями, револьверами. Позади поезда – тарантас конвоирующего партию офицера. Когда все готово, вместо обычного в таких случаях: «Господи, благослови!», раздается команда: «Заряди ружья, держи их на взводе! Если кто вздумает бежать – стрелять!» И поезд двигается в путь, извиваясь по грязной дороге. Падает мокрый снег; жидкая грязь брызжет из-под копыт лошадей и в таком изобилии обдаёт путников, что они вскоре превращаются в какие-то фантастические существа. Сидящие по краям, ежеминутно рискуют упасть, что нередко и случается. Дорога до того убийственна, что лошади выбиваются из сил, едва передвигают ноги и останавливаются. Таким образом едут целый день и значительную часть ночи...»¹⁷⁶.

---

¹⁷⁶ Народная воля. 1882. № 8–9 // Литература социально-революционной партии «Народной воли». Б. м. : Тип. партии социалистов-революционеров, 1905. С. 547–548.

Несомненным достоинство книги являются яркие портреты политических ссыльных, умело созданные Дж. Кеннаном и запечатленные в рисунках его товарищем Фростом. Одно только перечисление десятков имен внушает уважение у любого читателя. Одним посвящены целые страницы, другим – несколько строк, однако заслуга Кеннана заключается в создании достоверного, запоминающегося образа революционера 1870–80-х гг. – молодого человека, разночинца, недоучившегося студента или даже гимназиста, живущего в ссылке на небольшое посobie, не отказавшегося от своих политических принципов и убеждений, вынашивающего планы скорейшего возвращения в Европейскую Россию для продолжения революционной работы.

Вот, к примеру, портрет «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской. Можно с уверенностью сказать, что знаменитой на «весь мир» ее сделал Кеннан. Брешковская была судима по процессу 193-х и первой из русских женщин отправлена на Нерчинскую каторгу, затем последовало ее поселение в Баргузине, откуда она, Тютчев, Шамарин и Линев попытались бежать, однако были схвачены, а ее отправили на «долгие» семь лет в маленький Селенгинск. Кеннан виделся с ней в этом городе, его поразило мужество, стойкость и самообладание революционерки. Большой и сочувственный рассказ о Е. К. Брешко-Брешковской, ее побеге и злключениях привлек к ней внимание всей читающей Европы и Северной Америки, благодаря чему «бабушка» обрела друзей во всем мире, что, в свою очередь, помогло ей впоследствии, уже после этой ссылки, вполне успешно собирать за границей денежные средства на поддержку партии эсеров, вести оживленную переписку с российской политической эмиграцией.

Отметим и еще один существенный плюс книги: это хорошо аргументированная критика не только самодержавного государства, но и деятельности (или бездеятельности) местной администрации, ответственной за организацию и руководство уголовной и политической ссылкой в Сибири. На своем длинном пути автор встречался со многими представителями властных структур и тюремного ведомства и неизменно отмечал равнодушие, некомпетентность или лихоимство, распространенные в их среде. Вот как описывает это Кеннан, говоря о самовольных отлучках ссыльных: «...для каторжника, за которым лично не надзирают, не слишком трудное дело уложить в серый мешок

немного еды, сэкономленной из остатков дневного пайка, привязать к поясу чайник, взять в руки топор и ночью скрыться в непроходимом лесу. Хорошо известно, что многие тюремные чиновники смотрят сквозь пальцы на побег. Делают они это, не донося на беглецов как на «отсутствующих», продолжая неделями или месяцами получать предназначенные для них пайки и одежду, которые затем продают местным перекупщикам-евреям. Нередко эти самые перекупщики имеют контракты на поставку в тюрьмы всего необходимого, и они сбывают казне по высокой цене ту же самую муку и одежду, которую незадолго перед тем выкрали чиновники. Для недобросовестного тюремного зрителя каждый ...сбежавший арестант является источником постоянного дохода, пока смерть или побег могут быть сокрыты и имя его остается в тюремных списках»¹⁷⁷.

Благодаря автору читатель во всем мире смог впервые представить масштабы применения Российским государством института политической каторги и ссылки, сделать заключение о характере самого государства и общества, применяющего в массовом порядке такое наказание. Вместе с тем, несмотря на значительные достижения, работа Дж. Кеннана не лишена и недостатков, объяснимых, прежде всего, жанром путевых очерков, а также излишней публицистичностью изложения и выводов.

К недостаткам книги можно отнести, слишком вольное обращение автора с конкретными цифрами. Например, Кеннан приводит статистику ссыльных в Сибирь за период с 1823 по 1887 гг., рассматривая при этом разряды и категории осужденных. Среди них он выделяет и политических, утверждая, что ежегодно их число едва достигает 150 человек, что составляет, как подчеркивается, 1 % от общего количества. Здесь же приводятся и абсолютные цифры – указывает, что сосланных в 1883 г. было 19 314, в 1885 г. – 18 843 человека. Несложное выделение из этих цифр заявленного одного процента, дает 193 и 188 ссыльных, что, понятно, значительно больше 150-ти, обозначенных ранее¹⁷⁸.

Приведем еще пример. В первой части своей книги Дж. Кеннан утверждает, что в Усть-Каменогорске ему удалось получить «список 700 политических ссыльных в различных местах Сибири с точным указанием имени, возраста, профессии и места поселе-

---

¹⁷⁷ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка ... Ч. 2. С. 111.

¹⁷⁸ Там же. Ч. 1. С. 24

ния»¹⁷⁹. Однако во второй части, ссылаясь на такой авторитетный источник как рапорт генерал-губернатора Анучина за 1882 г., он определяет общее количество политических ссыльных в Сибири вместе с административными и каторжными уже в 430 человек¹⁸⁰.

Такое вольное обращение с количественным материалом вызывает недоверие и к другим подсчетам автора. Помимо разницы в цифрах, возникает вопрос, от кого Дж. Кеннан мог получить столь исчерпывающие сведения о политических ссыльных в масштабах всей Сибири? Из текста видно, что не от официальных лиц. Значит, от самих «политических нигилистов», однако, чтобы иметь подобные данные, необходима единая организация и постоянная связь с колониями по всей Сибири, чего, как известно, никогда не было. Политическая ссылка была разобщена, сибирские поселения жили обособленно, без какой-либо, даже эпизодической информации друг о друге.

Справедливо критикуя тюремную систему России, резко высказываясь против произвола и некомпетентности отдельных чиновников, автор нередко выглядит, своего рода, романтическим идеалистом, являя читателю и очевидное незнание предмета. Так, он с восторгом слушает рассказы ссыльных о побегах и приключениях в сибирской тайге и впадает в настоящий гнев, узнав о их бытовых трудностях: «Какое бесчеловечье со стороны русского правительства не давать арестантам хоть соломенной подстилки, тогда как такую роскошь пользуются даже цепные собаки в цивилизованных странах! Проработав, как вол, двенадцать часов, усталый и разбитый, возвращается арестант домой, где его ждет жесткая скамья...»¹⁸¹.

Оставим патетику Кеннана по поводу «собак в цивилизованных странах» без комментариев и обратим внимание на утверждение о тяжелом каторжном труде. Здесь автор явно сознательно искажает реальную действительность – каторжных работ у политических, как и труда вообще в этот период практически не было. Известно, что труд политиков был крайне неэффективен, а во многих тюрьмах вообще отсутствовал. Даже санитарная уборка камер политических по решению админи-

---

¹⁷⁹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка ... Ч. 1. С. 94.

¹⁸⁰ Там же. Ч. 2. С. 107.

¹⁸¹ Там же. С. 59.

страции проводилась уголовными ссыльными. Словные «перегородки», как видим, существовали и в ссылке!

Некоторые места в работе Дж. Кеннана вообще вызывают стойкое недоверие. Например, описывая встречу с политическими ссыльными вольной команды на Каре, журналист «более двух часов слушал и как мог отвечал на торопливые вопросы о положении в России, о ходе революционного движения»¹⁸². Сомнительно, чтобы иностранец, пробыв в Петербурге и Москве перед поездкой в Сибирь всего лишь несколько суток, мог хоть что-либо знать о «революционном движении в стране». Напомним, что всех революционеров в начале своего путешествия автор считал «нигилистами», показывая тем самым, насколько он был далек от действительного овладения темой.

Иные заявления Дж. Кеннана выглядят даже одиозно. Говоря о тюремной системе и о политических преступниках, об их тяжелых бытовых и нравственных условиях, автор восклицает: «По моему мнению, они поступали бы более гуманно, если бы открыто приказывали застрелить, нежели мучить их до смерти невыносимым заточением»¹⁸³. С этим едва ли можно согласиться.

На наш взгляд, слишком много места в книге Дж. Кеннана уделено описанию тягот каторжной жизни «политиков»: автор постоянно говорит о тяжелом труде, антисанитарных условиях, полуголодном существовании, намеренной и ничем неоправданной жестокости «тюремщиков». Это стремление всячески подчеркнуть бедственное положение ссыльных, вызвать в общественности сочувствие и сострадание к ним, вероятно, и являлось главной целью автора. Надо сказать, что с этой задачей он справился, однако подлинное исследование проблем сибирской ссылки оказалось на втором плане.

На самом деле, положение политических ссыльных в тюрьмах Сибири никогда не было ни тяжелым, ни бедственным как описано у Кеннана. Наоборот, многочисленные воспоминания бывших каторжан свидетельствуют о повсеместно терпимом отношении служителей ГТУ к «политикам». Камеры Александровского централа, например, были открыты в течение всего дневного времени и заключенные могли свободно перемещаться внутри этого пространства, каторжане носили свое платье, питались от-

---

¹⁸² Кеннан Дж. Сибирь и ссылка ... Ч. 2. С. 82.

¹⁸³ Там же. С. 118.

дельно от уголовных, изучали учебные дисциплины и науки (в том числе, и «военное дело»), читали присылаемые им книги¹⁸⁴.

О каком-то труде, тем более каторжном, ни здесь, ни на Каре или в Акатуе вообще не было и речи. Нередко лояльность администрации переходила все разумные пределы. Так, по воспоминаниям И. И. Попова, бывшего ссыльного, а в 1890-е гг. редактора газеты «Восточное обозрение», политические заключенные, пользуясь регулярными посещениями зрителя тюрьмы Лятоскевича, «подсовывали в его карманы письма, которые он отправлял по почте»¹⁸⁵.

Книгу «Сибирь и ссылка» Дж. Кеннана дополняет статья о жизни политических арестантов в русских тюрьмах. Во введении автор обращает внимание читателя на то, что при написании статьи им были использованы три группы источников: «личный осмотр большинства русских тюрем»; показания 300 или 400 политических заключенных, осужденных в различные годы от 1874 до 1885-го, а также «указания русских официальных лиц», имеющих или имевших ранее отношение к тюремной администрации. Дж. Кеннан подчеркивает, что он «много потрудился» над проверкой и сопоставлением этих источников и пришел к выводу, что они «заслуживают полного доверия».

Здесь же во введении Кеннан формулирует и главную задачу статьи. Американскому читателю, интересующемуся историей России, трудно понять и объяснить «закаленную интенсивность чувства ненависти молодых людей России к своему правительству». Россия, – продолжает свою мысль автор, – скверно управляется, но все это зло еще не объясняет того, что десятки и сотни молодых людей готовы умереть на эшафоте, лишь бы сделать что-либо для свержения своего правительства. Этот «факт» автор считает ненормальным. Люди вообще не борются за свободу печати посредством политических убийств и не завоевывают гражданские права, уничтожая физически своего монарха. Чувство страшного личного озлобления должно присоединиться к этому общему недовольству¹⁸⁶.

---

¹⁸⁴ См., напр.: Учеба на каторге (Александровская Центральная каторжная тюрьма) // Каторга и ссылка. 1929. № 5. С. 106–126.

¹⁸⁵ Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. С. 21.

¹⁸⁶ Кеннан Дж. Жизнь политических арестантов... С. 3.

«Откуда оно возникает?» – спрашивает Кеннан. Источником ненависти к государству он считает политическую тюрьму. «Одна из самых главных и действенных причин, побудивших русских революционеров... принять преступную политику террора, является обращение с политическими ссыльными в русских тюрьмах»¹⁸⁷. Значит, по Кеннану, именно плохое обращение в тюрьме к революционерам порождает политический террор по отношению к государству.

У автора нет сомнений в том, что серия покушений 1870–1880-х гг. «есть результат жестокого и “бесчеловечного” обращения с политическими». Развивая свою мысль, Кеннан далее дает характеристику тюремной системе российского государства. Прежде всего, говорит американский журналист, читатель должен совершенно отрешиться от мысли, что русские тюрьмы вообще управляются по какой-либо системе, или что обращение с заключенными вытекает из какой-то политики. В России личный произвол и личные соображения в огромной мере влияют на закон. Во всей империи 884 тюрьмы. Номинально они все находятся под одним управлением, а между тем трудно было бы найти десять тюрем, которые бы управлялись одинаковым образом в продолжение трех лет¹⁸⁸.

Итак, отсутствие системы в управлении тюремным ведомством. Автор выделяет и причины такого состояния дел. Во-первых, российские законы. Они трудноприменимы на практике и полны противоречий. Во-вторых, управление тюрьмами сосредоточено между многими лицами и ведомствами и нуждается как в централизации, так и в унификации. В-третьих, тюремная администрация, решая судьбы политических ссыльных, практически всегда исходит не из требований закона, а руководствуется своими настроениями и убеждениями. И, наконец, последнее – ничтожный оклад не позволяет привлечь в тюремное ведомство людей по-настоящему достойных.

Как видим, американскому журналисту удалось совершенно точно охватить и коротко охарактеризовать главные проблемы тюремной системы России. Его выводы во многом совпадают с мнением на этот счет и ведущих российских правоведов¹⁸⁹.

---

¹⁸⁷ Кеннан Дж. Жизнь политических арестантов ... С. 4.

¹⁸⁸ Там же. С. 7.

¹⁸⁹ См., напр.: Полянский Н. О государственных преступлениях по действующему русскому праву // Право. 1908. № 29. С. 1596–1603.

Несовершенно, по мысли Дж. Кеннана, и сама государственная охранительная политика. По существу она состоит из непрерывной практики нарушений закона. Прежде всего, это проведение несанкционированных арестов, собирающих по подозрению в неблагонадежности десятки и сотни молодых людей. Затем заключение в тюрьму, когда арестованному месяцами не предъявляют обвинения и содержат без права свиданий и переписки в одиночном заключении. В качестве показательного примера автор рассказывает о «процессе 193-х», когда его участники провели в следственных тюрьмах от одного года до трех лет.

Вывод автора, помещенный в конце статьи, однозначен: тюремный произвол вызывает ответную реакцию на воле. Таким образом, тюремная система не способствует исправлению и изоляции преступников, а, наоборот, порождает протест в обществе и еще более революционизирует его.

Несмотря на отдельные недостатки, связанные в основном с излишней политизированностью части материала, работы Дж. Кеннана имели большой резонанс у современников и оставили яркий след в историографии политической ссылки. Впервые в научно-публицистической литературе было открыто сказано о проблемах пенитенциарной и охранительной систем. Со многими выводами автора трудно не согласиться – действительно, вместо противостояния государства и общества в России необходим постоянный диалог, который сделает в конечном итоге совершенно ненужными политическую каторгу, тюрьму и ссылку.

Переиздания книги Дж. Кеннана в России вызвали ряд живых откликов в прессе. Как правило, все они, независимо от политических пристрастий авторов, не только положительные, но порой просто хвалебные. Например, вот что писал «Ник. Ам.» в журнале «Былое»: «Историк революционного движения в России с благодарностью вспоминает имя Дж. Кеннана, блестящая и правдивая книга которого, произвела в начале 90-х гг. потрясающее впечатление во всем культурном мире. Официальная ложь о всеобщем благополучии в России получила тогда первый резкий удар»¹⁹⁰. Высокую оценку книга Дж. Кеннана получила и у известных современников – Г. В. Плеханова, Ф. Энгельса,

---

¹⁹⁰ Ник. Ам. Тюрьмы в России: Очерк Дж. Кеннана // Былое. 1906. Кн. 1. С. 318–319.

М. Твена, В. Г. Короленко, С. М. Степняка-Кравчинского¹⁹¹. Интерес для нашего исследования представляет и книга англичанина Ю. М. Прайса, побывавшего в Сибири через пять лет после Дж. Кеннана¹⁹². По-видимому, его работа никогда не публиковалась в России (во всяком случае, в полном объеме) и отечественной историографии тюрьмы, каторги и ссылки она практически неизвестна. Между тем «ссылочной теме» автор посвятил третью часть своей книги. Это – несколько глав, содержащих его путевые впечатления, широкие обобщения, интересные оценочные суждения, а также множество оригинальных рисунков и фотографий.

Юлиус Прайс отправился в путешествие в 1890 г. по заданию журнала «Лондонские иллюстрированные новости». Перед ним была поставлена весьма трудная задача – пересечь Сибирь с севера на юг, пройдя через Монголию в Китай – «Через Арктический океан к Желтому морю» – так называется его книга (здесь и далее перевод с английского выполнен нами. – *А. И.*). Он должен был «давать свежие факты относительно обширного континента», с целью развеять или подтвердить негативное впечатление о Сибири, сложившееся у англичан под воздействием различных «слухов» и «ненадежных историй».

Что это за «слухи» и «ненадежные истории», автор не конкретизирует. Можно только предположить, что речь здесь идет о политической каторге и ссылке в Сибирь, о бесчеловечной жестокости правительства, превратившего регион в огромную «тюрьму без решеток» – именно подобное мнение складывалось у западного читателя после книги Дж. Кеннана. Далее в работе Прайс не упоминает ни одного из своих предшественников по перу, однако из текста следует, что пенитенциарная система самой Англии известна была ему настолько хорошо, что он свободно и вполне профессионально мог сравнить ее достижения и недостатки с практикой тюрьмы и ссылки в России. Следовательно, путевые заметки и суждения Ю. Прайса о сибирской ссылке нельзя считать первым впечатлением неподготовленного человека. Тем большую ценность представляет его работа для нас.

---

¹⁹¹ Меламед Е. И. «Сибирь и ссылка» Джорджа Кеннана и ее источниковедческая основа // Сиб. ссылка. Вып. 1 (13). Иркутск, 2000. С. 56–67.

¹⁹² From the Arctic ocean to the yellow sea. Hie narrative of a journey in 1890 and 1891 across Siberia, Mongolia, the Gobi desert and North China. Julius M. Price, special artist of the «Illustrated London News». London, 1892.

Особый интерес английского журналиста к сибирской политической ссылке столь очевиден, что складывается впечатление – не это ли главная цель его поездки по Азиатскому континенту? К своей командировке Прайс подготовился основательно: заблаговременно заручился рекомендательными письмами, «испросил разрешение у Российского правительства». Здесь, в Сибири, ему было предоставлено право свободного передвижения. Он «побывал, где хотел», прошел ни один десяток верст с этапом из Томска в Красноярск, беседовал с офицерами конвойных команд и ссыльными, посещал многочисленные пересыльные тюрьмы, больницы, колонии окончивших сроки каторжных работ и вышедших на поселение¹⁹³.

Прайсу было разрешено рисовать и фотографировать, записывать рассказы. Это ещё один «плюс» его работы – она содержит большое количество снимков арестантов и каторжников, картин тюремной жизни, внутренней обстановки этапов. Надо подчеркнуть и необычайную лояльность местных властей: всюду журналиста сопровождали высокие должностные лица, любезно отвечавшие на любой его вопрос. Можно с уверенностью сказать, что Ю. Прайс, благодаря такой «свободе» передвижения, видел не меньше Дж. Кеннана, постоянно испытывавшего тяготы негласного полицейского контроля.

Что же узнал английский журналист? Прежде всего, его поразило отношение должностных лиц к государственным преступникам. Всюду, где он побывал, политические ссыльные жили обособленно от уголовных, имея отдельную камеру, свое платье, книги, письменные принадлежности. «К моему удивлению, – пишет, например, автор об Иркутской тюрьме, – все *«politicals»* были в обычном гражданском костюме и не имели никаких цепей; большинство были весьма молоды, с интеллектуальными лицами, на которые политический характер их преступлений не наложил никакого следа. Политическим заключенным не только позволялось читать, они могли свободно перемещаться по всей территории тюрьмы и даже курить»¹⁹⁴.

Нигде, ни в Енисейске, ни в Томске или Красноярске, ни в Нерчинске или Иркутске Ю. Прайс не увидел политических ссыльных или каторжан, занятых тяжелым подневольным тру-

---

¹⁹³ From the Arctic ocean ... P. X.

¹⁹⁴ Ibid. P. 204.

дом. Его поразила общая практика праздности тюремной жизни, когда обязательными работами считалась лишь заготовка дров и воды. При этом ссыльный мог выбрать по своему желанию работу в одной из тюремных артелей, трудиться добровольно «на заказ от горожан», зарабатывая достаточно большую, по мнению журналиста, денежную сумму. «Испытывая дефицит в промышленных колониальных товарах, – пишет автор, – администрация разрешала тюремным жителям заниматься портновским, сапожным, кузнечным, плотницким, слесарным мастерством»¹⁹⁵.

Далее, автору был совершенно непонятен либерализм содержания в сибирских тюрьмах как политических, так и уголовных преступников. Его поражало, что двери камер намеренно открывались и оставлялись «без замка» в течение всего дня; ссыльные свободно перемещались не только внутри одного здания, но и по территории всей тюрьмы; «в отверстие тюремной стены можно подать деньги и купить у местных жителей все, что угодно»; «постоянное потребление чая в камерах больше походит на бесконечный пикник»; «нет никого, кто бы поддерживал хоть какую-либо дисциплину». «Это, скорее большой школьный дом, чем тюрьма», – заключает автор¹⁹⁶.

Наиболее сильное впечатление на Ю. Прайса произвело существование имущественной дифференциации среди уголовных и политических ссыльных. Англичанин, воспитанный на многовековых традициях равенства любого гражданина перед законом, был поражен, встретив в тюрьмах камеры привилегированных, «в которых было все для жизни джентльмена»: отдельное питание, собственный гардероб, возможность заниматься любимым делом (читать, рисовать, «ничего не делать»), существование постоянной переписки с Европейской Россией и т. д. Журналист называет подобную систему «странной», а «живейшее и, по всей видимости, небескорыстное, участие тюремной администрации» и даже крупных местных чиновников в судьбах богатых заключенных, «противоестественным»¹⁹⁷.

Имея возможность оценить практику сибирской каторги и ссылки, исходя из опыта Англии и Европы, Прайс быстро замечает различия в содержании каторжанина и ссыльнопоселенца.

---

¹⁹⁵ From the Arctic ocean ... P. 195.

¹⁹⁶ Ibid. P. 146.

¹⁹⁷ Ibid. P. 149, 198, 201.

Если в тюрьме осужденный находится пусть под «невнимательным», но присмотром, то вне ее стен его судьба «практически никому не интересна». «Я не могу вообразить участи более ужасной, чем быть закрытым в одной из сибирских деревень, среди большого числа несочувствующих и неосведомленных крестьян, без книг, вне пределов досягаемости цивилизованного мира. Лучше быть похороненным заживо», – восклицает автор¹⁹⁸.

Судьба ссыльных, вышедших на поселение в «небольшие города», по его мнению, не так безотраднa. Прайс встречался со многими поселенцами и поделил их на две категории – стремящихся вернуться в Европейскую Россию, для того чтобы продолжить борьбу с правительством, и «устроившихся» в Сибири, нашедших здесь «вторую» родину. Жизнь последних достаточно благополучна. Имея денежные средства, они покупают дома, обзаводятся семьями, приобретают «свое дело». Их существование здесь со временем мало чем отличается от жизни в России. Автора поразила практика повсеместного использования бывших «политиков» в государственных учреждениях и службах. Например, он не мог поверить, что представленный ему «директор енисейской уголовной тюрьмы» – бывший политический ссыльный, участник польских событий 1863 г.¹⁹⁹

Другая категория ссыльнопоселенцев – таких абсолютное меньшинство – живет гораздо беднее. Их не интересует материальная сторона. Они с нетерпением ждут дня окончания ссылки, чтобы вернуться в Россию и начать «новую борьбу». Автор спросил одного из них, что будет, если его вновь задержат, ведь наказание должно быть тогда более суровым? «Мне все равно, – услышал Прайс. – Невозможно оставаться в стороне и мириться с подобным государством»²⁰⁰.

По мере продвижения Ю. Прайса от Енисейска к Забайкалью, в нем «все меньше оставалось предубеждений» относительно положения политических и уголовных ссыльных в Сибири. Постепенно он приходит к выводу о «мягкости» сибирской тюрьмы и ссылки по сравнению с английской системой. Нигде он не видел «бесчеловечного» обращения с осужденными, не встретил фактов «избиений» и «насилий». При этом для него

---

¹⁹⁸ From the Arctic ocean ... P. 114.

¹⁹⁹ Ibid. P. 108.

²⁰⁰ Ibid. P. 116.

были открыты все двери, а высшие чиновники лишь «выражали надежду на то, что он будет писать только правду.

Как видим, выводы Прайса заметно отличаются от впечатлений Дж. Кеннана. Проехав огромные расстояния, он уверился в том, что жизнь политических ссыльных в Сибири мало чем разнится от жизни свободного человека, волей обстоятельств оказавшегося в чужой для него среде. Именно «среда» делает все «трудности» ссыльной жизни, а не правительство. Длительное вынужденное существование среди «несочувствующих и неосведомленных крестьян» – самое тяжелое испытание в ссылке. Все же остальные проблемы – материальные, бытовые и социальные, скорее не от «жестокости» системы, а от ее отсутствия или «анахронизма»²⁰¹.

По мысли Прайса, государство просто выбрасывает в Сибирь огромное количество осужденных людей. Между тем этот край с богатейшими запасами природных ресурсов заслуживает другой судьбы. Система каторги, тюрьмы и ссылки здесь должна быть приведена в соответствие с изменившимися условиями, а главное – занять второстепенное значение в социально-экономическом развитии края.

Как следует, зарубежные исследователи испытывали к теме политической тюрьмы, каторги и ссылки в Сибирь постоянный интерес, вызванный повышенным вниманием, существовавшим в западном обществе во второй половине XIX – начале XX в. к «русским нигилистам». Авторы-иностранцы подчеркивали отсутствие какой-либо действенной системы в управлении сибирской политической тюрьмой, каторгой и ссылкой. По их единодушному мнению, ссылка вообще не управлялась из центра страны, что служило причиной неразберихи и безответственности, порождало различные должностные преступления и чиновничий произвол. По мнению исследователей, рассредоточенное по нескольким ведомствам, управление ссылкой нуждалось в централизации, унификации и упорядочении. Низкое жалованье чиновников тюремного управления и полиции способствовало постоянной «текучести кадров», негативно отражалось на сохранении преемственности накопленного опыта и традиций.

---

²⁰¹ From the Arctic ocean ... P. 10.

По мысли зарубежных исследователей, нуждалась в коренной перестройке и сама государственная охранительная политика. По существу, она состояла из непрерывной практики нарушения закона, выражавшейся в проведении бесконтрольных арестов, собиравших «по подозрению в неблагонадежности» десятки и сотни молодых людей, а затем заключения в тюрьму, когда арестованному месяцами не предъявляли какого-либо обвинения и содержали без права свиданий и переписки. Подобный произвол вызывал адекватную ответную реакцию. Таким образом, утверждали зарубежные авторы, тюремная система не только не способствовала исправлению и изоляции государственного преступника, а, наоборот, еще более революционизировала и раскалывала российское общество.

2.3. Политическая ссылка в Сибирь в исследованиях начала XX в.

Первая русская революция существенно изменила политическую ситуацию в стране: то, что раньше считалось под запретом и каралось цензурой, после 1905 г. стало вполне легальным. Листовки и воззвания, тайно изготавливавшиеся в партийных типографиях, потеряли свою значимость – теперь о необходимости немедленных социально-политических перемен можно было совершенно открыто прочесть в легальных газетах. Революционные преобразования самым благотворным образом отразились и на литературе о политической ссылке – резко возросли ее количественные показатели, заметно расширилась проблематика. Периодические издания центра страны и сибирского региона публиковали на своих страницах многочисленные корреспонденции с мест о материальном положении «узников сибирской тюрьмы без решеток», их письма к родным, анкетные обследования по крупным колониям и отдельным тюрьмам.

Резкое увеличение конкретных материалов о ссылке способствовало изданию целого ряда объемных исследований, содержащих подлинно научный анализ не только состояния «ссылочного дела», но репрессивной и охранительной политики Российского государства в целом. Рассмотрим здесь наиболее интересные публикации 1905–1917 гг.

А. В. Пешехонов. Самая яркая и талантливая работа по истории политической каторги и ссылки начала XX в. принадлежит А. В. Пешехонову. Тому самому: эсеру, основателю партии народных социалистов, одному из редакторов газеты «Сын Отечества», а после февраля 1917 г. – министру продовольствия Временного правительства, затем эмигранту, неоднократно обращавшемуся к Советскому правительству с просьбами вернуться на родину.

В 1912 г. в нескольких номерах журнала «Русское богатство» А. В. Пешехонов опубликовал «Очерки политической ссылки», ставшие, на наш взгляд, настоящим явлением в историографии данной темы²⁰². Поставив перед собой и успешно решив задачу показать «жизнь ссыльных, как она сложилась», автор сумел сделать ряд обобщающих выводов и заключений, определив тем самым основные направления в изучении этой темы и для исследователей-современников.

Настоящая работа привлекает внимание своей документальной базой. Автором обработаны материалы политических ссыльных Киренского уезда Иркутской губернии за 1908–1912 гг., собранные и отправленные в редакцию «Русского богатства» эсером А. Н. Алешковским. В первую очередь это десять номеров гектографированного «Листка ссыльных», которые, как пишет Пешехонов, «в совокупности составили бы книгу около 200 страниц», затем это подробнейшим образом разработанные анкеты, постановления и отчеты различных групп и организаций ссыльных, протоколы собраний, очерковые зарисовки, дневники и свыше 150 писем²⁰³.

Систематизация этого разнообразнейшего материала была начата ещё самим А. Н. Алешковским, которому, как он пишет, «в атмосфере обысков, арестов и погони за куском хлеба» удалось лишь «наскоро составить опись, кое-где поставить сноски». С некоторыми перерывами обработка текущего архива велась им более двух лет, причем удалось привлечь к этому делу и нескольких ссыльных – С. И. Новосадского, В. С. Фаддеева, Н. А. Александрову. В одном из последних писем в редакцию «Русского богатства» Алешковский пожелал удачи Пешехонову в деле

---

²⁰² А. В. П. Очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. № 7–9. С. 42–76; № 8. С. 32–59; № 9. С. 87–106.

²⁰³ А. В. П. Указ. соч. № 7. С. 43.

«освещения в печати ссыльной жизни» и передал «свой земной поклон» В. Г. Короленко, «человеку, которого полюбил больше всех других – автору «Слепого музыканта»²⁰⁴.

А. В. Пешехонов, обладая талантом публициста и исследователя, уже хорошо знал эту тему, так как за свои политические убеждения неоднократно преследовался и ссылался. Ему удалось за короткий промежуток времени проанализировать весь имеющийся материал, дополнить его, обобщить и сделать интересные выводы. «Жизнь ссыльных в Киренском уезде, – указывает он, – несомненно, имеет свои особенности. Но при всех особенностях, в ней... очень много общего со ссыльной жизнью в других «отдаленных местностях», а некоторые данные о ней ... можно считать характерными вообще для политической ссылки последнего времени»²⁰⁵.

Что же примечательного в работе А. В. Пешехонова?

Автор делит свои очерки на две условные части: статистическое изучение политической ссылки – с одной стороны, и исследование ее внутреннего мира и облика – с другой. Основой его обобщений стали разнообразные данные о 700 политических ссыльных, собранные ими самими при помощи анкет и переписей, производившихся в Александровской центральной каторжной тюрьме, на этапе, на месте ссылки. Объектом изучения стала «пореволюционная», как пишет автор, ссылка 1908–1911 гг. При этом большая часть опрошенных были ссыльными «по суду», меньшая – административно высланными.

Прежде всего, анализ конкретного материала позволил Пешехонову, пожалуй, первому из исследователей массовой ссылки, сделать выводы о ее национальном составе. Он отмечает «этнографическую пестроту» и выделяет из общего числа осужденных в первую очередь русских («великороссов») – 44,0 %, затем евреев – 15 %, латышей – 11 % и поляков – 7 %. Автор не делает подробного комментария этим данным, замечая лишь, что национальное «разнообразие больше всего кидается в глаза», однако читатель и будущий исследователь отмечают главное – преобладание русских революционеров в ради-

---

²⁰⁴ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 287. Лл. 9, 10, 297, 304, 339.

²⁰⁵ А. В. П. Указ. соч. № 7. С. 44.

кальном общественном движении Российской империи сохраняется по-прежнему²⁰⁶.

Заслуживают внимания и выводы автора относительно профессионального состава политических ссыльных. Его также поражает их пестрота и разнообразие: сестра милосердия стоит в списке рядом с кожевником, ученый лесовод – с плотником, актер – с псаломщиком. Автор насчитывает среди ссыльных около 50 профессий. При этом возглавляют список ремесленники и рабочие, составляя 46,9 % от общего числа, затем с большим разрывом идут люди «интеллигентного труда» – 18,5 %, «земледельцы и сельскохозяйственные рабочие» – 10,0 %, а также «торговцы, приказчики, конторщики, бухгалтеры» – 9,6 %.

Исследуя состав ссыльных интеллигентов, Пешехонов отмечает среди них прежде всего учителей, а среди рабочих – специалистов слесарного дела. Автор делает два закономерных вывода: во-первых, люди физического труда заметно преобладают, и это одна из характерных черт пореволюционного периода, во-вторых, едва ли какое другое явление русской жизни настолько демократизировалось, как политическая ссылка²⁰⁷.

Последний вывод подтверждают и сведения об образовательном цензе. По подсчетам Пешехонова, закончивших высшие учебные заведения оказалось всего 5,7 %, средние – 21,9 % и низшие – 52 %. Автор делает вывод об «очень невысоком» образовательном уровне современной политической ссылки, однако отмечает, что это все-таки значительно выше, чем по России в целом. И опять же следует обоснованный вывод: «политическая ссылка, хотя и демократизированная, по-прежнему вырывает наиболее образованную часть, но теперь не из общества уже только, а из всего народа»²⁰⁸.

А. В. Пешехонову одному из первых исследователей послереволюционной ссылки удалось определить и ее партийный состав. В этом – несомненная заслуга его работы. При этом собранные им данные отражают действительную расстановку политических сил в леворадикальном блоке. Здесь лидируют социал-демократы, составляя 38 %, за ними следуют социалисты-

---

²⁰⁶ А. В. П. Указ. соч. № 7. С. 48.

²⁰⁷ А. В. П. Указ. соч. № 7. С. 49.

²⁰⁸ Там же. С. 50.

революционеры – 30 %, беспартийные – 17 % и анархисты различных фракций – 6 %.

Наибольший интерес для нас представляет попытка А. В. Пешехонова выделить из общего числа политссылных так называемых партийных профессионалов, т. е. лиц, как он пишет, «считавших политическую деятельность главным своим занятием». К сожалению, автор не указывает главные критерии отбора этой категории, а также приводит данные лишь по 233 ссылным, определив «профессионалами» из них 69 человек или 30 %. Наверное, это завышенный показатель, однако стремление Пешехонова выделить данную категорию политических ссылных из общей массы является правильным и достойным развития – именно профессиональные работники и в сибирской ссылке возглавляли партийные организации, руководили забастовками местных рабочих, участвовали в террористических актах.

Систематизируя сведения анкет и опросов политических ссылных, А. В. Пешехонов не упускает ни одного существенного показателя. Он приводит обобщающие сведения по возрастному, семейному и половому признакам, одним из первых анализирует партийный или революционный стаж ссылных до ареста, определяет наиболее типичные статьи обвинения, виды суда, сроки пребывания в тюрьме, на этапе, на поселении.

А. В. Пешехонов создает и собирательный портрет политического ссылного послереволюционной эпохи. Это лишенный прав и званий мужчина в возрасте от 20 до 30 лет, преимущественно русский, вступивший в одну из организаций в ходе революции 1905 г., социал-демократ или эсер, осужденный судом, просидевший более двух лет в следственной тюрьме и пришедший в ссылку с подорванным здоровьем. «Из месяца в месяц свозили их к Иркутску, а потом всех за год в три приема выбрасывали в назначенные уезды и там рассылали по волостям и селениям. Выбрасывали без вещей, без денег, в арестантских кожах и халатах... Водворяйтесь!»²⁰⁹.

Не менее интересной выглядит и вторая часть «Очерков...» А. В. Пешехонова, посвященная анализу внутреннего мира политической ссылки.

---

²⁰⁹ А. В. П. Указ. соч. № 7. С. 60.

Тема эта присутствует у ряда авторов (В. В. Мякотин, И. Ларский, М. К. Цебрикова, Вл. Комков). Однако большинство исследователей, говоря о политической ссылке, писали лишь о бытовых тяготах и неустроенности в местах поселения с целью привлечь внимание общества и государства к судьбе арестантов. Другие же проблемы этого явления практически не рассматривались. А. В. Пешехонов попробовал рассмотреть внутренний мир ссылки комплексно, с точки зрения исследователя-историка.

Прежде всего, Пешехонов пытается выяснить причины появления в местах массовой политической ссылки различных организационных структур – коммун, артелей, колоний, землячеств. По мысли автора, их объединение было продиктовано как экономическими, так и социально-нравственными причинами. К первым автор относит отсутствие у большинства ссылных денежных средств, узость рынка трудоустройства, дороговизну жилья и питания, суровость климатических условий. При этом А. В. Пешехонов, лишь бегло упоминая об материальных тяготах, пробует взглянуть на них с другой стороны, – что может дать ссылка населению сибирского края? При всей не востребованности большей части «интеллигентских» и рабочих специальностей, по мнению автора, новая послереволюционная ссылка дает сибирякам все же много. Это кузнечное и слесарное дело, промышленная обработка сельскохозяйственного сырья, конторская служба. Автор с удовлетворением отмечает, что местные предприниматели и торговцы предпочитали ссылных местным рабочим: «политики» работали лучше, знали и умели больше.

Особо Пешехонов отмечает роль ссылной интеллигенции. Без нее трудно представить местное медицинское обслуживание и просвещение. Эту роль, по мысли автора, «несомненно, отметит будущий историк просвещения в этом крае. Они дают уроки в семьях городской и сельской буржуазии, обучая ее детей всем наукам и искусствам, вплоть до музыки и танцев; они же сеют грамоту и начатки знаний по глухим деревням...»²¹⁰.

«Устроиться в ссылке можно», – резюмирует А. В. Пешехонов. Необходимо только не ждать разовой работы, а активно переучиваться, «вживаться» в экономические потребности населения. Перечисляя востребованные здесь специальности – матросов, кочегаров, маляров, грузчиков, ямщиков, плотников, –

---

²¹⁰ А. В. П. Указ. соч. № 8. С. 37.

автор, на наш взгляд, вольно или невольно готовит своего читателя-революционера к возможной будущей политической ссылке в местах отдаленных.

Не останавливаясь только на экономических причинах появления объединений ссыльных, А. В. Пешехонов пытается исследовать их социальные или идеологические предпосылки. Он убедительно доказывает, что, стремясь к объединению в коммуны или артели, политические ссыльные, помимо прочего, испытывали и непреодолимую потребность на практике проверить свои коммунистические убеждения и идеалы. «Ведь они хотели перестроить на новых началах жизнь громадной страны, они хотят перестроить жизнь человечества; неужели они собственную жизнь не смогут устроить в полном согласии со своими идеалами?»²¹¹.

Автор приводит примеры комунной жизни, полное обобществление денежных средств, заработка, личных вещей ссыльных. Он передает атмосферу ожесточенных дебатов на тему «может ли ссыльный считаться “социалистом”, если он не участвует материально и морально в жизни колонии». Реальная действительность, по мысли автора, стала самой строгой проверкой коммунистической теории и психологии. Организованные в едином «душевном» порыве, коммуны быстро разваливались, дробясь на отдельные кружки и группы.

А. В. Пешехонов называет и несколько конкретных причин невозможности коммунистического быта. Он совершенно справедливо выделяет прежде всего естественный индивидуализм, желание человека уединиться и обособиться, разнородность профессионального и национального состава ссылки, наличие в ней случайного элемента, полицейские погромы.

Одну из причин нереальности коммунистического проживания в ссылке автор развивает особо. Это различия между интеллигенцией и рабочими. Говоря об этих различиях, А. В. Пешехонов даже употребляет понятие «антагонизма». Он считает, что между рабочим и интеллигентом «как в России», так и в ссылке существует «извилистая трещина, способная вызвать раскол и социально-классовую рознь». Он убедительно показывает различие культурных интересов и запросов этих двух социальных категорий, отсутствие у рабочих стремления к общественной жизни и совершенно определенную ориентацию на различные

---

²¹¹ А. В. П. Указ. соч. № 8. С. 63.

слои местного населения: если интеллигенция «вращается» среди образованных обывателей и устраивает «чтения Тургенева», то рабочие «деятельно посещают крестьянские вечера, которые редко обходятся без пьяных скандалов и побоищ»²¹².

Рассуждая об «извилистой трещине» между интеллигенцией и рабочим сословием, А. В. Пешехонов затрагивает и еще одну, по всей видимости, очень важную прежде всего для него самого проблему – проблему «предназначения, долга» интеллигенции перед «своим» народом.

Как и коммунистическая идея, чувство «нравственного долга» интеллигенции перед народом в далекой сибирской ссылке также было подвергнуто серьезным испытаниям. И здесь А. В. П. опять объективен и беспристрастен: немалая часть «товарищей» эту проверку не выдержала. «Устроили было воскресную школу, но охотников заниматься сколько-нибудь серьезно среди рабочих не оказалось... Попытались устраивать рефераты и совместные чтения, тоже ничего не вышло. Охота «нянчиться с рабочими», «тратить остатки нервов на искусственное возбуждение их», опять пропала... Получалось впечатление, что люди, говорящие на разных языках, с взаимным чуть ли не презрением в душе, сходились ежедневно для общей почти молчаливой кормежки»²¹³.

Объективностью выводов отличается и заключение, где А. В. Пешехонов рисует реальную и правдивую картину современной политической ссылки. Она разобщена, внутри ее возможны лишь небольшие объединения на принципах «товарищеских» отношений, в ней царит организационный хаос и острая материальная нужда. Можно ли изменить создавшееся положение? Можно, утверждает автор. По его мнению, «будущее Киренской ссылки, как и ссылки вообще, зависит от дальнейшего хода политических событий в России, и, прежде всего, от изменений в ее политическом настроении»²¹⁴.

Как видим, работа А. В. Пешехонова представляет крупное, подлинно научное исследование новой послереволюционной политической ссылки. В ней автор объективно и беспристрастно изучает многие стороны современной «тюрьмы без реше-

---

²¹² Там же. № 9. С. 97.

²¹³ А. В. П. Указ. соч. № 9. С. 98.

²¹⁴ Там же. С. 106.

ток» – от численности до внутреннего мира и состояния. Исследуя тему комплексно, он приходит к выводу о том, что политическая ссылка является верным отражением общественной действительности, ее своеобразным барометром, и как все общество в целом, нуждается в исследовании и пристальном изучении.

В. И. Ленин. История политической ссылки в Сибирь привлекала внимание и В. И. Ленина. У лидера партии большевиков не было специальных работ по этой теме, однако в отдельных статьях, письмах к родным и соратникам В. И. Ленин сделал ряд характерных высказываний, анализ которых позволяет нам достаточно полно изучить его отношение к исследуемому предмету.

Следует иметь в виду, что у Ленина относительно сибирской ссылки был свой, и немалый опыт: на протяжении 1897–1900 гг. он отбывал административную ссылку в с. Шушенском Минусинского уезда Енисейской губернии. Однако усиленно занимаясь здесь теоретическими проблемами революционного и рабочего движения в России, разрабатывая стратегический план построения социал-демократической партии, борясь с народничеством и легализмом, тему политической ссылки В. И. Ленин затрагивал лишь эпизодически.

Как можно судить из отдельных высказываний, в Шушенском В. И. Ленина больше всего беспокоила угроза так называемых ссыльных историй. Он постоянно боялся быть втянутым в какую-либо из бытовых дрязг, поэтому и писал об этом неоднократно. Например, узнав о нападках части Верхоленской колонии на Н. Е. Федосеева, Ленин восклицает в письме к А. И. Ульяновой-Елизаровой: «Нет, уж лучше не желай мне товарищей в Шушу из интеллигентов! С приездом Н. К. (Надежды Константиновны. – А. И.) и то целая колония будет»²¹⁵.

В другом письме к сестре, уже после самоубийства Федосеева, Ленин пишет: «Хуже всего в ссылке эти “ссыльные истории”, но я никогда не думал, чтобы, они могли доходить до таких размеров!» «Упаси господи, от “ссыльных колоний” и ссыльных историй», – пишет он в письме к матери. По его мысли, единственным противоядием в ссылке от дрязг «смертельно издерганных людей», может быть только напряженная умственная работа. В июле

---

²¹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 71.

1989 г. в письме к А. И. Ульяновой-Елизаровой, он прямо указывает: «Лучше же быть за делом: без этого в ссылке пропадешь...»²¹⁶.

Помимо личных впечатлений о ссылке, Ленин обладал и обширной документальной базой по этой теме. Он постоянно пользовался материалами Полного Свода законов Российской империи, журналами «Правительственный вестник», «Юридический вестник», газетами «Право» и «Речь». В его трудах есть ссылки на «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г., «Уголовное уложение» 1903 г., «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., на Указ Правительствующему Сенату об амнистии по поводу 300-летия дома Романовых от 21 февраля 1913 г. и на некоторые другие законодательные акты²¹⁷.

Необходимо отметить и постоянный интерес В. И. Ленина к статистическим источникам. Известно его внимание к исследованиям Е. Н. Анучина в качестве источника для изучения уголовной статистики. В литературе неоднократно отмечалось внимание В. И. Ленина и к исследованиям Я. Бермана, в частности, к его статье «Влияние социально-правового и экономического факторов на государственную преступность»²¹⁸.

Не вызывает возражений и вывод С. В. Кодана о знакомстве В. И. Ленина с трудами Е. Н. Тарновского. Статистические выкладки этого правововеда, публиковавшиеся в «Журнале Министерства юстиции», составляли один из основных источников для ленинской оценки социального состава государственной преступности в России²¹⁹.

Анализ ленинских произведений за 1893–1917 гг. позволяет сделать вывод и о его основательном знакомстве с публицистической литературой о ссылке. Руководитель партии большевиков неоднократно пользовался материалами журналов «Вестник Европы», «Былое», «Мир Божий», «Научное обозрение», «Голос минувшего», «Русские записки», «Русское слово», «Русский архив», «Современник», «Современный мир». Именно

---

²¹⁶ Там же. С. 94, 96, 98.

²¹⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 2. С. 617; Т. 4. С. 505; Т. 5. С. 481; Т. 6. С. 549; Т. 23. С. 518; Т. 48. С. 451; Т. 55. С. 69, 478.

²¹⁸ Хазиахметов Э. Ш. Ленин и ссыльные большевики Сибири. Новосибирск, 1971. С. 32.

²¹⁹ Кодан С. В. Произведения В. И. Ленина как источник изучения карательных мер самодержавия против освободительного движения в России // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1983. С. 20–21.

эти издания публиковали на своих страницах произведения либеральных авторов о ссылке.

Хорошо был знаком В. И. Ленин и с сибирской периодикой. В качестве доказательства этого тезиса, приведем строки из письма А. М. Горькому за февраль 1912 г.: «Рожкова “Иркутское слово” вижу очень редко. Стал человек ликвидатором. А Чужак – дура петая, махровая, с претензиями». Менее чем через год – еще раз о Н. А. Рожкове: «Теперь Степанов демонстративно пишет не у нас, а в газете Рожкова “Новая Сибирь” в Иркутске...»²²⁰. У Ленина – повышенное внимание к сибирским изданиям с участием политссыльных – «Сибирское обозрение», «Сибирские вопросы», «Сибирская жизнь», «Иркутское слово», «Сибирский архив». Помимо народников, здесь часто публиковались и социал-демократы, например: В. Н. Соколов, Я. М. Свердлов, Н. Чужак-Насимович и др.²²¹ Не заметить этих работ Ленин просто не мог.

Информацию о политической каторге и ссылке в Сибири В. И. Ленин получал и через «Искру». Центральный периодический орган социал-демократов не только регулярно освещал тяжелое материальное положение «узников тюрьмы без решеток», но постоянно информировал общественность о передвижении этапов с «политиками» по Сибири, списочном составе тех или иных партий: «...Сослан в Восточную Сибирь по делу типографии “Южный рабочий” Илья Виленский. Туда же ссылаются екатеринославские рабочие – Томигас, Кирилов и Ларинович и бывший студент Сергей Харпенко», – сообщала газета в № 25 за 1902 г. В № 46 за 1903 г. «Искра» информировала: «...В 1902 г. через Красноярскую пересыльную тюрьму прошло политических ссыльных в Восточную Сибирь около 600 человек». В разделе «Хроника революционной борьбы» «Искры» нередко были сведения и о побегах ссыльных: «Бежали: из Верхоленска Иркутской губернии – торговец (по польскому делу) из Вильны Вик-

---

²²⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 48, 153.

²²¹ Ванштейн С. Л. За десять лет // Сиб. обозрение. 1915. № 1. С. 11–20; Жданов К. В. Политическая ссылка в Тобольской губернии // Сиб. вopr. 1909. № 35. С. 41–43; Каменногорский В. Якутская ссылка // Сиб. вopr. 1911. № 24–25. С. 4–46; Майский В. Характеристика современной политической ссылки в Тобольской губернии // Сиб. вopr. 1907. № 33; Свердлов Я. М. Из жизни ссыльных // Сиб. жизнь. 1916. 5 июля. С. 7–14; Мих. Садко [Соколов В. Н.] Кто виноват? // Иркут. слово. 1912. 7, 14, 21 мая; Пантелеев Л. Из прошлого польской ссылки в Сибири // Сиб. вopr. 1910. № 5. С. 3–18; Чужак Н. О сибирской и иносибирской интеллигенции // Сиб. архив. 1913. № 5. С. 270–274 и др.

тор Вейнштейн, из Забайкальской области Николай Кудрин (со-слан на 5 лет по уральскому с.-д. делу 1899 г.)...»²²².

Наконец, знания о ссылке получал В. И. Ленин и от встреч с бежавшими из Сибири. Пройдя через Самарское бюро содействия «Искре» и получив явки за границей, многие из них встречались и подолгу беседовали с В. И. Лениным. Вот как об этом, например, пишет Л. Д. Троцкий (1902 г.): «Я подробно рассказал о наших сибирских спорах; о моем письменном докладе на эту тему; о бурном моем столкновении со стариками-народниками в Иркутске; о трех тетрадях Махайского и пр.; как в ссылке работали над «Капиталом», но остановились на втором томе. Спор между Бернштейном и Каутским мы изучали прилежно, по первоисточникам... В области философии мы увлекались книгой Богданова... Я упомянул в беседе, что на ссылках большое впечатление произвело то огромное количество статистических материалов, которое разработано в книге Ленина о русском капитализме.

– Так ведь это же делалось не сразу, – ответил Владимир Ильич с некоторым смущением...»²²³.

Личные контакты с бежавшими из Сибири политическими ссыльными, обширнейшая переписка с местными партийными организациями в России, знание периодической печати и публицистической литературы – все это «держало» В. И. Ленина в курсе большинства ссыльных проблем. В 1913 г. на конференции Заграничной организации РСДРП(б) в Берне по его инициативе было принято решение о создании денежного фонда «имени товарища Иннокентия» для содействия побегам из ссылки «на широких началах». Известен и факт издания по поручению В. И. Ленина 52 тыс. открыток-фотографий социал-демократов – депутатов Государственной думы в арестантских халатах. При этом значительная часть средств, вырученных от их продажи, направлялась в Сибирь в виде помощи ссыльным²²⁴.

Знания о политической ссылке накапливались В. И. Лениным в течение многих лет и носили, как видим, систематический, научный характер. Однако, не имея возможности специального исследования истории ссылки, В. И. Ленин рассматривал этот вопрос с точки зрения политика, лидера крупнейшей

---

²²² Искра. 1902. № 25, 26.

²²³ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 146–147.

²²⁴ Мещерский А. П., Щербakov Н. Н. В. И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.). Иркутск, 1973. С. 154.

оппозиционной партии, что предопределило и главную особенность его высказываний-обобщений: все они или почти все имеют ярко выраженный прагматический характер.

Так, в 1903 г., получив список политических арестантов, содержащихся в Одесской тюрьме, он на отдельном листе пишет: «Составить бы заметку на основании этого. Обработать в статистику». Здесь же намечает и заголовок будущей работы – «Статистика арестованных»²²⁵. В 1914 г. в письме к М. И. Ульяновой в Вологду читаем: «Недавно имел сведения про олонекскую ссылку... Ссылка сильно меняется в составе – интересно бы об этом собирать данные и публиковать иногда в «Просвещении»²²⁶.

При этом Ленин видит в политической ссылке лишь одну сторону: каторгой и ссылкой государство жестоко «карает» своих противников, пытается наказать за инакомыслие: «...под 263–265 ст. ст. Уложения можно закатать на каторгу за всякую манифестацию, хотя бы восставшие не были вооружены и даже не производили явных насильственных действий. Русские законы щедры на каторгу!», – восклицает он²²⁷.

Немалая часть ленинских высказываний посвящена самой ссылке. И здесь Ленин-политик уступает место Ленину-исследователю. Хорошо владея документальным материалом, обладая собственным тюремным и ссылным опытом, имея дар ученого, он сумел сделать несколько подлинно научных обобщений, определивших последующее развитие советской историографии этой проблемы. Учитывая это значение, рассмотрим их подробнее.

Прежде всего следует отметить, что В. И. Ленин никогда не рассматривал политических ссыльных как особую, изолированную группу, а всегда относился к ним как к неотъемлемой части партии, действующей в специфических условиях сибирской ссылки. При этом он неоднократно предлагал организациям «на местах» использовать их богатейший опыт, знания и силы. Так, в письме к Ф. В. Ленгнику в начале 1903 г., критикуя местные социал-демократические организации за неумелое обращение в агитационной работе с «Искрой», он пишет: «Я уже не говорю о том, что местный “деятель” палец о палец не ударил, чтобы выжать хорошие брошюры от сидящих по ссылкам писателей...»²²⁸.

---

²²⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 8. С. 501, 645.

²²⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 354.

²²⁷ Там же. Т. 5. С. 294.

²²⁸ Там же. Т. 46. С. 274.

Это положение, само по себе правильное, советской идеологической машиной уже в 1930-х гг. было превращено в один из главных «научных» догматов: ученому-историку следовало показать ссыльного большевика не просто живущим в глухом сибирском краю, озабоченным добычей хлеба насущного, а изобразить активным борцом с самодержавием, и там, на далекой окраине, продолжающим руководить рабочими кружками, участвовать в забастовочном движении, писать листовки, бескомпромиссно разоблачать всякого рода соглашателей и примиренцев. Несколько поколений советских историков разрабатывали эту концепцию, подкрепляя ее фактическим материалом, выявляя роль ссыльных-ленинцев в революционном и рабочем движении региона, невольно превращая узника «тюрьмы без решеток» в плакатного героя, «борца», «беззаветно преданного делу», «рыцаря без страха и упрека» и т. д.

В. И. Ленин прекрасно знал партийный состав сибирской ссылки. Отсюда, из этого знания, он делает еще один значительный вывод. В работе «По поводу двух писем», говоря о необходимости идейного и организационного размежевания с «попутчиками революции», он иллюстрирует свою мысль «составом тюремного населения, т. е. составом публики, находящейся в тюрьме, ссылке, каторге и эмиграции по политическим делам. Ведь этот состав, – говорит он, – правильно отражает действительность вчерашнего дня»²²⁹.

И здесь Ленин совершенно прав: революционное движение, его «приливы» и «отливы», социальный и партийный состав участников, географию и количественные показатели действительно можно изучать на основе анализа «тюремного населения». В этом смысле, политическая ссылка – верный «барометр» недалекого прошлого революционных боев в Европейской России.

Более того, именно статистические сведения о государственных преступлениях в России, по Ленину, и являются наиболее «поучительными», так как только «...они дают точный материал по вопросу о роли сословий и классов в освободительном движении в разные исторические эпохи»²³⁰.

Действительно, статистика государственной преступности точно отражает сословный и классовый состав революционеров. Именно по этому принципу В. И. Ленин и выделяет эпохи освободительного движения: 1827–1846 гг. (эпоха крепостного пра-

---

²²⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С. 293.

²³⁰ Там же. Т. 23. С. 397.

ва), 1884–1890 гг. (разночинцев), 1901–1903 гг. (предреволюционная) и 1905–1908 гг. (революционная)²³¹.

Как видим, именно ссыльная проблематика помогала В. И. Ленину обосновать важнейшие, «краеугольные», как принято было писать в советскую эпоху, положения российской политической истории XIX – начала XX в.

Не умаляя заслуг В. И. Ленина в выявлении закономерностей взаимоотношений государства и общества в императорской России, следует все же констатировать, что руководитель большевиков был далеко не единственным результативным исследователем этой проблематики. Помимо и независимо от него оценивали политическую ссылку в качестве «верного барометра» и показателя состава революционного движения и некоторые либеральные исследователи. Назовем здесь работы Т. К. Асина и Е. Н. Тарновского, А. Б. Вентина и В. Каменогорского, И. Ларского, А. В. Пешехонова и Я. Бермана²³².

Н. А. Рожков. Проблемы политической каторги и ссылки в Сибирь не могли не интересовать и Н. А. Рожкова. Много и плодотворно работая в сибирских изданиях, профессиональный историк и член Русского бюро ЦК РСДРП, Рожков с 1910 г. отбывал ссылку в Восточной Сибири, поэтому хорошо знал эту тему. Вместе с тем, отдельной работы вопросам политической ссылки Н. А. Рожков не посвятил, однако, в небольшой статье под названием «Исторический эскиз» сумел, пусть тезисно, поставить и по-своему решить две ее крупные проблемы²³³.

Прежде всего, автор буквально в несколько строк дает периодизацию сибирской политической ссылки. По его мнению, «уже в конце XVIII в. сюда следовали не одни уголовные ссыльные». В крае появились «новые струйки», «люди вроде Радищева». За Радищевым «явились декабристы», «...а потом этот поток невольных странников все расширялся и углублялся», и, нако-

---

²³¹ Там же. Т. 17. С. 397.

²³² Асин Т. К. К статистике арестованных и ссыльных // Русское богатство. 1906. № 10. С. 36 ; Тарновский Е. Н. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных // Журн. Мин-ва юстиции. 1906. № 4. С. 97; Вентин А. Б. К статистике репрессий в России (из итогов 1908–1909) // Современ. мир. 1910. № 4. С. 54–75; Каменогорский В. Якутская ссылка // Сиб. вopr. 1911. № 24–25. С. 4–46; Ларский И. Вопросы текущей жизни. Из быта ссыльных // Современ. мир. 1910. № 11. С. 75–92; А. В. П. [А. В. Пешехонов]. На очередные темы. Очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. № 7–9. С. ?; Берман Я. Об уменьшении государственной преступности в России // Право. 1914. № 18. Ст. 1461.

²³³ Сиб. студент. 1915. № 1–2. С. 83–88.

нец, сегодня мы являемся свидетелями и деятельными участниками работы нового потока «демократических пришлых сил».

Как видим, после декабристов Н. А. Рожков называет еще два периода, подразделяя, таким образом, всю, более вековую, историю политической ссылки (с 1790 г., и до 1915 г. – времени написания статьи) на три этапа – Радищева и декабристов; «поток невольных странников»; «поток демократических пришлых сил».

Автор не устанавливает хронологических рамок своей периодизации, а также не дает четкой характеристики второму этапу, называя его неопределенно «потоком невольных странников». Однако важно подчеркнуть, что последние два этапа определяются им в качестве именно «потока», что, на наш взгляд, может быть, своего рода, эквивалентом понятию «массовой ссылки». Значит, по Рожкову, массовой следует считать не только ссылку начала XX в., но и удаление в Сибирь государственных и политических преступников середины – конца XIX в. Здесь позиция Рожкова отлична от позиции официальной советской историографии, считавшей «с легкой руки» Я. М. Свердлова, началом «массовой» ссылки лишь период после поражения Первой русской революции 1905 г.

Свой взгляд у Н. А. Рожкова и на вклад политической ссылки в социально-экономическое развитие Сибири. Он считает, что декабристы заложили здесь «семена новой культуры». Для Рожкова не важна, например, хозяйственная деятельность декабристов, их опыты и обучение местных жителей овощеводству или ремеслам. Гораздо важнее вклад «дворянских революционеров» в общественную жизнь, «новую культуру» края. При этом под «культурой» он понимает, скорее всего, политическую культуру.

Велико значение в истории Сибири, по Рожкову, и второго «потока невольных странников». Они, как считает автор, «слились» с местной интеллигенцией – Полевым, Щаповым, Омудевским, Ядринцевым, Потаниным и многими другими, «усилив движение областничества». Именно это слияние позволило движению обрести поддержку в обществе, отказаться от «заблуждений», принесло в конечном итоге «положительные плоды».

Бесконфликтность, полное взаимопонимание, по всей видимости, характерны и для третьего этапа политической ссылки, на котором также «слились» «демократические местные и пришлые силы». Для Рожкова политическая ссылка и в этом

временном периоде не имеет своего самостоятельного звучания. Она действует вместе с либеральной буржуазией, при этом «плоды» этой совместной работы «еще не созрели», «но первые вестники окончательного пробуждения уже появились».

Н. А. Рожков достаточно четко и ясно определяет характер деятельности представителей двух последних этапов политической ссылки в Сибири. По мысли историка, это совместная работа на благо «сибирской демократии». Ни о каких конфликтах «местных» и «пришлых» сил не может быть и речи. При этом автор под «совместной работой» подразумевает только, естественно, легальные формы деятельности. Ссылные большевики, например, с их политическим подпольем для него не существуют.

Характеризуя современный период сибирской ссылки, Н. А. Рожков намеренно упрощает его содержание. Он не замечает нелегальной деятельности в Сибири ссылных социал-демократов, а также боевую работу эсеров, крупные колонии которых существовали в непосредственной близости от места поселения автора – в Черемхово, Тулуне, Киренском уезде. Именно совместная демократическая легальная работа в Сибири и является, по его мысли, предназначением политической ссылки.

Что же в конце этого пути, каковы, по Рожкову, результаты этих усилий? Конечно же, кооперация. «Кооперация – вот знамение этой организации и залог грядущей полной самодеятельности и сознательности. Вооруженное им, сибирское крестьянство и городское население, сознательно встретят грядущие великие перемены... Все устроится, все будет достигнуто, все сделано, если мы будем помнить и осуществлять в жизни великий демократический принцип «в единении сила».

Как следует, Н. А. Рожков, рассматривая историю общественного развития России как чередование «эволюционных эпох», где революция лишь «ускоренная эволюция», и историю политической ссылки представляет в виде бесконфликтного сотрудничества «невольных пришельцев» и «местных интеллигентных сил» на благо социально-экономического единения и кооперации «массы сибирского населения». Нетрудно заметить слабые стороны этой точки зрения.

Я. М. Свердлов. Как известно, Я. М. Свердлов, отбывая в 1913–1917 гг. очередную «царскую» ссылку на севере Енисейской губернии, постоянно корреспондировал в газеты о тяжелой жизни своих товарищей, а затем, обобщив имевшиеся в его рас-

поряжении материалы, написал несколько обобщающих работ, которые по широте постановки задач, глубоким научным выводам заняли видное место в советской историографии. Рассмотрим здесь лишь одну из статей Свердлова под названием «Масовая ссылка (1906–1916 гг.)»²³⁴.

Для начала отметим, что Свердлов вполне профессионально определяет место и роль массовой ссылки в охранительной политике государства. При этом у него ссылка в табели о наказаниях занимает третье место после «виселицы» и тюрьмы. Это в целом правильно: ссылка нередко назначалась в качестве милости, заменяя смертную казнь, и следовала после длительного тюремного заключения.

Справедливости ради надо сказать, что верно классифицируя политическую ссылку в системе наказаний, Я. М. Свердлов все же допускает некую досадную «художественную вольность». «В арсенале борьбы с революционным и вообще общественным движением, – пишет он, – ссылка издавна занимала почетное место»²³⁵.

«Почетное», безусловно, не научное определение, да и не определение в принципе. Скорее всего, это опять же литературный прием, навеянный, например, журналом «Русское богатство», уделявшим, как известно, большое внимание описанию современной политической каторги, тюрьмы и ссылки. Годичные подшивки этого журнала, судя по эпистолярному наследию, Я. М. Свердлов исправно получал в Туруханской ссылке.

Правильно определив место политической ссылки во внутренней политике государства, Я. М. Свердлов также верно указывает и ее функции. И если у большинства либералов и радикалов ссылка – это просто карательная мера государства по отношению к любому общественному оппозиционному движению, то у Свердлова этот институт многофункционален. Во-первых, она должна была «внести успокоение в разбушевавшиеся народные массы», во-вторых, «удалить с арены общественной борьбы наиболее беспокойный элемент». Таким образом, ссылка, по Свердлову, предназначена, прежде всего, в качестве меры предупредительной, далее изоляционной и, в последнюю очередь, карательной²³⁶.

---

²³⁴ Свердлов Я. М. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 65–87.

²³⁵ Свердлов Я. М. Указ соч. С. 65.

²³⁶ Там же.

Как видим, исследуя институт политической ссылки, Я. М. Свердлов в своих выводах о его функциональных задачах продвинулся гораздо дальше абсолютного большинства авторов либерального и радикального лагеря. В отличие от основной массы своих предшественников, он объективен, а результаты его заключений лишены какой-либо идеологизации.

Статья Свердлова «Массовая ссылка» примечательна и тем, что в ней автор пытается дать периодизацию революционного движения в России. Сегодня трудно с полной уверенностью определить, читал ли Я. М. Свердлов работу Ленина «Роль сословий и классов в освободительном движении»? Как известно, эта статья впервые была опубликована в «Северной правде» в конце августа 1913 г. и могла с почтой все же попасть в Туруханский край. Так или иначе, в «Массовой ссылке» Свердлов дает свою, отличную от ленинской, периодизацию революционного движения.

Первым этапом (периодом) движения автор считает народольческий, возникший в 1870-е гг. Второй – датируется 1890-ми гг. По мысли Свердлова, он мало отличается по составу участников от первого. Третий этап размыт, во временном отношении не конкретен, можно лишь предположить, что его начало относится автором к концу 1900-х гг.

Свердлов полагает, что каждый из этапов характеризуется особенностями состава участников, и это справедливо. В первом и втором этапах движение было представлено, по мысли автора, главным образом, учащейся молодежью, интеллигенцией вообще. Рабочие и крестьянство давали своих представителей единицами. Но в 1890-х гг. эти единицы уже гораздо заметнее.

Ссылка в эти периоды, как пишет Я. М. Свердлов, имела несколько отличительных особенностей. Среди них он выделяет идейную однородность ее состава. Отличаясь, иногда очень сильно, по своему социальному происхождению, имея «разноголосицу» программного, принципиального характера, ссылки двух первых периодов были объединены «идейным» сходством. Случайный элемент, почти или совершенно чуждый сознательному революционному движению, действительно был очень редок²³⁷.

По мысли Я. М. Свердлова, начало нового века сопровождалось вступлением в движение широких пролетарских масс, что

---

²³⁷ Свердлов Я. М. Указ соч. С. 66.

сразу же отразилось на составе политической ссылки. Если до 1905–1906 гг. в ссылку шли единицы, представители массы, выдвинувшиеся из нее, то с этого времени пошла сама масса.

Как видим, Я. М. Свердлову удалось дать не только периодизацию революционного движения, но и выделить основные черты политической ссылки – однородный характер ее состава, высокий культурный уровень, идейное единство. Вместе с тем вызывает вопросы полное забвение автором движения декабристов как такового и декабристской ссылки в Сибирь, в частности. Восстание декабристов исследователь, по всей видимости, не считает этапным, даже не упоминая о дворянских революционерах. Нет упоминания у Свердлова и о ссыльных поляках, на протяжении всего XIX в. составлявших в сибирском регионе абсолютное большинство от общего числа политических изгнанников.

Основное место в своей статье Свердлов отводит подробному анализу именно массовой ссылки. О ссылке же народнической он пишет мало, вскользь. Безусловно, задача проанализировать ссылку середины 1880–1890-х гг. автором и не ставилась, однако создается впечатление, что он намеренно не касается этой темы.

Такое отношение к декабристской, польской и народнической ссылкам объясняется явным пренебрежением к дворянским революционерам, свойственным для части социал-демократов. Отсюда становится понятным и стремление автора преуменьшить как масштабы ссылки XIX в., так и ее влияние на местное население. «Даже в разгар народовольчества, – пишет Я. М. Свердлов, – ссыльные были рассеяны небольшими островками. И только студенческие выступления начала 1900-х гг., а также рабочее движение, дали первые крупные колонии политссыльных»²³⁸.

Несомненной заслугой Свердлова является научная классификация и периодизация массовой политической ссылки.

В своей работе автор четко выделяет четыре категории массовой ссылки: ссылка на поселение; административная высылка; смешанный тип ссыльных; ссылка по подозрению в шпионстве, пособничестве врагу, связях с «германцами», порожденная исключительно Первой мировой войной. Основное внимание он уделяет административной и поселенческой ссылкам. Самым подробным образом автор анализирует их особенности, выделяя при этом, характер расселения, численность по перио-

---

²³⁸ Свердлов Я. М. Указ соч. С. 66.

дам, социальный состав, партийность, возрастные отличия, условия содержания и даже отношение к побегам.

Такой комплексный подход дает Я. М. Свердлову возможность, пожалуй, первому из исследователей, составить максимально полную характеристику массовой политической ссылки. Автор убедительно показывает, что для административных высылки правительство выбирало прежде всего северные губернии империи и лишь затем Западную и Восточную Сибирь. Социальный состав административно-ссылных был самым «разношерстным» – рабочие-стачечники, «массовики», «аграрники», студенты, интеллигенты, разночинцы, профессиональные революционеры, анархистствующие элементы, «политические уголовники».

Ссылнопоселенцев селили в основном в Восточной Сибири, прежде всего в Иркутской губернии и «Якутке». Они делились на сосланных по суду, а также на отбывших каторгу и вышедших на поселение. Их социальный состав был более однородным, однако и здесь было множество «элементов» – солдаты, военные, крестьяне, рабочие, партийная интеллигенция.

Отсутствие денежного содержания заставляло ссылнопоселенцев более основательно устраиваться в Сибири, глубже «пускать корни», обзаводиться семьями. Автор подчеркивает, что поселенцы оказывали и большее позитивное воздействие на местное население.

Я. М. Свердлов первым из исследователей подробно анализирует категорию ссылных «аграрников». Высланные за участие в поджогах и потравах помещичьей собственности, эти крестьяне, по мнению автора, в Сибири попадали в привычные для них условия. Они расчищали новые места под пашню, разводили огороды, а отсутствие «господского» землевладения, освобождение от податей и налогов, некоторые льготы для ссылных на приобретение инвентаря и домашнего скота – все это в сочетании с упорным трудом со временем превращало аграрников в зажиточных крестьян-сибиряков.

Автор делает вывод: «аграрники» ничем не отличались от «обычных» крестьян, в них не было никакой «революционности» или «политики». Держась обособленно, они жили своим «миром» и на физиономию политической ссылки никакого влияния не имели.

Сравнивая административную и поселенческую ссылки, Я. М. Свердлов первым из исследователей обращает внимание и

на различное отношение этих категорий к побегам. Его наблюдения интересны, хотя и небесспорны.

Прежде всего, автор обосновывает существование прямой зависимости количества побегов от революционной ситуации в стране. В первый период массовой ссылки, когда в России продолжались рабочие и крестьянские выступления, тяга изгнанников к активной деятельности была столь высока, что, по выражению автора, «колонии пустели, и мало кто из сознательных, интеллигентных ссыльных не бежал в это время обратно к тому общественному делу, от которого был оторван»²³⁹.

Побеги этого периода Я. М. Свердлов называет «обычным», «заурядным» явлением. Однако ситуация резко меняется после 1908–1909 гг. Разгром рабочего и революционного движения в России и Сибири, ослабление оппозиционных процессов в обществе напрямую сказались и на масштабах побегов: революционеры оставались на местах поселений и уже не рассматривали, по мысли автора, свое пребывание в ссылке «как небольшую остановку по пути к родным местам»²⁴⁰.

Отношение к побегам у административно-ссыльных и ссыльнопоселенцев, утверждает Я. М. Свердлов, было различным. Если административные бежали, главным образом, стремясь вернуться к общественной жизни, то у поселенцев этот стимул имел минимальное значение, а их побеги были достаточно редким явлением.

Подобное утверждение выглядит, по крайней мере, уязвимым. Прежде всего, автор не подкрепляет его фактическим материалом, а значит, оставляет бездоказательным. Во-вторых, не ясно, на основании чего он приходит к убеждению о практическом отсутствии у поселенцев стремления вернуться к активной революционной деятельности в России. Хорошо известно, что среди ссыльнопоселенцев было больше профессиональных партийных работников, а именно они, как правило, и стремились к побегам, пользуясь материальной поддержкой партийных руководящих органов и хорошо отлаженными конспиративными связями.

От побегов ссыльнопоселенцев не могли удержать даже суровые кары, побеги этой категории ссыльных продолжались, достаточно назвать несколько «громких имен»: Е. К. Брешко-

---

²³⁹ Свердлов Я. М. Указ соч. С. 69.

²⁴⁰ Там же. С. 70.

Брешковская, А. М. Винокамень, Л. И. Гольдман, Л. Г. Дейч, В. Б. Нахманберг, Г. К. Орджоникидзе, М. М. Школьник и мн. др.

Говоря о различиях административно-ссылных и ссыльнопоселенцев, а также их побегах, Я. М. Свердлов просто не мог не коснуться и такой непростой темы, как отношение местных властей к высланным и осужденным революционерам. И здесь он занимает свою, отличную от многих исследователей, позицию.

В отличие, например, от Дж. Кеннана, представлявшего в своих работах сибирских чиновников Министерства внутренних дел и тюремного ведомства в качестве «сатрапов», неустанно следивших за каждым шагом политссылных и подвергавших их постоянным и унижительным обыскам, Я. М. Свердлов подчеркивает несостоятельность и неэффективность полицейского надзора в Сибири. У автора местные власти в силу своей малочисленности просто не способны противостоять побегам ссыльных. Не могут они справиться и с «безобразиями анархистов и уголовного элемента». «Не страхом полицейских кар, – пишет автор, – можно было сдержать подобную массу, тем более что один надзиратель приходился на полтора-два десятка ссыльных»²⁴¹.

Именно недостаток полицейских чинов, по мнению автора, заставлял местные власти «закрывать глаза» на массовые самовольные отлучки ссыльных, а также на периодические их перемещения в пределах нескольких уездов без особого на то разрешения. По той же причине становые приставы, призванные осуществлять надзор на огромных территориях, зачастую отрезанных бездорожьем от уездных центров, вынуждены были, как пишет автор, *volens-nolens* мириться с существованием формальных организаций ссыльных – касс взаимопомощи, библиотек, кружков политического самообразования, общественных столовых и даже рукописных газет и журналов.

Несомненной заслугой Свердлова является разработка периодизации массовой административной политической ссылки. Сравнительно небольшой десятилетний период ее существования автор делит на три части: 1905–1907 гг., затем 1907–1910/11 гг. и далее – с 1911 по 1916 гг.²⁴².

Первый период, пишет он, совпал с неутраченными надеждами на возможность близких перемен во внутреннем строе

---

²⁴¹ Свердлов Я. М. Указ соч. С. 70.

²⁴² Свердлов Я. М. Указ соч. С. 78.

России. Именно в это время политическая ссылка переживала как численный «прилив», так и массовые побегі революционеров. Ее социальный состав отличался необычайной пестротой вступившей в движение «массы»: рабочие, «аграрники», солдаты, работники легальных организаций и, конечно же, подпольщики-профессионалы. Последние «задавали» в ссылке «тон», но с каждым побегом их становилось все меньше.

Начало следующего периода, по мысли Я. М. Свердлова, ознаменовалось «насильственной смертью» II Государственной думы. События в России породили «разочарование» в революционном движении, что, в свою очередь, незамедлительно отразилось на социальном составе сибирской ссылки. В колонии административных стал попадать практически уголовный или просто уголовный элемент, ничего общего с революционным движением не имевший. В ссылке возникли многочисленные анархистские группы, а вооруженные экспроприации стали, своего рода, «бытовым явлением».

Второй период, пишет Я. М. Свердлов, стал самым тяжелым временем для «политиков». Примечательно, что автор не делит эту ссылку по партийному признаку. Все ссыльные разделились, как он считает, на две категории – «выражаясь резко, на идейных и хулиганских»²⁴³.

Автор подробно описывает особенности обеих категорий – малочисленность, но стойкость и широту интеллектуальных интересов одних, пьянство, воровство, грабежи и экспроприации других. «Страшная пестрота», «неразбериха» и «разношерстность» – вот что отличало колонии этого времени.

После 1911 г., по мысли автора, наступает последний, современный период ссылки. Весь «хулиганствующий элемент», отбыв положенные сроки, исчез из Сибири. Его сменили рабочие-подпольщики, пропагандисты, лидеры легальных объединений. Колонии выросли численно, достигнув уровня 1905–1907 гг. Ни до, ни после этого периода, как пишет Свердлов, не уделялось так много внимания самообразованию: ссыльные «увлеклись учебой», в колониях читались рефераты по общественным вопросам, активно работали библиотеки. Уголовная ссылка практически канула в прошлое. В местах поселений возобладал «чисто политический элемент». При этом, и это неоднократно

---

²⁴³ Свердлов Я. М. Указ соч. С. 76.

но подчеркивает автор, « всю работу, которую обычно с давних времен выполняли интеллигенты, взял на себя рабочий»²⁴⁴.

Внимательное изучение работы Я. М. Свердлова ставит перед современным исследователем закономерный вопрос о ее источниковой базе. Сводные данные автора о составе, структуре, численности политической ссылки за 15 лет наталкивают на мысль о имевшемся у Свердлова разнообразном документальном материале. Однако сам он об этом практически не упоминает. По всей видимости, в распоряжении автора была лишь газетно-журнальная публицистика, а также данные личных опросов, проведенных как среди ссыльных товарищей, так и местных жителей. В этих условиях создание столь обобщающего научного труда – яркое свидетельство таланта Свердлова-исследователя. Именно Свердлов обозначил основные направления изучения истории политической ссылки в Сибирь. Анализ советской историографии доказывает, что как в 1920–1930-е гг., так и в послевоенный период вплоть до середины 1990-х гг. исследователи истории политической каторги и ссылки использовали, развивая и конкретизируя, абсолютное большинство выводов и заключений именно Свердлова и, конечно же, В. И. Ленина. Вот почему, есть все основания считать, что работы этих авторов – своего рода начальный этап советской историографии.

В. С. Войтинский. Среди авторов, относящихся к радикальному оппозиционному лагерю, распространение имела и патетическая манера изложения материала. Их работы отличает возвышенный стиль, воспевание «жертвенного подвига» революционера «во имя счастья» народа.

В подобной манере, например, писал в 1910–1914 гг. часть своих работ В. С. Войтинский²⁴⁵.

Вот как описывает автор «серые тюремные будни» в работе «Призраки»: «Писарь на счетах подводит наличие в тюрьме заключенных, щелкая при этом костяшками, говорит об “убыли”, “расходе”, прибыли. Стучат мертвые кости, кости покойников, кости погибших, замученных здесь...»²⁴⁶.

---

²⁴⁴ Там же. С. 77.

²⁴⁵ Войтинский Вл. Смертники // Вестн. Европы. 1910. № 78. С. 121–147; Войтинский Вл. Призраки // Русское богатство. 1913. № 7. С. 20–35; Войтинский Вл. После взрыва // Русское богатство. 1913. № 8. С. 101–122.

²⁴⁶ Войтинский Вл. Призраки... С. 22.

Вл. Войтинский основное внимание сосредоточивает на раскрытии внутреннего мира политических ссыльных. Образным, эпическим языком он воспевает готовность революционеров к смерти, самопожертвованию. Не случайно, так много автор пишет о яде, о самоубийстве. Его товарищ просит уступить ему яд. «Я колебался. Затем сделал опыт: выломал кусочек стекла из окна и глубоко разрезал себе тело рядом с артерией. Убедился, что стекло входит в тело так же легко, как и нож. Только тогда я расстался с ядом, который хранил для себя...»²⁴⁷.

Вместе с желанием и готовностью к самопожертвованию у Войтинского отчетливо проглядывает и еще одна черта – гипертрофированное отношение к своему «я». Отсюда и гиперболизация трудностей и невзгод тюремной жизни, патетика. Более того, автор невольно или вольно просто любит себя своим несчастьем, бесконечно в одной манере пересказывая свои чувства и переживания. При этом лишь любовь к своему народу помогает политическому ссыльному пройти достойно через все испытания. Поэтому все работы автора венчает мажорный, «светлый» конец: «С каторги вынес я на волю прекрасные, как солнце, образы красоты и любви. И они-то зовут меня к счастью и к радости, они-то и зажгли вокруг меня блестящие звезды...»²⁴⁸.

М. К. Цебрикова. Изучение истории политической ссылки и каторги в Сибирь в императорской России являлось делом сугубо мужским. Трудно понять, почему? То ли тема такая «тяжелая» и безрадостная, или по другой причине, но исследователей-женщин у нее практически нет. Женщины-революционерки – Е. К. Брешко-Брешковская, В. Н. Фигнер, М. А. Спиридонова и некоторые другие – оставили нам лишь яркие воспоминания о том периоде движения, который у каждой, как правило, заканчивался схоже – пропагандистский кружок, арест, долгое следствие, суд, путешествие в Сибирь, Кара или Мальцевская тюрьма, поселение среди нечутких к революционному слову сибиряков. Однако в богатой мужскими именами историографии темы есть все-таки яркий женский образ – Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917).

Ее имя было хорошо знакомо читающей России. Мария Константиновна была известным в свое время общественным

---

²⁴⁷ Войтинский Вл. Призраки ... С. 81.

²⁴⁸ Там же. С. 35.

деятелем, борцом за равноправие российских женщин, талантливым литературным критиком и публицистом, активным сотрудником «Отечественных записок». Она была знакома с В. В. Берви-Флеровским, с членами кружка «чайковцев», которые в 1873 г. издали и в дальнейшем активно использовали в пропагандистских целях ее рассказ «Дедушка Егор».

В 1889 г., испытывая сильнейшую внутреннюю потребность что-то поменять в стране, и будучи противницей заговоров и террора, «уносящего», как она считала, «лучшую молодежь», Цебрикова опубликовала свое знаменитое открытое письмо Александру III, за что, конечно же, была наказана административной ссылкой в Вологодскую губернию. К письму была подготовлена обширная статья под названием «Каторга и ссылка», изданная за границей при непосредственном участии автора. Остановимся на этом документе подробнее.

Основой для написания статьи послужили две тетради писем политических ссыльных, доставленные автору через «Красный Крест». Извлечения из писем, а также обширнейшие авторские комментарии, и составляют основное содержание брошюры, делая ее, помимо прочего, ценным источником по истории политической каторги и ссылки в Сибирь²⁴⁹.

Все письма относятся к 1890 г. По всей видимости, автор долгое время скрывала их, не теряя надежды когда-нибудь предать огласке. «Будущий историк, – пишет Цебрикова, – найдет в этих письмах картину нашего мрачного времени. В ней он отдаст видное место каторге и ссылке, потому что в той и другой, как в наиболее остром и болезненном проявлении нашей общественной неурядицы, всего рельефнее и ярче проступают беззакония и произвол бюрократической анархии, слепота и отсутствие политического смысла наших государственных людей, подрывающих порядок, который они мнят охранять»²⁵⁰.

Итак, автор считает политическую ссылку «наиболее острым и болезненным проявлением нашей общественной неурядицы». Не только охранительной или карательной мерой, а прежде всего проявлением общественной неурядицы. Определяя таким образом политическую ссылку, она обвиняет в ее существовании не только государство, но и, на наш взгляд, часть

---

²⁴⁹ Цебрикова М. К. Каторга и ссылка. СПб. : Б-ка «Светоча», 1907. № 27. 48 с.

²⁵⁰ Там же. С. 19.

общества, избравшую для борьбы с правительством крайние меры. Это позволяет сделать предположение о политическом *credo* автора – по всей видимости, она разделяет доктрину левой части партии конституционных демократов или народников «земского», либерального толка.

Автор сразу же оговаривается: она не ставит в своей брошюре задачу рассмотреть «теоретические основы» политической каторги и ссылки. Для нее ссылка – прежде всего мера охранительная. Государство имеет право и должно защищаться. При этом «меньшинство, хотя бы во имя блага народа, не имеет права прибегать к насильственным и кровавым мерам с целью переворота, когда масса способна только сносить гнет с глухим недовольством»²⁵¹.

Как видим, автор хотела бы остаться где-то в центре между двух крайних направлений – жестокостей правительственной ссылки с одной стороны и экстремизмом «меньшинства», прибегнувшего в годы революции «к крайним мерам», с другой.

Такая позиция не мешает, а скорее помогает автору сформулировать цель статьи – «держась твердо почвы фактов, доказать одно, что ссылка и каторга за политические преступления в сущности только месть русского правительства, месть жестокая и беспощадная, но вовсе не целесообразная мера оградить свою неприкосновенность и упрочить порядки самодержавия»²⁵².

Позицией автора определяется и еще одна особенность статьи. Ее работа распадается на две практически равные части – критику государственного курса применения политической каторги и ссылки, и здесь же попытку дать объективную оценку внутреннего состояния самой ссылки. Посмотрим, как автор решает обе задачи.

Критика государственной политики начинается с призыва к читателю сделать анализ политической преступности. Только в России, говорит автор, такой высокий процент противников «образа правления и общественного строя». Тому есть, конечно же, объективные причины. В большей мере – это прямой результат ненормальности всего государственного и социального строя. Но процент этот раздут привлечением к делу «по пустейшим поводам». Поводом к аресту и административной высылке

---

²⁵¹ Цебрикова М. К. Указ соч. С. 6.

²⁵² Там же.

мог быть простой листок, взятый из любопытства, «из похвальбы». Отсюда – массовые ссылки в Сибирь молодежи, «почти детей», так до конца и не уяснивших, в чем же заключается их вина.

Жестокость правительства, по мысли Цебриковой, многократно усиливается в местах ссылки чиновниками политической полиции и тюремного управления. Их невежество и недобросовестность приводят к тому, что политические ссыльные в Сибири оказываются, по существу, совершенно незащищенными. Их права не соблюдаются, жалобы не попадают по месту назначения – кто же из начальства, – спрашивает автор, – даст ход жалобе на себя?!

Ее поражает возможность ссылки не только по «раздутым» делам, но и за пропаганду идей, ставших во всем мире давно достоянием не политики, а философии и истории. За чтение книг Лассалья фабричным рабочим, например, можно было получить 12 лет каторжных работ. И это в стране, позиционирующей себя просвещенной европейской державой!

В таком же ключе автор подвергает критике и другие стороны ссылки. Например, поводом к административной ссылке может служить не нарушение закона, а простое бытовое предубеждение к преступнику или личная неприязнь какого-либо чиновника. При этом дальнейшая участь подследственного может зависеть от одного-двух сфабрикованных писем или же простого доноса.

Но главный недостаток политики каторги и ссылки Цебрикова видит не в отдельных нарушениях закона или порядка применения охранительных мер. Основная ошибка правительства, по ее мнению, заключается в том, что, ссылая и назначая в каторжные работы, оно приумножает ряды своих противников. На смену одного приходят сотни, при этом в обществе падает вера в правительство и, наоборот, популярность ссылки возрастает. Дальнейшее продолжение политики каторги, следовательно, не только губительно, но и преступно.

Необходимо подчеркнуть, что автору небезразлична дальнейшая судьба Российского государства. Создается впечатление, что автора больше волнует престиж правительства, падение его популярности в зависимости от новых высылки «неблагонадежных». «Курс наш падает после каждой крупной политической облавы, – пишет автор. Правительства Запада считают, что такое огромное количество политических преступников – сви-

детельство того, что российское правительство падет не сегодня, так завтра»²⁵³.

Подводя итоги изъяснам государственной политики каторги и ссылки, автор отмечает, что для правительства пропали даром уроки истории, «ведь чувство глубокой и жгучей жалости к ссылным и каторжанам может вызвать у простого человека только одно – ненависть к самодержавию». Будущее мрачно, и само правительство, заключает автор, делает для приближения его более, чем революционеры. На стороне врагов правительства нравственная мощь, и государство усиливает ее каторгой и ссылкой²⁵⁴.

Надо констатировать, что поставленная задача – показать нецелесообразность каторжной политики – автором выполнена блестяще.

Работа Марии Константиновны интересна и тем, что в ней дается собирательный портрет самой сибирской политической ссылки. Цитируя письма, автор подчеркивает материальные трудности ссылных – отсутствие денежных средств, неустроенность этапов, произвол конвойных команд, холод и болезни. Хорошо заметно, что она сострадает несчастным, сочувствует их готовности к самопожертвованию. Но читаем дальше: «на место загнанных в тундры Сибири, – пишет Цебрикова, – являются новые враги, которых плодят фанатизм, озлобление, жажда подвигов»²⁵⁵.

«Фанатизм, озлобление, жажда подвигов» – это уже контуры социального портрета политической каторги и ссылки. В отношении к ней у Цебриковой – никакого пафоса и восторга, присущего части либеральной литературы. Именно в фанатизме осужденных видит она и одну из причин популярности в обществе революционной молодежи, готовой пойти на каторгу: «Кара не устрашает. Если являются кающиеся, то это или сломленные, или предатели. Они примыкают к правительству, но ему это авторитета не прибавляет. А между тем, год от года все крепче и шире вырабатываются предания каторги и ссылки, растет культ ее. Из пятнадцатилетней государственной преступницы вышла Засулич – пример, какой пропагандой крови служит каторга и ссылка»²⁵⁶.

---

²⁵³ Цебрикова М. К. Указ. соч. С. 15.

²⁵⁴ Цебрикова М. К. Указ. соч. С. 47.

²⁵⁵ Там же. С. 8.

²⁵⁶ Там же.

Столь же «пагубно», по мысли автора, влияет политссылка и на жителей Сибири. Они видят этапы, общаются со ссылными, замечают, что это не страшные преступники, их нет нужды бояться, при этом постепенно проникаются сочувствием к ним. У крестьян, предостерегает автор, создается опасное для правительства убеждение, что эти люди «жалели народ» и только за это пострадали. Характеризуя облик политической ссылки, М. К. Цебрикова пишет не только о ее тяжелом материальном положении, но и подчеркивает отдельные факты морального разложения. При этом автор пишет о «разъедающей тоске, о накапливающемся озлоблении», о пьянстве. Спиваются, – констатирует она, – сотни и тысячи людей. Ссылка при этом из меры охранительно-исправительной превращается в меру развращающую.

Единственным средством от всех социальных болезней ссылки Цебрикова считает труд. «Труд – есть здоровое отвлечение от разъедающей тоски, в которой копится озлобление». Надо давать полную свободу заработка, утверждает она. Помимо чисто прагматического значения, труд, по мысли автора, выполняет и «нравственную» функцию: «поднимает культуру пустынных углов».

М. К. Цебрикова пытается развенчать ореол политической ссылки в глазах молодежи. Для нее осужденные на каторгу революционеры не народные герои, а, в основном, случайно попавшие прямо со школьной скамьи по «ложному доносу» или просто по «недоразумению» молодые люди. Есть среди них и фанатики, утверждает автор, но большинство ссылных составляют вчерашние студенты или гимназисты, которые только в ссылке становятся врагами государства. Трудно не согласиться с автором.

Н. И. Шебеко. Говоря об историографии политической ссылки начала XX в., следует рассмотреть и работы, вышедшие из-под пера авторов, призванных охранять «устои» государства от действий революционеров. Сделаем это на примере публикации Н. И. Шебеко.

Политическая ссылка в Сибирь находилась под пристальным вниманием не только научной публицистики. Не менее тщательно исследовалось это наказание и в Министерстве внутренних дел, в том числе, в Главном тюремном управлении, а также на местах – в губернских и областных экспедициях о ссылных и в тюремных инспекциях. Вопросы размещения и

быта ссыльных контролировались и генерал-губернаторами, полицмейстерами и станowymi приставами. Чиновники различного ранга, «по долгу службы» призванные осуществлять карательную и пенитенциарную доктрины государства, знали эти проблемы во всех деталях и мелочах.

Имея возможность исследовать политическую каторгу и ссылку «изнутри», официальная историография, прежде всего, обращала внимание на ее недостатки. Показательна в этом отношении работа, составленная князем Н. Н. Голицыным, отредактированная и изданная под редакцией товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Н. И. Шебеко²⁵⁷.

Одним из главных недостатков системы каторги и ссылки авторы-составители «Хроники...» считали частые побеги революционеров из Сибири. При этом, как следует, бывший ссыльный весьма часто подпольной работе в России предпочитал эмиграцию. Там, за границей империи, он незамедлительно становился в ряды борцов с самодержавием, используя при этом все средства «свободной» европейской периодической печати. Его публикации, «разоблачения» ужасов сибирской каторги и ссылки наносили, по мысли представителей официальной историографии, ощутимый удар по международному престижу России.

Генерал Шебеко стремится вскрыть причины частых побегов революционеров из Сибири. Прежде всего, он считает «крайне недостаточным контингент полиции» в местах поселений, а также «средства надзора» за политическими преступниками. «Сосланный в обширные края Сибири революционер часто имеет полную возможность освободиться от административного ярма»²⁵⁸.

Беспокоят Шебеко и последствия этих побегов. По его мысли, успех каждого беглеца «наэлектризовывает» общество, «фанатизирует» молодежь, усиливает революционное движение. Побег создают и иллюзию «безнаказанности», уничтожают «действие суда и закона».

Каким же образом следует бороться с беглецами? Автор подробно исследует историю этой борьбы. Первоначально, в 1870-х гг., когда правительство впервые столкнулось с этой пробле-

---

²⁵⁷ Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 : офиц. отчет. М. : Изд. В. М. Саблина, 1906. 340 с.

²⁵⁸ Там же. С. 93.

мой, ее пытались решать, идя по пути сокращения самой ссылки, действуя по принципу: «Меньше отправим, меньше и убежит!» Столь своеобразный «полицейско-бюрократический» подход к делу, конечно же, не мог принести положительных результатов: из ссылки бежали не только «закоренелые социалисты и анархисты», но и более «умеренно настроенные противники» режима. Шебеко приводит и примеры подобных побегов: «В 1879 г. было около 50 побегов, ... только в начале 1880 г. из Иркутской тюрьмы бежал Фомичев с семьей другими заключенными; в мае из Верхоленска бежал Пыляев; из Томской губернии А. Бутовская, из Тобольской – С. Бардина...»²⁵⁹.

Сокращать высылки преступников было невозможно, поэтому правительство пыталось решить проблему побегов за счет строительства новых и реконструкции старых тюремных замков – Ново-Борисоглебского, Ново-Белгородского, Мценского и Вышне-Волоцкого. Кроме этого всерьез разрабатывались проекты, предусматривавшие возможность «водворять социалистов в особых местностях, с целью устройства специальных колоний для лиц, приговоренных к ссылке»²⁶⁰.

Несмотря на принимавшиеся меры, число беглецов не уменьшалось. В чем все-таки причина столь неэффективной работы полицейского надзора за ссыльными? Генерал Шебеко, проанализировав результаты действий правительства, нашел в них главный, по его мнению, изъян. Что позволяет, рассуждает автор, бежавшему из Сибири ссыльному революционеру практически без труда эмигрировать в Европу или Америку? – Отсутствие закона о выдаче или депортации политического преступника.

Автора возмущают многочисленные факты, когда ушедший за границу России преступник, совершивший на родине несколько террористических актов и «экссов», совершенно свободно чувствует себя в «соседнем государстве». Преступник оказывается «защищенным от преследований», «разыгрывает роль жертвы политических взглядов», «пользуется даже протекцией со стороны правительства». Шебеко считает, что «этот щекотливый вопрос международного права, вопреки всяким идеям справедливости», переродился в обыкновенное «укрывательство наиболее бесстыжих преступников»²⁶¹.

---

²⁵⁹ Хроника социалистического движения ... С. 136.

²⁶⁰ Там же. С. 97.

²⁶¹ Там же. С. 289.

По мысли Шебеко, возможность для преступника легко получить практически в любом европейском государстве политическое убежище и лежит в основе все увеличивающегося числа побегов ссыльных и административно высланных революционеров из Сибири. Решение проблемы побегов, по логике генерала, зависит только от решения этого «щекотливого международного вопроса». Между тем договор о выдаче уголовных преступников Россия имеет лишь с Баварией (1869 г.), Герцогством Гессенским (1869 г.), Голландией и Княжеством Монако. А с Германией, например, страной со смежной границей, тянувшейся на протяжении многих сотен километров, «существовал лишь простой обмен министерских нот...»²⁶².

Рассуждения генерала Шебеко не безосновательны. Достаточно, например, вспомнить деятельность Самарского бюро организации «Искры», служившей, своего рода, перевалочной базой для бежавших из Сибири за границу революционеров, организационно-теоретическую работу группы «Освобождение труда» Г. В. Плеханова, эффективную помощь ссыльным Сибири от заграничного Красного Креста «Народной воли» и Комитета Сибирской кассы (Цюрих), деятельность Краковского Союза помощи политическим заключенным и ссыльным. По данным В. Я. Гроссула, в 1883–1895 гг. на Балканах совершенно легально издавались как на русском, так и болгарском языках публицистические сочинения М. Бакунина, В. Бурцева, М. Драгоманова, С. Степняка-Кравчинского, П. Кропоткина, В. Короленко, П. Лаврова, М. Цебриковой²⁶³.

Перечень примеров, свидетельствовавших о плодотворной антиправительственной работе за границей бежавших из сибирской ссылки революционеров, можно было бы и продолжить. Все они служат доказательством правильности выводов Шебеко: отсутствие соглашений о депортации или выдаче государственных преступников между Россией и странами Западной Европы являлось одним из факторов, способствовавших увеличению масштабов бегства осужденных из сибирской ссылки.

Несмотря на успешное, на наш взгляд, исследование столь специфического сюжета общей темы истории политической тюрьмы, каторги и ссылки в Сибирь, каким следует считать по-

---

²⁶² Хроника социалистического движения ... С. 290.

²⁶³ Гроссул В. Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. М.: Наука, 1988. С. 245.

беги революционеров, Шебеко все-таки в ряде своих выводов не удалось сохранить объективность. Это касается, прежде всего, фактической стороны исследования. Его цифры, характеризующие рост революционных проявлений в обществе, выглядят явно заниженными, что было отмечено уже автором предисловия, скрывшего свою фамилию под инициалами «В. К.», а также В. Р. Лейкиной-Свирской, указавшей на расхождения данных «Хроники» с цифрами Департамента полиции²⁶⁴.

Главным же, на наш взгляд, недостатком «Хроники» Шебеко является нежелание авторского коллектива исследовать подлинные причины увеличения побегов революционеров из сибирской ссылки. Этот процесс, безусловно, был связан не столько с существованием открытой границы между Россией и рядом европейских держав, сколько с ростом революционной активности политических партий, рабочего класса и крестьянства, вызванных отсутствием у правительства стремления к политическим и социально-экономическим реформам. Исследуя следствие явления, а не его причину, авторы «Хроники», как это порой видится из их текста, готовы всерьез считать, что революционер попадал в сибирскую ссылку намеренно, лишь для того, чтобы, бежав за границу, рассказать всему миру о ее «ужасах» и окончательно подорвать престиж России.

Д. А. Дриль. О состоянии тюрьмы, каторги и ссылки на рубеже двух веков пишет и Д. А. Дриль. Он подробно рассказывает о содержании заключенных, их физическом и нравственном состоянии, питании, болезнях и душевных расстройствах.

Общее впечатление от поездки в Сибирь у автора – деятельность всей тюремной системы не эффективна. Необходимо менять идеологию внутренней политики: «Тюремный опыт различных стран... показывает с достаточной ясностью, что дисциплина и все цели тюрьмы гораздо лучше достигаются целесообразно организованной системой поощрений, нежели самыми суровыми наказаниями»²⁶⁵.

Говоря о недостатках тюремного дела, автор приводит характерный пример, иллюстрирующий неразумность некоторых должностных обязанностей начальника тюрьмы. Так, в канце-

---

²⁶⁴ Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М.: Мысль, 1971. С. 314.

²⁶⁵ Дриль Д. А. Ссылка и каторга в России: Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь. СПб., 1898. С. 11.

лярию Зерентуйской каторжной тюрьмы ежегодно поступает более четырех тысяч всевозможных бумаг, а выходит почти девять тысяч. Вот почему начальник проводит свой рабочий день в кабинете и канцелярии. Между тем, пишет автор, в большой Лувенской тюрьме в Бельгии директор ежедневно делает по 25 визитов к одиночно заключенным, с единственной целью – влиять на них»²⁶⁶.

В ходе поездки по Сибири автор делает и еще несколько интересных замечаний. Например, он против телесных наказаний, считая, что эта мера лишь озлобляет, а не перевоспитывает человека. Далее, он предлагает использовать и весьма эффективный рычаг воздействия на исправление преступника: предоставить «лучшим» каторжникам возможность после окончания наказания вернуться в места своего рождения.

Единственным тюремным учреждением, оставившим у Дриля «самое отрадное впечатление», оказался Александровский каторжный централ. «Вот что могут сделать при известном содействии высшей местной власти и единичные усилия отдельных лиц, когда последние вкладывают живую душу в живое дело». Автор приветствует «сердечное отношение» к каторжным со стороны А. П. Сипягина – бывшего начальника тюрьмы, а ныне иркутского губернского тюремного инспектора, а также И. И. Лятоскевича, возглавляющего это учреждение в настоящее время. По итогам посещения Александровского централа Дриль делает вывод, который, по его мнению, должен характеризовать деятельность всех тюрем России: «Начальство тюрьмы, – пишет он, – стремится воздействовать на арестантов не с точки зрения наказания, а с точки зрения поощрения»²⁶⁷.

В заключение своей работы Д. А. Дриль пишет и о ссылке в целом. Наша ссылка, считает он, лишена не только правильной, но и вообще какой-либо организации. Европейская часть России выбрасывает своих многочисленных преступников в Азиатскую, такая практика, конечно же, должна быть отменена²⁶⁸.

«Ссылка в Сибирь». Коллективное мнение отечественных правоведов – сторонников отмены сибирской ссылки на начало XX в. отразила книга «Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и со-

---

²⁶⁶ Дриль Д. А. Указ. соч. С. 16.

²⁶⁷ Там же. С. 32

²⁶⁸ Там же. С. 33.

временного положения. Для Высочайше утвержденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки».

Непосредственным поводом к её написанию послужила поездка начальника Главного тюремного управления шталмейстера двора его величества, действительного статского советника А. П. Саломона в Сибирь и на остров Сахалин в 1898–1899 гг. Материалы, собранные А. П. Саломоном, были предоставлены в комиссию о мероприятиях по отмене ссылки, учрежденную высочайшим повелением 6 мая 1898 г. Сама поездка была тщательно подготовлена: заблаговременно составлена программа сбора необходимых статистических сведений, разработан и разослан в сибирские губернии перечень вопросов, подлежащих изучению.

Кроме сведений, представленных сибирской администрацией, источником написания данной книги послужили разнообразные архивные материалы из фондов Департамента полиции, Главного тюремного управления, Министерства юстиции, Главных управлений Западной и Восточной Сибири, Иркутского, Енисейского, Приамурского генерал-губернаторов, Тобольского (Тюменского) приказа о ссыльных. Авторский коллектив опирался и на уже опубликованные источники, а также работы предшественников, в частности, на «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта в Иркутской и Енисейской губерниях», а также на работы высокопоставленных сибирских чиновников и правоведов – Анучина, Сергиевского, Фойницкого.

Как видим, документальная база «Ссылки в Сибирь...» весьма разнообразна и для своего времени уникальна, а сама книга и сегодня представляет немалый интерес для исследователя. Обладание столь обширной источниковой и историографической базой позволило авторам дать всесторонний и действительно объективный анализ системы каторги и ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в.

Одним из главных недостатков института сибирской ссылки авторы книги определили отсутствие единого централизованного руководства. Именно этот изъян порождает на практике большинство других, например, бессистемность распределения ссыльных на местах. Бессистемность распределения приводит к перенаселению ссыльных в отдельных местностях, порождает материальные трудности, неустроенность, недостаток питания, невозможность найти работу и т. д.

Вопросам отмены ссылки уделено пристальное внимание и в другой коллективной монографии – историческом очерке, подготовленном группой авторов к 100-летию юбилею Министерства юстиции²⁶⁹. В составлении сборника участвовали высокопоставленные чиновники – Министры юстиции Д. Н. Набоков, Н. А. Манасеин, Н. В. Муравьев. Это придало содержанию работы отчасти официальный характер, а использование большого количества архивных документов добавило ценность и как историческому и историографическому источнику.

Кому как не Министерству юстиции, в чьем ведении с 1895 г. находилось Главное тюремное управление империи, знать и понимать проблемы института каторги и ссылки. Действительно, глава 8-я, озаглавленная «Тюремная часть», содержит подробный анализ состояния ссылки последних лет XIX в. «Многолетний опыт применения ссылки, как карательной меры, показал с полной очевидностью всю несостоятельность этого способа воздействия на преступника. В прежние времена, когда Сибирь была отдаленной и полуобитаемой страной, ссылка имела устрашающее значение. Ныне же Сибирь соединена железной дорогой с Европейской Россией – ссылка утратила совершенно значение устрашающей меры»²⁷⁰.

М. М. Исаев. Наши историографические исследования вполне логично завершить рассмотрением литературы о проектах преобразования сибирской ссылки. Сделаем это на примере статьи М. М. Исаева²⁷¹.

Исследуя карательные учреждения послереволюционного периода, автор прежде всего отмечает заметный рост «тюремного населения». Так, на 1 января 1906 г. в России числилось 5 748 каторжан, в 1907 г. – 7 779, в 1908 г. – 12 591, 1909 г. – 20 936. Каторжные тюрьмы Сибири не были рассчитаны на такое количество арестантов, вот почему уже в мае 1908 г. Министерством юстиции было внесено в Совет Министров представление о преобразовании каторги. 8 декабря 1909 г. представление было одобрено, при этом проект дорабатывался еще более полугода и в 1910 г. появился в печати²⁷².

---

²⁶⁹ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. 360 с.

²⁷⁰ Министерство юстиции за сто лет. С. 306.

²⁷¹ Исаев М. М. Предстоящее преобразование каторги // Право. 1911. № 6, 7. С. 323–332.

²⁷² Право. 1910. № 22.

Согласно первого пункта, каторжные работы должны назначаться на срок от 6 до 20 лет, т. е. становились срочными. Все арестанты делились на три разряда: испытуемых, исправляющихся и льготных. Испытательный срок у срочных арестантов составлял 1/4 общего срока, после чего, «при одобрительном поведении», они переходили в разряд исправляющихся. Из разряда исправляющихся, осужденные попадали в разряд льготных. Судьбу каторжан определяло особое совещание, под председательством начальника тюрьмы, состоявшее из его помощников, а также врача, священника и учителя. Решения этих совещаний подлежали утверждению губернским тюремным инспектором или вице-губернатором²⁷³.

Каторжным льготного разряда могло быть предоставлено условное досрочное освобождение, срок которого не должен был превышать шестой части того времени, которое оставалось арестанту до окончания наказания после перечисления его в разряд исправляющихся. «Положение...» пунктом 8-м определяло содержание каторжан не только в тюрьмах Сибири, но и в уже имеющихся в Европейской России. По существу этим решением вводился принцип существования центральных и местных замков, а поток осужденных в Сибирь должен был резко сократиться, что, в свою очередь, как предполагалось, должно было улучшить как содержание арестованных, так и наблюдение за ссыльнопоселенцами.

Каторжные всех разрядов – и это наиболее интересная позиция – должны были содержаться весь срок наказания в тюрьмах. Таким образом, правительство отменяло выход каторжан на поселение, которое, по мысли М. М. Исаева, было «самым большим элементом беспорядка, а не исправления»²⁷⁴.

Крупным недостатком положения, по существу перечеркивающим многие его прогрессивные позиции, был пункт 32. Согласно этому пункту, все отбывшие срок наказания в каторжных тюрьмах отдавались под надзор полиции на различные сроки. Освобожденные досрочно – на десять лет, а остальные – подчеркнем, большая часть бывших каторжан – бессрочно. Первые выби-

---

²⁷³ Цит. по: Устав о ссыльных (по изданию 1909 года) с разъяснениями Правительствующего Сената с алфавитным и предметным указателем и с приложением из правил о предоставлении льгот ссыльным / сост. Л.И. Марколь. Изд. 2-е, перераб. и испр. Иркутск : Изд. кн. магазина П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1909. Приложение IX: Новые положения предстоящего преобразования каторги. Ст. 1–42. С. 167.

²⁷⁴ Исаев М. М. Указ. соч. С. 324.

рали себе место жительства с известными большими ограничениями самостоятельно, вторые выезжали в указанное им место. Приписка к сельским или мещанским обществам была обязательна, при этом все состоящие под надзором не имели права передвигаться без соответствующего разрешения даже в пределах уезда.

По существу, предлагаемая отдача бывших каторжан под надзор полиции была ничем иным как той же самой ссылкой на поселение. В деле реформирования каторги это был, безусловно, шаг назад.

Настоящее положение было подвергнуто детальному и всестороннему изучению. 30 ноября 1913 г. Министерство юстиции внесло его на обсуждение Государственной думы. Однако проект положения так и не был принят: помешала начавшаяся Первая мировая война, затем Февральская революция, в ходе которой Временное правительство в течение марта – апреля 1917 г. отменило систему старой ссылки.

Заключение

Подведем итоги изложенному материалу. Исследования современников о сибирской политической ссылке XVII – начала XX в. рассмотрены в настоящем пособии на основании комплексного подхода, выраженного в стремлении охватить как можно больший массив исторической литературы, вышедшей из-под пера авторов различных социальных групп, положения и общественно-политической ориентации. Анализ данных исторических источников позволяет выделить в истории исследования темы несколько отличных друг от друга периодов, а в освещении и решении конкретных «ссылных проблем» – существование идеологических направлений – либерального, радикального, официального.

Политическая ссылка в Сибирь – крупнейшее социально-политическое явление отечественной истории, на протяжении нескольких веков определявшее судьбы миллионов людей, – не могла не вызывать стойкого научно-исследовательского интереса у современников. Уже ученые XVII–XVIII вв. выделили некоторые ключевые особенности этого вида наказания: политическая ссылка оказалась одной из самых древних карательных мер в России, практиковавшаяся с начала XI в. Этому наказанию подвергали людей знатных, приближенных к правящей династии. Политический противник удалялся из страны, имущество подлежало конфискации, упоминание его имени находилось под запретом. Несмотря на полную изоляцию от общества, правящий режим всегда обеспечивал материальное содержание депортированного, а сохранение ему жизни преподносил как проявление милосердия и гуманности.

С конца XVI – начала XVII в. обвиняемых «в изменах» стали ссылать не за границу, а в сибирские уклады, поручая им здесь ответственную, а нередко и опасную, государеву службу. Расправа над дворянскими революционерами-декабристами, безжалостное подавление польского национально-освободительного движения окончательно превратило Сибирь в «край каторги и ссылки», в место для продолжительной изоляции противников самодержавного строя. Отсутствие диалога государства с обществом только усиливало революционное движение, при этом тысячи людей за свое инакомыслие подвергались тюремному

заклучению, наказывались каторгой и ссылкой за Уральский камень. Первая революция, вовлекшая в радикальное движение огромное количество до этого инертных рабочих и крестьян, многократно увеличила и сибирские колонии, сделав политическую ссылку «бытовым явлением» российской действительности.

Изменения социального и партийного состава сибирской ссылки, особенно заметные в конце XIX – начале XX в., отражались и на ее историографии: исследователей-дворян постепенно, шаг за шагом, теснили разночинцы, а после 1905 г. и – отдельные рабочие, представители партии социал-демократов.

В историографии сибирской политической ссылки можно выделить несколько периодов. Начальный составляют исследования XVII – первой половины XIX в., изучение темы носило здесь эпизодический характер, сама ссылка была еще малочисленной и не вызвала широкого общественного резонанса. С 1860 гг. следует второй период в изучении темы, когда публикации приобретают комплексный и постоянный характер. Последний период приходит с революцией 1905–1907 гг. – тема обретает иное звучание, расширяется ее проблематика, стремительно растет число работ.

Во втором и третьем периодах в историографии оформляются два, во многом самостоятельных, направления. Ссылка исследуется, с одной стороны – как важнейшей инструмент внутренней политики государства, которым пользуются для удаления и изоляции наиболее опасных противников существующего строя, с другой – как социальное явление, в котором изучаются его количественные и качественные характеристики, география, экономическое положение, «внутренний мир» ссыльных колоний. Первое направление разрабатывалось в основном учеными-правоведами, а также практиками «тюремного дела» в центре и на местах, по долгу службы постоянно работавшими с политическими ссыльными и каторжанами, второе – стало в большей степени уделом научной публицистики.

Политическая ссылка «изнутри» исследовалась в большей мере непрофессиональными историками. Их внимание к теме лишь иногда было продиктовано исключительно научными интересами, специальных работ по истории политической ссылки немного. Часть исследований выполнена самими участниками событий, бывшими когда-то или «настоящими» политссыльными. Это не могло не отразиться на характере выводов и оценоч-

ных суждений: зачастую они страдают субъективностью, имеют необоснованные, сиюминутные заключения.

Среди исследователей не было и не могло быть единства. Стремление к изучению каторги объединяло слишком разнородные социальные силы – от монархистов и конституционных демократов – с одной стороны, до бывших народников и большевиков – с другой. Неизбежная в этом случае политизация не позволила многим объективно решить и важнейшие вопросы темы, такие как, например, определение характера и степени влияния политической ссылки на общественные процессы в Сибири.

Основная часть исследователей склонялась к выводу о позитивном воздействии политической ссылки на социальную, экономическую и культурную жизнь Сибири. Другая положительно оценивала только «старую» ссылку и была решительно против «новой», обвиняя ее в дискредитации идеи революции вообще. У третьих (областники) отношение, а значит, и конечная оценка политической ссылки, была сложнее: в целом позитивно воспринимая политическую ссылку, как до, так и после 1905 г., они все же усматривали в ней причины «раскола сибирского общества на партии и классы», обвиняя ее в нарушении «внутреннего мира» в Сибири.

Обладая солидным потенциалом профессиональных научных кадров, либеральная историография в разработке истории ссылки сумела добиться значительных достижений. Именно здесь были созданы первые обобщающие работы о сибирской ссылке (С. В. Максимов), отличавшиеся как комплексным подходом к решению поставленных задач, так и принципиально новым массивом привлекаемых исторических источников. При этом необходимо иметь в виду, что исследователи либерального направления не составляли какого-либо организационного единого целого, тем более, научной школы. Они были разобщены, работали независимо друг от друга в разных временных пространствах, принадлежали к различным партиям и политическим объединениям.

Одно из главных мест в работах авторов либерального направления отведено изучению бытового положения ссылных. Публицисты пытались привлечь внимание правительства и общества к отдельным наиболее вопиющим сторонам «тюрьмы без решеток», разоблачали произвол администрации, безнаказанность злоупотреблений чиновников.

Работа А. В. Пешехонова представляет самое крупное историческое исследование новой послереволюционной политической ссылки в либеральной историографии. В ней автор объективно и беспристрастно изучает практически все стороны современной ссылки – от статистики до анализа ее внутреннего мира и состояния. Исследуя тему комплексно, он приходит к выводу о том, что политссылка является верным отражением общественной действительности, ее своеобразным барометром, и как все общество в целом нуждается в пристальном изучении.

Либеральные исследователи большое внимание уделяли проблемам внутреннего мира сибирской политической ссылки. Они доказали, что революция 1905 г. коренным образом изменила как качественные, так и количественные характеристики политической ссылки и каторги. Революционера-интеллигента в ссылке сменил рабочий и крестьянин. Исследователями основательно изучены социальные, профессиональные, партийные, возрастные, национальные и половые особенности «новой» ссылки. Впервые из общего партийного состава ссылных выделены так называемые профессионалы, показаны их количественные и качественные характеристики.

Исследователи либерального лагеря в оценке политической ссылки выработали два подхода, дополнявшие друг друга. Одни рассматривали ссылных в качестве изгнанных из общества, «бывших» ее членов, другие (М. К. Цебрикова) видели в ссылке часть общества, насильственно перемещенную в Сибирь. Это различие в подходах порождало и особенности итоговых оценок. Первые предлагали бороться с правительством, с целью заставить, как можно быстрее вернуть обществу изгнанных им членов, вторые – лечить само общество и ссылку, как его неотъемлемую его часть.

Продолжая исследовать внутренний мир ссылки, либеральные публицисты доказали существование в нем нескольких разнородных групп, что определяло сложный облик колоний в целом. Они показали упадок, бездуховность одних слоев и стремление к сохранению высоких моральных принципов у других, выражавшееся, в частности, в создании артелей на коммунистических началах и обособленных колоний. По мысли некоторых авторов, социалистические и коммунистические теории и принципы революционеров подверглись в сибирской ссылке серьезным испытаниям. Сама действительность доказала нежизненность и практическую неприменимость некоторых из них.

Часть исследований либеральных авторов, благодаря известной политизированности темы в целом, носили явно пропагандистский характер, были направлены не на изучение, а всего лишь на привлечение внимания общественности к проблемам ссылки.

Важнейшее место в историографии темы занимает публицистическая литература, принадлежавшая партиям радикального направления, и прежде всего, социал-демократам. Видя в государстве своего главного противника и источник классовой несправедливости, представители этого крыла рассматривали политическую тюрьму, каторгу и ссылку как закономерное проявление его антинародной сущности, антагонизма интересов «правящего меньшинства» и остального общества. В работах некоторых исследователей было продолжено обоснование необходимости научного, комплексного и планомерного изучения сибирской ссылки, была заметно расширена источниковая база исследований. С началом XX в., особенно после революции 1905 г., в научный оборот был введен не только новый фактический материал, но и иные группы источников – анкеты политических ссыльных, их рукописные и гектографические газеты и журналы, обобщены результаты устных систематических опросов участников движения в центральных и сибирских тюрьмах.

Авторы радикального направления совершенно правильно сумели определить место политической ссылки в системе наказаний, ее функции и характер, а также масштабы, партийный, социальный, национальный, профессиональный состав (В. И. Ленин, Я. М. Свердлов). Ими была обоснована периодизация истории политической ссылки в Сибирь – от невольного «путешествия» сюда А. Н. Радищева и декабристов до судебных и внесудебных выслоков послереволюционного периода начала XX в. Подробно была отражена жизнь десятков поселений и колоний, дана характеристика современным социальным группам ссыльных, обоснована «особая» роль интеллигенции в организации учебы, «культурной работы» и взаимопомощи.

Дальнейшее фактическое развитие получили положения о зависимости численности и социального состава сибирских колоний от масштабов и характера революционного движения в Европейской России; о возможности изучения состава государственных преступников по статистическим материалам сибирской тюрьмы, каторги и ссылки; о динамике численности побе-

гов из ссылки в связи с подъемом или спадом радикального движения в Центре и т. д.

Продолжая исследование политической ссылки, авторы радикального направления обосновали и несколько новых, ранее не выявленных ее особенностей. Прежде всего, это «консервация», отставание ссыльного в Сибири от тактических и стратегических задач современного движения; «межпартийное объединенчество внутри колоний – естественная форма существования и борьбы с экономическими трудностями в Сибири; «приливы» и «отливы» революционного движения в Центре отражаются в сибирской ссылке с известным опозданием; большой процент уголовных элементов в современной политической ссылке отчасти объясним ее леворадикальным характером.

Авторы социалистического направления исследовали характер и степень влияния политической ссылки на сибирское общество. При этом прежде всего их интересовала нелегальная деятельность осужденных революционеров, распространявшаяся на рабочих и крестьян. Была обоснована значительная роль политических ссыльных в создании и становлении местных эсеровских и социал-демократических организаций, в пропаганде социалистического учения среди пролетарских низов. С другой стороны, было показано, что ссыльные способствовали распространению в Сибири экстремистских, леворадикальных тенденций, проявлявшихся в форме «восстаний», «бунтов», эсов, политических, а нередко и уголовных, убийствах.

Наряду с позитивным вкладом в общее развитие темы, социалистическая историография имела и ряд характерных негативных особенностей. Это выразилось, например, в пренебрежительном отношении к ссылке декабристов: авторами преуменьшался вклад дворянских революционеров в культурное развитие региона, «массовой» или оказавшей наиболее продуктивное влияние на общественную жизнь Сибири, считалась пролетарская ссылка. При этом игнорировались масштабы и значение ссылки польской середины – конца XIX в. Политизация темы привела к значительному упрощению объекта исследования, часть авторов характеризовала политссылку как сугубо карательную, репрессивную меру. Необходимость изучения темы была поставлена в зависимость от решения политических, пропагандистских задач, а исследование отдельных конкретных эпизодов («Якутский протест») диктовалось необходимостью

создания «героического» облика революционера в «воспитательных» целях. Отсюда – преувеличение тягот ссылки, «зверств тюремщиков», изображение ссыльного революционера в ореоле мученичества «за справедливость и народное дело».

Анализ исторической литературы свидетельствует о существовании стойкого интереса к проблемам политической ссылки в Сибирь и среди зарубежных исследователей. Если в отечественной литературе важнейшие аспекты политической ссылки разрабатывались, в основном, в контексте изучения ссылки уголовной, то зарубежные исследователи гораздо чаще посвящали этому сюжету отдельные, специальные работы. Это было вызвано повышенным вниманием западного мира к революционным событиям в России в целом, ролью и значением империи в международных отношениях того периода.

Начав свои изыскания с уже сложившимся стереотипным представлением о Сибири, как о крае «каторги и безвинных страданий», большинство исследователей после личного ознакомления с существующим состоянием дел, были поражены несоответствием увиденной действительности. Зарубежные авторы подчеркивали отсутствие какой-либо действенной системы в управлении сибирской политической тюрьмой, каторгой и ссылкой. По их единодушному мнению, ссылка вообще не управлялась из центра страны, что служило причиной неразберихи, порождало различные должностные преступления и казнокрадство. По мысли исследователей, рассредоточенное по нескольким ведомствам управление ссылкой нуждалось в централизации, унификации и упорядочении. Низкое жалование чиновников тюремного управления и полиции порождало постоянный кадровый дефицит, мешало преемственности накопленного опыта и традиций (Дж. Кеннан).

По мысли зарубежных исследователей, требовалась коренная перестройка и самой государственной охранительной политики. По существу, она состояла из непрерывной практики нарушения закона. Прежде всего, это проведение бесконтрольных арестов, собиравших «по подозрению в неблагонадежности» десятки и сотни молодых людей. Затем, заключение в тюрьму, когда арестованному месяцами не предъявляли какого-либо обвинения и содержали без свиданий и переписки в одиночном заключении. Подобный произвол вызывал адекватную ответную реакцию. Таким образом, утверждали зарубежные ав-

торы, тюремная система не только не способствовала исправлению и изоляции государственного преступника, а, наоборот, еще более революционизировала и раскалывала российское общество.

Следует отметить, что зарубежные специалисты высказывали отличный от русских коллег взгляд и на дальнейшую судьбу отбывшего свой срок каторжных работ сибирского ссыльного. По их мнению, такого поселенца совсем не обязательно было приписывать к крестьянскому обществу или «миру». Ему необходимо было предоставить право стать «свободным» (конечно же, в известной степени) фермером и жить «своим трудом» на выделенной ему земле. В этом западные авторы усматривали и один из важнейших путей колонизации обширного края.

Иностранные журналисты неоднократно отмечали «излишний либерализм» русской тюрьмы, каторги и ссылки, что, по их мнению, нисколько не отвечало задачам перевоспитания преступника. Чересчур «мягкий климат» сибирских тюрем, по представлению исследователей, свидетельствовал о недобросовестности и попустительстве чиновников, отсутствии у них стремления к надлежащему исполнению служебного долга. Зарубежные авторы были убеждены также и в том, что в сравнении с карательными системами европейских государств и Америки, российская пенитенциарная практика выглядела, несомненно, более лояльной (Ю. Прайс).

В качестве одного из главных недостатков российской исправительной системы зарубежные исследователи отмечали отсутствие в ней обязательного физического труда. По их мнению, обстановка праздности тюремной жизни неизбежно порождала «ослабление внутреннего порядка, послушание и дисциплину», приводила к появлению у «политических» «ненужных свобод и привилегий». А разрешение государственным преступникам носить в заключении собственное платье, иметь книги «с воли», пользоваться отдельной кухней, что делало их пребывание на «каторге» «весьма сносным времяпрепровождением», было совершенно не понятно западным исследователям.

Анализ зарубежной литературы о сибирской ссылке позволяет сделать вывод и о ее значительно меньшей политизированности, в отличие от исследований, например, социалистического и либерального направлений отечественной историографии. Изучая проблему «со стороны», западные журналисты в

целом беспристрастно и объективно оценили состояние системы каторги и ссылки, вскрыли ее слабые стороны и недостатки. Вместе с тем следует констатировать, что небольшая часть рассматриваемой нами зарубежной историографии все же не была свободна и от некоторых конъюнктурных выводов, стремления к обнаружению в Сибири и опубликованию «сенсационных» фактов, что было продиктовано, впрочем, вполне понятным стремлением к увеличению читательского спроса на их периодические издания.

Значительную часть историографии политической ссылки и каторги в Сибирь составляют работы должностных лиц соответствующих министерств и ведомств, практиков тюремного дела, а также сибирских высокопоставленных чиновников. Опубликованные ими исследования судебной и административной ссылки Сибири имеют свои особенности.

Изучая состояние ссылки в основном по какому-либо конкретному поводу или запросу и оформляя свои выводы затем в виде «отчетов», «записок» или «докладов», свою главную задачу авторы видели в исследовании лишь механизма организации и функционирования подразделений ссылки. Отсюда – их повышенное внимание к сугубо «внутренним» вопросам ссылки – снабжение арестантов одеждой, организация ремонта и расширение замков, содержание этапов, финансирование, подбор и смена кадров.

Исследования чиновников центральных ведомств, как правило, основаны на богатейшем архивном материале, недоступном широкой общественности. Это делает содержащиеся в них выводы особенно ценными. Этим «официальным историкам» не было нужды замалчивать проблемы политической и уголовной ссылки, отсюда практически все их работы носят ярко выраженный критический характер (Н. Николаевский). Работы должностных лиц разнятся своим исследовательским уровнем. «Записки», исходившие от высокопоставленных чиновников, содержат порой стратегические положения о состоянии, значении и судьбе политической ссылки. «Отчеты» же с мест, исходившие от «практиков тюремного дела», более конкретны, нередко носят все характерные признаки опубликованного источника.

Авторы сосредоточили свое внимание на разработке нескольких проблем современной им политической ссылки в Сибирь: поиск путей наиболее эффективного управления институ-

том ссылки; выбор оптимальной формы дальнейшего существования ссылки; изучение влияния политической ссылки на сибирское общество. В качестве главных недостатков сибирской ссылки, определявших ее несоответствие изменяющимся условиям, было признано: отсутствие единого централизованного управления; ведомственная «неразбериха» и приоритет личных интересов чиновников в ущерб государственным; мешавшие делу амбиции столичных и сибирских высокопоставленных лиц («Сибирь и ссылка»).

Как видим, современниками политической ссылки в Сибирь был намечен широкий круг задач научного изучения данной темы – численность, состав, материальное положение, роль в общественном движении региона. При этом дореволюционная историография сумела осветить лишь часть проблем, темы, «лежащие на поверхности», находившиеся «на слуху». Жанр научной публицистики или путевого очерка не позволил авторам подойти комплексно и всесторонне к решению поставленных задач. Многие выводы современников создавались под воздействием государственной идеологии, другие были излишне полемичны, немалая часть работ публиковалась не с научной целью, а для того, чтобы показать и обосновать неспособность царизма к диалогу с обществом, а также в качестве демонстрации преимуществ своей партии в борьбе за потенциальных сторонников. Тем не менее рассмотренный в пособии материал свидетельствует о создании яркой, разнообразной и разноплановой историографической и документальной базы истории политической тюрьмы, каторги и ссылки в Сибирь для научных исследований и обобщений историков следующих поколений.

Рекомендуемая литература

Опубликованные источники

Инструкция прокурора Иркутской судебной палаты чинам полиции округа Иркутской судебной палаты по обнаружению и исследованию преступлений. – Иркутск, 1912. – 12 с.

Каторга в Сибири: Извлечение из отчета начальника Главного тюремного управления С. С. Хрулева о служебной поездке в 1909 г. в Иркутскую губернию и Забайкальскую область // Тюрем. вестн. – 1911. – № 8–9. – С. 4–72.

Краткая объяснительная записка к проекту Министерства юстиции о преобразовании каторги // Тюрем. вестн. – 1913. – № 12. – Ст. 1812–1932.

Обсуждение вопроса о ссылке. Записка адмирала Посьета // Сибирь. – 1875. – № 15. – С. 21.

Устав о ссыльных (по изданию 1909 г.) с разъяснениями Правительствующего Сената с алфавитным и предметным указателем и с приложением из правил о предоставлении льгот ссыльным / сост. Л. И. Марколь. – 2-е изд., перераб. и исп. – Иркутск : Изд. кн. магазина П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1909. – 227 с.

Базилевский Б. Государственные преступления в России в XIX в.: сб. извлечений из офиц. изд. правительств. сообщений. – СПб., 1904. – Т. 2. – 437 с.

В. И. Ленин и Сибирь: Хроника. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд., 1972. – 200 с.

Общественное движение в России в начале XX в. / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – СПб. ;, 1909. – Т. 1 : Предвестники и основные причины движения. – 312 с.

Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга (XIX в. – февраль 1917 г.): История Сибири. Первоисточники / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск ;, 1993. – Т. 1. – 292 с.

Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции : сб. док. материалов. – Иркутск, 1955. – 156 с.

Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921–1931: Каталог изд. – М., 1931. – 215 с.

Досоветская историография

Ахшарумов Д. Д. Воспоминания // Русская старина. – 1903. – № 9. – С. 519–540.

А. В. П. Очерки политической ссылки // Русское богатство. – 1912. – № 7. – С. 42–76 ; № 8. – С. 32–59 ; № 9. – С. 87–106.

Асин Т. К. К статистике арестованных и ссыльных // Русское богатство. – 1906. – № 10. – С. 1–37.

Берман Я. Влияние социально-правового и экономического факторов на государственную преступность // Право. – 1913. – № 33. – Ст. 1912–1925.

Б. Т. Политическая ссылка последних лет // Право. – 1910. – № 10. – Ст. 1362–1366.

Вентин А. Б. К статистике репрессий в России: Из итогов 1908–1909 // Соврем. мир. – 1910. – № 4. – С. 54–75.

Войтинский В. С. По этапу // Русское богатство. – 1911. – № 12. – С. 96–125.

Глинский Б. Б. М. А. Бакунин и его бегство из Сибири // Историч. вестн. – 1898. – № 3. – С. 1021–1045.

Гольшух. Арестантские работы в Иркутской губернии в 1911 г. // Тюрем. вестн. – 1912. – № 3. – С. 429–565.

Климов Е. П. Ссылка в Приленский край // Восточ. обозрение. – 1888. – № 10. – С. 8–9 ; № 11. – С. 10–12 ; № 14. – С. 9–10.

Ларский И. Из быта ссыльных // Современ. мир. – 1910. – № 4. – С. 75–92.

Лятоскович И. Александровская каторжная тюрьма // Тюрем. вестн. – 1901. – № 8. – С. 390–399.

Максимов С. В. Политические ссыльные // Отечеств. записки. – 1869. – Т. 185. – № 8. – С. 185–248.

Министерство внутренних дел: Исторический очерк 1802–1902. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1901. – 230 с.

Мякотин В. В. В современной тюрьме и ссылке // Русское богатство. – 1910. – № 9. – С. 124–154.

Николаевский Н. Тюрьма и ссылка: Очерки политической и религиозной ссылки / Н. Николаевский. – М. : Университ. тип., 1898. – 201 с.

Петражицкий Л. И. Ссылка преступников с точки зрения культуры, колонизационной и социальной политики // Право. – 1899. – № 20. – Ст. 1003–1006.

Радин Б. Три месяца ссылки и побег // Образование. – 1907. – № 9. – С. 14–46.

Рожков Н. Исторический эскиз // Сиб. студент. – 1915. – № 1–2. – С. 83–88.

Савицкий Ф. Побег арестантов из Александровской каторжной тюрьмы // Тюрем. вестн. – 1909. – № 5. – С. 608–631.

Скабичевский А. М. Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне // Русская мысль. – 1898. – Кн. IX–X. – С. 687–746.

Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения. Для высочайше учрежденной комиссии по отмене ссылки. – СПб. : Тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1900. – 389 с.

Фельдштейн Г. Ссылка: Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния / Г. Фельдштейн. – М. : Т-во Скоропечатни А. А. Левенсона, 1893. – 191 с.

Цебрикова М. К. Каторга и ссылка / М. К. Цебрикова. – СПб. : Б-ка «Светоча», 1907.

Чужак Н. О сибирской и иносибирской интеллигенции // Сиб. архив. – 1913. – № 5. – С. 270–274.

Ядов. административная ссылка // Право. – 1914. – № 28. – Ст. 2142–2148.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. – 2-е изд. испр. и доп. – СПб. : Изд. И. М. Сибирякова, 1892. – 720 с.

Исследования советского и постсоветского периода

Борисов А. В. Карательные органы дореволюционной России: Полицейская и пенитенциарная система / А. В. Борисов. – М. : Наука, 1978. – 44 с.

Бочанова Г. А. Политическая ссылка в Сибири в конце XVIII – начале XX в.: Источники и историография / Г. А. Бочанова, Л. М. Горюшкин // Вопр. истории. – 1985. – № 1. – С. 155–157.

Гернет М. Н. История царской тюрьмы / М. Н. Гернет. – М. : Юрид. лит., 1960–1963. – Т. 1–5.

Горюшкин Л. М. Вопросы координации исследования политической ссылки в Сибирь // Ссылные декабристы в Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 212–223.

Горюшкин Л. М. Историография Сибири дооктябрьского периода / Л. М. Горюшкин, Н. А. Миненко ; отв. ред. А. П. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1984. – 317 с.

Гуманитарные исследования в Сибири: Итоги и перспективы / отв. ред. Р. С. Василевский. – Новосибирск : Наука, 1984. – 301 с.

Дамешек Л. М. Историография и источниковедение истории Сибири эпохи капитализма (1861–1917 гг.): учеб. пособие / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. – 81 с.

Дулов А. В. Петрашевцы в Сибири / А. В. Дулов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1996. – 300 с.

Иванов А. А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в. / А. А. Иванов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2001. – 175 с.

Иванов А. А. Исследования исторической литературы о политической ссылке в Сибирь середины XIX – конца XX в. в отечественной историографии // Сиб. ссылка. – Иркутск, 2003. – Вып. 2(14). – С. 14–39.

Иванов А. А. «Чудовищная» и «либеральная»: иностранные журналисты о сибирской политической ссылке конца XIX – начала XX в. // Сиб. ссылка : сб. науч. ст. – Иркутск, 2006. – Вып. 3(15). – С. 67–82.

Иванов А. А. «Есть такая партия»: РСДРП на страницах сборника «Ссылочные революционеры в Сибири...» // Сиб. ссылка : сб. науч. ст. ; под ред. С. И. Кузнецова, А. А. Иванова, Б. С. Шостаковича. – Иркутск, 2013. – Вып. 7(19). – С. 100–130.

Иркут. ссылка : сб. Иркут. землячества. – М. : Изд-во ВОПиС, 1933. – 317 с.

Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода : сб. ст., посвящ. памяти В. И. Шункова / отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск, 1971. – 216 с.

Кодан С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. / С. В. Кодан. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1980. – 96 с.

Константинов М. Каторга и ссылка в Сибири // Сиб. Совет. энцикл. – М., 1932. – Т. 2. – С. 575–622.

Кубалов Б. Ольхонская каторга // Каторга и ссылка. – 1927. – № 6. – С. 135–137.

Кудрявцев Ф. А. Александровский Централ: Из истории сибирской каторги / Ф. А. Кудрявцев. – Иркутск : Вост.-Сиб. краевое изд-во, 1936. – 99 с.

Массовые источники по истории Сибири: Бахрушинские чтения 1989 г. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1989. – 155 с.

Меламед Е. И. «Сибирь и ссылка» Джорджа Кеннана и ее источниковедческая основа // Сиб. ссылка. – Иркутск, 2000. – Вып. 1(13). – С. 42–56.

Миненко Н. А. Историография Сибири. Период феодализма : учеб. пособие / Н. А. Миненко ; отв. ред. Н. Я. Гуцин. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1978. – 83 с.

Мирзоев В. Г. Историография Сибири: Домарксистский период / В. Г. Мирзоев. – М. : Мысль, 1970. – 391 с.

Передерий С. В. Политическая ссылка в Сибирь в оценке современных англоамериканских буржуазных историков // Вопр. ис-

тории и источниковедения Сибири периода капитализма / отв. ред. В. П. Зиновьев. – Томск, 1985. – С. 203–211.

Подосенов А. П. Законодательство о каторге и ссылке в России в XVIII в. // Гос.-правов. ин-ты самодержавия в Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 3–12.

Политическая ссылка в Сибири. XIX – начало XX в. Историография и источники. – Новосибирск : Наука, 1987. – 226 с.

Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. – Новосибирск : Наука, 1988. – 225 с.

Политические ссылки в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск : Наука, 1983. – 237 с.

Развитие науки в Сибири: Методология, историография, источниковедение. – Новосибирск : Наука, 1986. – 208 с.

Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. : сб. ст. / АН СССР, Сиб. отд. ; отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука, 1986. – 200 с.

Сесюнина М. Г. Политическая ссылка второй половины XIX в. и сибирские областники // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1985. – Вып. 9. – С. 112–132.

Сибирская ссылка : сб. первый / ред. Н. Ф. Чужак. – М. : Изд-во ВООПКиС, 1927. – 229 с.

Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука, 1978. – 332 с.

Сто лет политической каторги, 1825–1905–1925 гг. : отчет о II Всесоюзном съезде политкаторжан и ссылнопоселенцев, 26–29 декабря 1925 г. – М. : Изд-во ВООПКиС, 1926. – 66 с.

Ушакова Л. А. Советская историография сибирской народнической ссылки 70-е – середина 90-х гг. XIX в. / Л. А. Ушакова. – Новосибирск : Наука, 1985. – 221 с.

Федорова В. И. Агитационно-пропагандистская литература народников Сибири: 80–90-е гг. XIX в. // Сиб. ссылка. – Иркутск, 2000. – Вып. 1(13). – С. 114–134.

Хазиахметов Э. Ш. Дореволюционная историография сибирской политической ссылки 1905–1917 гг. // Вопр. методологии истории и историографии. – Томск, 1974. – Вып. 2. – С. 31–35.

Хазиахметов Э. Ш. Изучение массовой ссылки политическими ссылными в 1906–1917 гг. // Промышленность Сибири и ее кадры (конец XVI – начало XX в.). – Новосибирск, 1976. – С. 146–160.

Хазиахметов Э. Ш. Советская историография сибирской политической ссылки 1905–1917 гг. // Полит. ссылки в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1983. – С. 37–49.

Хазиахметов Э. Ш. Массовые источники по истории сибирской политической ссылки 1905–1907 гг. // Полит. ссылка в Сибири. XIX – начало XX в.: Историография и источники. – Новосибирск, 1987. – С. 150–162.

Чужак Н. Ссылка и областничество // Сибирская ссылка : сб. Первый. – М., 1927. – С. 88–109.

Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.) / М. Б. Шейнфельд. – Красноярск : Изд-во Красн. гос. пед. инста, 1973. – 400 с.

Шиловский М. В. Взаимоотношения политических ссыльных и областников в Сибири в освещении советских историков // Полит. ссылка в Сибири XIX – начала XX в. Историография и источники. – Новосибирск, 1987. – С. 48–54.

Щербаков Н. Н. Обзор источников по истории политической ссылки в Восточную Сибирь (1907–1917 гг.) // Вопр. истории Сибири. – Томск, 1976. – Вып. 9. – С. 318–323.

Щербаков Н. Н. Обзор материалов по истории политической ссылки в Краковском воеводском архиве // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1980. – Вып. 5. – С. 144–178.

Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных революционеров на классовую борьбу, общественно-политическую и культурную жизнь Сибири в 1906–1917 гг. (Советская историография проблемы) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1983. – Вып. 8. – С. 3–26.

Исследования зарубежных авторов

Кейзерлинг Р. Сибирь: Из путевых записок графа Р. Кейзерлинга. – М. : Университ. тип., 1900. – 250 с.

Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: Очерки из жизни политических ссыльных : в 2 т. / Дж. Кеннан. – СПб. : Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 1999. – Т. 1. – 160 с. ; Т. 2. – 169 с.

Price J. From the Arctic ocean to the yellow sea: Hie narrative of a journey in 1890 and 1891 across Siberia, Mongolia, the Gobi desert and North China. Julius M. Price, special artist of the «Hlustrated London News». – London, 1892. – 384 p.

Windt Н. Сибирь и ссылка перед судом англичанина. From Pe-kin to Calais by Land London, 1889 // Рус. обозрение. – 1890. – № 6. – С. 881–886.

Учебное издание

Иванов Александр Александрович

**СИБИРСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА XVII – НАЧАЛА XX В.
В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ**

Редактор Э. А. Невзорова
Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2013. Поз. 224
Подписано в печать 25.12.2013. Формат 60х90 1/16
Уч.-изд. л. 8,1. Усл.-печ. л. 9,6. Тираж 100 экз. Заказ 231

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36